

Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический
университет»

В. С. Елагин

Золотая Орда. XIII век

Новосибирск • 2012

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)42-99
Е 47

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВПО «НГПУ»

Научный редактор
доктор исторических наук, профессор НГПУ
Е. И. Соловьёва

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор НГПУ
Т. Н. Троицкая;
кафедра отечественной истории НГПУ

Е 47

Елагин, В. С.

Золотая Орда. XIII в. / В. С. Елагин. – Новосибирск:
Изд. ФГБОУ ВПО «НГПУ», 2012. – 200 с.

ISBN 978-5-85921-950-6

В книге раскрывается сложный мир становления Улуса Джучи – Золотой Орды в XIII веке. Особое внимание автор уделяет завоевательным походам Бату на Русь, включению ее в систему Монгольской империи, взаимоотношениям русских княжеств и ханов Золотой Орды.

Книга рекомендуется студентам, изучающим средневековую историю России, всем интересующимся нашей историей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)42-99

ISBN 978-5-85921-950-6

© Елагин В. С., 2012
© ФГБОУ ВПО «Новосибирский
государственный педагогический
университет», 2012

*Всем тем, кто поддержал меня
в самый тяжелый момент
моей жизни, посвящается.*

От автора

Эта книга родилась скорее от отчаяния. Отчаяния преподавателя средневековой истории, гражданина России. Как же плохо наш народ знает собственную историю! Это касается как простых сограждан, так и студентов, изучающих эту дисциплину.

Эта тенденция усилилась в последнее время. ЕГЭзация процесса изучения истории в школе убивает у школьников способность творчески мыслить, рассуждать о тех или иных тенденциях исторического познания, расширять свой гуманитарный кругозор. Мы загнали их в тесный мир тестовых заданий, из которого им невозможно вырваться. Зачем читать дополнительно, зачем работать над историческим источником, когда всего лишь требуется попасть на правильный ответ заданного, порой в идиотской форме, вопроса. Со всем этим приходится сталкиваться в реальной жизни. Студенты первого курса еще хоть как-то ориентируются в трафаретных вопросах, но все, что касается тем, выходящих за рамки тестов, удивляет абсолютной неграмотностью. Особенно это касается таких тем, как «Монголо-татарское завоевание Руси» и «Золотая Орда». Если о походе Батыя им еще что-то известно, то относительно самой Золотой Орды как государства (ее устройства, геополитической истории, правителей и т. д.) – практически все остается за рамками их познания. Это тем более обидно и досадно, ведь монгольское завоевание коренным образом изменило ход истории нашего государства! Образовавшееся государство – Золотая Орда – превратилось во второй половине XIII – первой половине XIV в. в процветающую империю, охватившую громадные пространства Евразии, влиявшую коренным образом на политическую жизнь сопредельных регионов, связавшую тысячами нитей Восток и Запад. Золотая Орда стала предвестницей Российской империи, отправной точкой в формировании ряда народов, заселяющих ныне нашу Родину. Разве история Золотой Орды – не история России?! Значит, и изучать ее необходимо со всей тщательностью, как историю собственной страны.

За годы моего преподавания истории в НГПУ накопилось много материала. Папка с надписью «Золотая Орда» все пополнялась, и вот наконец настало время опубликовать эти материалы в виде книги. Прямо скажу: было необычайно трудно. Работа строилась на доско-

нальном изучении источникового материала. И если мир русских летописей мне был немного знаком, то анализ арабо-персидских источников пришлось открывать для себя, по существу, заново. Но ведь только в этом симбиозе источникового мира можно увидеть и отразить реальную историю. Еще очень важно было не повторяться, не утонуть в обилии литературы, изданной по этой теме, найти собственный путь изучения поставленных проблем. Что получилось – пусть судит читатель!

Хотелось бы сразу остановиться на нескольких исторических курьезах, заполонивших нашу историю. Первый касается названия книги. Дело в том, что государства под названием «Золотая Орда» никогда не существовало. Вернее, государство, конечно же, было, а вот название его впервые появляется в русской публицистике в середине XVI в. в «Казанской истории», когда само государство уже распалось на рад ханств. И этот термин позднее прочно вошел в российскую историографию. А ведь мы даже не узнаем, как это государство называлось, да и было ли у него название. В русских летописях примерно с 70-х годов XIII в. появляется термин «Орда» в применении не только как ставки верховного правителя, но и административного центра, из которого идет управление подвластными территориями. До этого просто употреблялись выражения «в татары», «из татар». В арабо-персидских летописях государство обычно обозначалось термином «Улус», иногда с добавлением имени правителя «Улус Берке». В них же используются и более ранний географический термин «Дешт-и-Кыпчак» – страна кипчаков, половцев. Исследователи связывают появление термина «Золотая Орда» с парадным ханским шатром [Егоров, с. 153]. Наиболее раннее описание содержится у Плано Карпини. Для избрания Гуюка в кааны был возведен большой шатер «называемый у них Золотой Ордой... Шатер же этот был поставлен на столбах, покрытых золотыми листьями и прибитых к дереву золотыми гвоздями» [Карпини, с. 48]. Описание Золотой Орды как резиденции хана Узбека встречаем в записках арабского путешественника Ибн-Батуты. Очевидно, от этого сверкающего своим великолепием ханского шатра и пошло позднее название государства. Причем оно

так прочно вошло в нашу историографию, что иного обозначения теперь трудно придумать, да оно и не прижилось бы.

Вторая историческая несурязица относится к термину «монголо-татары». На трафаретный вопрос «Кто завоевал Русь?» следует трафаретный ответ – «монголо-татары». Но ведь такого народа никогда не существовало. Были отдельно монголы, были отдельно татары. В XII в. степи Центральной Азии заселяло множество народов, говоривших как на монгольских, так и на тюркских языках. В 70-е годы XII в. татары разгромили практически все монгольские племена, установив свое господство во Внутренней Монголии. От татар пострадал и Темуджин (Тэмуджин), будущий Чингис-хан. Его отца Есугея-багатура коварно убили татары, и с 10-летнего возраста Темуджин познал немало унижений и нужду. Пройдя через все испытания, повзрослев и окрепнув, Темуджин сплотил вокруг себя отъявленных, как и он, хребцов, «людей длинной воли» и постепенно восстановил господство своего народа в Степи. В начале XIII в. ему удалось разгромить татар, практически всех их уничтожив. Вот как об этом говорится в «Сокровенном сказании», своеобразной «Повести временных лет» монгольского народа: «...мы сокрушили ненавистных врагов Татар, этих убийц дедов и отцов наших, когда мы, в справедливое возмездие за их злодеяние, поголовно истребили Татарский народ, примеряя детей их тележной оси...» [Козин, с. 165]. Другими словами, поголовному истреблению татар подлежали все люди старше 3–4-летнего возраста. Одна из татарских красавиц стала четвертой женой Темуджина. Народ был истреблен, а его имя осталось. Так в истории бывает.

Более того, термин «татары» сначала в Китайской империи, затем и в мусульманском мире стал распространяться на все монгольские племена. Это примерно то же самое, когда на Руси всех жителей Западной Европы называли немцами, а всех жителей Советского Союза иностранцы называли русскими. Термин «татары» перекочевал и в Европу. Правда, Плано Карпини в своих записках отделяет монгол от татар: «начинается история Монголов, именуемых нами татарами» [Карпини, с. 8]. В трудах ранних российских историков (В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин) тер-

мины «монголы» и «татары» фигурируют как равнозначные. Впервые выражение «монголо-татары» применил профессор Санкт-Петербургского университета П. Наумов в 1823 г. [Егоров, с. 158]. С тех пор это недоразумение и укоренилось в нашей историографии. В своей работе я чаще применяю термин «ордынцы», обозначающий всех жителей Орды. Но, говоря о времени захвата Руси, чаще использую термин «монголы», хотя при этом прекрасно понимаю, что под ним также скрывается конгломерат многих народов, участвовавших под господством монголов в завоевании.

Конечно же, эта работа не охватила все проблемы и этого времени, и этой темы. Я постарался показать основные направления внутренней и внешней политики Золотой Орды XIII века, этапы ее становления и развития, взаимоотношения с другими странами, в первую очередь с Русью, и народами. В процессе работы над книгой появлялись и новые идеи, и новые захватывающие версии. Но порой надо остановиться и осмотреться. А затем идти далее.

И конечно, я считаю своим долгом выразить слова искренней благодарности Наталье Викторовне Вилковой, Юрию Ивановичу Капле, Ирине Владимировне Пышной, Марике Эдуардовне Пышной, Олегу Германовичу Семёнову за помощь в работе над этой книгой.

Глава I. Образование Улуса Джучи

28 августа 1227 г., во время похода на Тангутское государство (Си Ся), умирает Великий Завоеватель Вселенной – Чингис-хан. Он сотворил, казалось бы, невозможное: из десятков, сотен разрозненных монгольских, тюркских и иных народов Центральной Азии была создана колоссальнейшая империя, равной которой не было в мире. Чингис-хан завещал своим потомкам укреплять и расширять ее «до последнего моря».

Завоеватель Вселенной происходил из знатного и древнего монгольского рода Буржигин (Борджигидов). У него было много жен, но старшей и наиболее почитаемой была Бортэ-хатун (Боракчин-хатун) из также почтенного рода Конкурат. Именно ее сыновья яв-

Чингис-хан.
Китайский
рисунок. XIV в.

лялись прямыми наследниками Великого хана. «Заслуживающие доверия люди рассказали, что у Чингис-хана было четыре сына: имя старшего было Туши (Джучи), имя младшего за ним – Чагадай (Чагатай), третьего – Угетай (Угэдей), младшего из всех – Тули (Толуй)» – находим мы такое сообщение у персидского автора Джузджани [Тизенгаузен, 1941, с. 13] (приложение 1). Перед смертью Чингисхан назначил своим преемником третьего сына Угэдея, временной правительницей должна была стать его мать – Бортэ. Младший сын Толуй должен был руководить государством до созыва курултая, на котором необходимо было утвердить назначенного преемника. Очевидно, тогда же был закреплен окончательный раздел завоеванных земель между сыновьями Чингис-хана, осуществленный несколько ранее, во время похода на Хорезм. Но сразу же возникает вопрос: а почему нет двух самых старших братьев – Джучи и Чагатая? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вернуться к событиям Западного похода и покорения Средней Азии. Именно тогда впервые Чингисхан задумался о своем преемнике. Поводом для принятия такого решения, согласно «Сокровенному сказанию», был упрек ханши Есуй в том, что Чингисхан не заботится о своем преемнике. Она обратилась к нему с такими словами:

«Государь, Каган!
О благе народном все мысли твои:
Проходишь ли ты перевалом высоким,
Широки ль реки ты вплавь переходишь,
Иль в дальний поход ты, как ныне, идешь.
Но в мире не вечно ведь все, что родилось.
Как семя, народ твой развеется,
Когда упадешь ты, владыко,
Как падает в бурю высокое древо.
Кому же ты царство свое завещаешь?
Как стая испуганных птиц, разлетится
Народ твой, когда, пошатнувшись,
Падет его царственный столп и опора.
Кому же ты царство свое завещаешь?
Чье имя назовешь ты из четырех твоих витязями родившихся
сыновей?» [Козин, с. 182–183].

И потрясающий ответ Чингис-хана:

«Даром что Есуй – женщина, а слово ее справедливее справедливого. И никто ведь, ни братья, ни сыновья, ни вы, Боорчу с Мухалием, подобного мне не доложили.

Сам же я видно забылся.

Будто за предками мне не идти !

Сам же я видно заспался.

Будто бы смерть и меня не возьмет!» [Козин, с. 182].

Чингис-хан созывает семейный совет. Вообще-то это необычное явление. До Чингис-хана и после него все решения принимались на общемонгольском совете – курултае с участиями самых знатных и уважаемых родов. Здесь же вопрос решался в узком круге многочисленной семьи Чингис-хана и его верных друзей. Тем самым он хотел узаконить право наследования титула Великого хана лишь только из Чингизидов.

После того, как начался совет, Чингис-хан предложил высказаться каждому из своих сыновей: кого бы они хотели видеть своим властителем. И первым, естественно, дал слово Джучи, старшему сыну, обозначив тем самым его естественное право на первенство. Этому резко воспротивился Чагадай: «"...Ты повелеваешь первому говорить Чжочию (Джучи). Уж не хочешь ли ты этим сказать, что нарекаешь Чжочию? Как можем мы повиноваться этому наследнику Меркитского плена". Эти слова резко оскорбили Джучи, ведь Чагадай поставил под сомнение факт, что Джучи является сыном Чингис-хана, и он набросился на Чагадая. Братьев вовремя разняли. Тогда заговорил Коко-Цос, который стоял с левой руки...: "Не родились ли вы из одного и того же чрева, не поднялись ли вы от одного и того же лона? Если вы оскорбите свою мать, которая носила вас под сердцем, то душа ее охладет к вам и никогда того не исправить". И тут резко сказал Чингис-хан: "Как смеете вы подобным образом отзываться о Чжочи. Не Чжочи ли старший из моих царевичей? Впредь не смейте произносить подобных слов!" В ответ Чагадай, улыбнувшись, произнес: "Никто не оспаривает ведь ни заслуг Чжочиевых, ни его достоинств, но ведь и то сказать: за убийство на словах не полагается тяжкого наказания, точно так же как

за причинение смерти языком с живого человека кожи не берут. Ведь оба мы с Чжочием старшие сыновья. Вот и будем мы парою служить батюшке-государю. И пусть каждый из нас руку по самое плечо отхватит тому, кто будет фальшивить, пусть ногу по жилам отхватит по самую голень тому, кто отставать станет. Огадай (Угэдей) у нас великодушен, Огадая бы и наречь. Добро быть Огадаю при особе батюшки-государя, добро государю и батюшке преподавать ему наставление о Великой темной шапке!"

На эти слова Чингис-хан заметил: "А ты, Чжочи, что скажешь?" Чжочи говорит: "Чагдай уж сказал. Будем служить парой с Чагдаем. Высказываемся за Огадая!" – "К чему же, – говорит Чингис-хан, – к чему же непременно парой? Мать-земля велика. Много на ней рек и вод. Скажите лучше – будем отдельно друг от друга править иноземными народами, широко раздвинув отдельные кочевья. Да смотрите же вы оба, Чжочи с Чагдаем, крепко держитесь только что данного друг другу слова. Не давайте подданным своим поводов для насмешек или холопам – для пересудов..." Так сказав, он обратился к Огадаю: "А ты, Огадай, что скажешь? Говори-ка!" Огадай сказал: "Как мне ответить, что я не в силах? Про себя-то я могу сказать, что постараюсь осилить. Но после меня, а что как после меня народятся такие потомки, что, как говорится, "хоть ты их травушкой-муравушкой оберни – коровы есть не станут, хоть салом обложи – собаки есть не станут". Не выйдет ли тогда дело по пословице: "Лося-сохатого пропустил, а за мышью погнался!" Что еще мне сказать? Да только всего я и могу сказать". "Вот это дело говорит Огадай, – сказал Чингис-хан. – Ну, а ты, Толуй, что скажешь? Говори!" Толуй отвечал: "А я, я пребуду возле того из старших братьев, которого наречет царь-батюшка. Я буду напоминать ему то, что он позабыл, буду будить его, если он заспится. Буду эхом его, буду плетью для его рыжего коня. Повиновением не замедлю, порядка не нарушу. В дальних ли походах, в коротких ли стычках, а послужу!" Чингис-хан одобрил его слова и так повелеть соизволил: "...Я и мое наследие поручаю одному. Мое повеление – неизменно. И если оно не станете как-нибудь перекраивать, то ни в чем не ошибетесь, и ничего никогда не потеряете. Ну, а уж если у Огадая народятся такие потомки, что хоть травушкой-муравушкой оберни – коровы есть

не станут, хоть салом окрути – собаки есть не станут, то среди моих-то потомков ужели все-таки ни одного доброго и не родится?" Так он соизволил повелеть» [Козин, с. 185–186].

Я сознательно привел отрывок из «Сокровенного сказания» почти полностью, чтобы показать то внутреннее напряжение, что сопутствовало избранию преемника, объяснить, почему Великим ханом оказался Угэдей, а не его старшие братья и, самое главное, чтобы стала понятной причина вражды потомков Джучи и Чагатай в последующие времена. И еще, конечно, требуется объяснение, почему вдруг возникло сомнение в законности старшего сына Чингис-хана. По мнению Рашид-ад-Дина, как отмечалось ранее, матерью Джучи была старшая жена Чингис-хана (тогда еще Темуджина) Бортэ-хатун. История повествует, что в 1183 г., когда Бортэ была беременна Джучи, на род Темуджина напало племя меркитов. Они разорили его владения и увели в плен Бортэ. В плену она оказалась наложницей одного из меркитов. Через некоторое время меркиты в качестве подарка передали ее керайтскому хану Онг-хану. По Рашид-ад-Дину, Онг-хан обещал Бортэ и, когда Темуджин обратился к нему с просьбой о выдаче своей жены, незамедлительно это сделал. По дороге родился сын, которого назвали Джучи (Чжочи), что означает «нежданный гость» [Тизенгаузен, 1941, с. 39–40]. Очевидно, это произошло в 1184 г. и, хотя, судя по всему, Чингис-хан искренне любил и уважал свою первую жену, этот эпизод наложил определенный отпечаток на отношения отца к старшему сыну, а главное, сделал последнего предметом насмешек, а порой и откровенной неприязни младших братьев к Джучи. Те порой открыто высказывали сомнения в отцовстве Чингис-хана, что и стало в дальнейшем мрачной прелюдией вражды потомков братьев.

Итак, преемник был обозначен. Чуть позже было составлено Чингис-ханом завещание, в котором все земли образовавшейся Монгольской империи были разделены между его сыновьями. В соответствии с монгольскими обычаями произошел и раздел территории. Младшему сыну – Толую – была выделена центральная и западная части Монголии, «дом отца», основное ядро, собственно, рода Борджигидов. Чагатай получил территорию бывшего царства Кара – Кида-

ней с центром земель в бассейне реки Или. Территория, включающая земли Верхнего Прииртышья, Джунгарии, была выделена Угэдею. И наконец, старшему сыну были отданы самые западные земли, лежащие от Монголии севернее Арала. Именно Джучи стал основателем того государства, о котором этот рассказ, поэтому с него и начал я повествование.

О рождении Джучи уже сказано. Еще раз подчеркну, что сам Чингис-хан нигде не ставил под сомнение свое отцовство. Бортэ всю жизнь оставалась для него не только верной женой, но и надежным хранителем их семейного очага. Для кочевников это необычайно важно, ведь любая измена супруги неизменно оборачивалась ее смертью. «Выросши, он (Джучи) всегда был неразлучным спутником и собеседником отца и пособником (его) в счастье и несчастье. Но между ним и братьями его Чагадем и Угэдеем, постоянно были вражда, раздоры и несогласие.., тогда как между ним (Джучи) и Тулуй-ханом был проложен путь единомыслия и искренних отношений» [Тизенгаузен, 1941, с. 40]. Трудно сейчас сказать, что стало причиной вражды и ненависти между братьями. Наверное, обычная человеческая зависть по отношению к старшему брату как более способному в военных действиях, охоте, более удачливому... Но все это лишь предположения. Это несогласие среди своих наследников видел и остро чувствовал и сам Чингис-хан, пытаясь все время направить их в мирное русло.

Старший сын сызмальства был при отце, участвовал во всех военных действиях. Сразу же после избрания Темуджина Чингис-ханом на курултае 1206 г., он был отправлен в первый самостоятельный поход. В 1207 г. Джучи во главе большого войска покоряет лесные народы, жившие между Селенгой и Енисеем. Это событие известно нам по «Сокровенному сказанию». «В год зайца (1207) Чжочи был послан с войском Правой руки к Лесным народам... Подчинив Ойратов, Бурятов, Бархунов, Урсутов, Хабханасов, Ханхасов и Тубасов, Чжочи подступил к Тумен-Киргизам. Тогда к Чжочи явились Киргизские нойоны Еди, Инал, Алдиер и Олебек-дигин. Они выразили покорность и били государю челом белыми кречетами-шинхот, белыми же меринами да белыми же соболями. Чжочи принял под

власть Монгольскую все Лесные народы, начиная оттуда по направлению к нам, а именно народы: Шибир, Кесдиин, Баит, Тухас, Тенлек, Тоелес, Тас, Бачжиги. Взял он с собою Киргизских нойнов – темников и тысячников, а так же нойонов Лесных народов и, представив Чингис-хану, велел бить государю челом своими белыми кречетами, да белыми ж меринами, да белыми ж соболями... Милостиво обратясь к Чжочи, Чингис-хан соизволил сказать: "Ты старший из моих сыновей. Не успел и выйти из дому, как в добром здравии благополучно воротился, покорив без потерь людьми и лошадьми Лесные народы. Жалую их тебя в подданство"» [Козин, с. 174–175].

Важность этого похода определяется двумя факторами: во-первых, это был общемонгольский поход и в помощь Джучи были определены три авторитетных главнокомандующих – Монкеур, Кете и Гунан, а во-вторых, тем, что этот поход преследовал еще одну определенную цель – завоевание территории для самого Джучи. Дело в том, что старший сын, достигший зрелости, отделялся от отца и получал, по традициям кочевников, новые пастбища, новые земли. Таким образом, становится понятным, почему Улус Джучи стал формироваться к северо-западу от ядра Борджигидов, в степях Забайкалья, верховьях Енисея. Это было начальное звено, а дальше подлежали завоеванию земли в западном направлении и в первую очередь привольные степи Казахстана – «Великая Степь», «Дешт-и-Кыпчак» – как ее называли в арабских источниках. Для кочевника «Дешт-и-Кыпчак» представлял истинный рай. По словам Джузджани, «Когда Туши (Джучи), старший сын Чингис-хана, увидел воздух и воду кипчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ, обширнее этих» [Тизенгаузен, 1941, с. 14].

После удачно проведенной военной кампании Джучи был привлечен к походу монголов на Тангутское государство (Си Ся). В 1209 г. монгольские войска под руководством самого Чингис-хана вторглись в Си Ся [Кычанов, с. 49] и нанесли сокрушительное поражение этому государству. Тангутская принцесса, известная под монгольским именем Чахе, стала третьей женой Чингис-хана. Однако полностью покорить тангутов монголам не удалось. В 1211 г. Чингис-хан

начинает войну с могущественным государством Чжурчжэней-Цзинь. В результате Восточная кампания растягивается на многие годы. Источники не сообщают о степени участия Джучи в этих военных действиях. Между тем, завоевание лесных народов не означало еще их покорение. В период с 1211 по 1218 гг. в захваченных Джучи землях вспыхивает ряд восстаний. В 1217 г. восстал Кори-Тумада, и Чингис-хан отправляет своего старшего сына для подавления восставших. Разобщенность восставших и энергичные действия Джучи привели к быстрому восстановлению порядка. Зимой 1219 г.

Монгольский
воин.
Китайский
рисунок

он по замерзшим рекам Селенге и Енисею провел свое войско и вновь покорил проживавшие здесь народы [Козин, с. 181].

В это время Чингис-хан уже готовился к своему Среднеазиатскому походу. Ранней весной 1219 г. Джучи, оставив гарнизоны в завоеванных землях и назначив наместником Корчи, поспешил на встречу со своим отцом, который в верховьях Иртыша собирал войска, готовясь к вторжению в Среднюю Азию. Поход начался в сентябре 1219 г. [Петрушевский, с. 123]. Свое войско Чингис-хан разделил на три части. Одна часть во главе с его сыновьями Чагатаем и Угэдеем штурмовала город Отрар, второй отряд под руководством Алак-нойона должен был покорить города в верховьях Сырдарьи. И, наконец, отряды Джучи должны были завоевать города по нижнему течению реки Сырдарьи. В течение зимы 1219–1220 гг. Джучи провел удачную военную кампанию, захватив целый ряд городов: Сыгнак, Узгенд, Барчиликент и др. В феврале 1220 г. пал Отрар. Развивая свой успех, Чингис-хан к лету 1220 г. завоевал почти всю Среднюю Азию. В 1221 г. пал Хорезм. Дальнейшие военные действия велись уже на территории Хорасана, Афганистана, на берегах Инда.

Осенью 1222 г. Чингис-хан вернулся в Самарканд, где пробыл до весны 1224 г. Затем началось долгое возвращение в Монголию. Летом 1224-го Чингис-хан кочевал по берегам Иртыша, а в 1225 г. возвратился в Монголию [Петрушевский, с. 130].

После захвата Самарканда Чингис-хан отправил три тумена под предводительством лучших своих полководцев Субэдэя и Джэбэ на поиски бежавшего хорезмшаха Мухаммада. Тот скрывался на острове Абакан южного берега Каспийского моря, где и нашел свой бесславный конец, умерев от плеврита. Перед смертью Мухаммад назначил своим преемником старшего сына Джелаль-ад-Дина. Не обнаружив Мухаммада, войска Субэдэя и Джэбэ с боями прошли по территории Северного Ирана и вышли к западной провинции Хорезмшаха – Азербайджану. Здесь они разбили 10-тысячную армию армянского царя Георгия IV, захватили города Нахичевань, Гянджу, Шемаху, разорили Арран (область между Курой и Араксом) и через «Железные ворота» (Дербент) вышли в северо-кавказские степи.

Осенью 1222 г. монголы столкнулись с коалицией проживавших здесь аланов (предков современных осетин) и половцев (кипчаков). У Рашид-ад-Дина есть сообщение, что эти народы объединили свои военные силы и дали монголам решающий бой, который, правда, не привел к чьей-то победе. Тогда Субэдэй и Джэбэ прибегли к традиционной для монголов тактике поссорить и внести рознь в стан союзников и разгромить их затем по отдельности. Они послали половцам послание, сопроводив его щедрыми подарками, в котором писали: «Мы и вы – одного племени и происходим из одного рода, а аланы нам чужие. Мы с вами заключим договор, что не причиним друг другу вреда, мы дадим вам из золота и одежды то, что вы пожелаете, вы же оставьте нам аланов» [Тизенгаузен, 1884, с. 26]. Поверив монголам, половцы покинули своих союзников и ушли в степь. Войска Субэдэя и Джэбэ разгромили сначала алан, а затем и половцев – своих якобы союзников. Часть из них бежала в Крым, а «иные ушли в страну русских». Монголы перезимовали в причерноморских степях, а весной 1223 г. их войска вторглись в Крым. По словам арабского историка Ибн ал-Асира, монголы захватили город Судак – «город кипчаков, из которого они получают свои товары, потому что он лежит на берегу Хазарского моря, и к нему пристают корабли с одеждой; последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, бургасские меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся в земле их» [Тизенгаузен, 1884, с. 26]. После захвата Судака монголы устремились в южнорусские степи в погоню за бежавшими остатками половцев.

Последующие события достаточно полно описаны в русских летописях. Правда, и тон описания, и анализ конкретных действий порой значительно отличаются. И все же, сопоставляя различные данные из текстов летописей, возможно нарисовать общую картину событий. Потерпевший поражение половецкий хан Котян обратился за помощью к своему зятю, галицкому князю Мстиславу Мстиславовичу, сопроводив свою просьбу щедрыми подарками: «...и дары принесе многы: кони и вельблуды и буволы и девкы» [НПЛ, с. 62]. В этой просьбе нет ничего необычного. Конечно, и в 30-х годах XIII в. русские и половцы

воспринимали друг друга как извечных врагов. Вместе с тем к этому времени уже далеко зашел процесс интеграции этих двух народов. Русские активно брали себе в жены восточных красавцев, при этом скрепляя княжеские договоры, как, например, Владимир Мономах и Олег Святославович и половецкие князья. В половецкой среде достаточно быстро распространялось христианство: все активнее шел процесс сближения и слияния двух культур. Можно предположить, что если бы не монгольское нашествие, то возникновение казачества как этноса произошло бы значительно раньше. Конечно, не только родственные чувства двигали галицким князем Мстиславом. По всей видимости, все южнорусские князья (в первую очередь они) почувствовали страшную угрозу и смертельную опасность.

Великий князь Мстислав Романович собирает в Киеве военный совет. Решались, очевидно, два ключевых вопроса: как собрать в очень короткое время максимально возможное количество войска и какую избрать тактику с «неизвестным» противником. На клич киевского князя собрались практически все южнорусские князья: «...князь велики Мстиславъ Романовичъ Киевский, Ростиславль внукъ, и Черниговстии, князь Мстиславъ и Мстиславовичъ Галичский, сии же старейши бяху земли Русской, съ ними же младии князи: Данило Романовичъ Мстиславичя, и князь Михайло сынъ Всеволода Чръмнаго Черниговский, и князь Всеволодъ Мстиславичъ и Романовичя, правнук Ростиславль, и иные князи мнози» – читаем мы в Никоновской летописи [ПСРЛ, т. 10, с. 90]. Гонцы отправлены были и к одному из самых значимых князей этой эпохи – Великому князю Владимирскому Юрию Всеволодовичу. Тот, «собрав малое войско, послал сыновца (племянника. – В. Е.) своего Василька Константиновича ростовского только с 800, и то по усиленной прозьбе Васильковой, который просился, чтоб ему в воинстве со старшими обучиться. Брата же и сына ни одного не послал, понеже оных татар презирал» [Татищев, 1964, т. 3, с. 215]. Трудно сказать, из какого источника взял эту фразу В. Н. Татищев, особенно о презрении владимирским князем противника, но Василек Ростовский будет одним из главных героев в описаниях летописей событий зимы 1237–1238 гг.

Князья единодушно приняли решение выйти навстречу врагу и разгромить его в половецких степях, не допустив на территорию южнорусских княжеств. Местом сбора стал городок Заруб на Днепре, куда стекались все военные дружины. О численности собравшегося войска информация имеется лишь у В. Н. Татищева: «Князь великий изчислил все войска, которых с ним было: киевских, переяславских, городенских, черных клобуков и поросян 42 500, со Владимиром Рюриковичем, смолян и туровцов 13 тысяч 800, с князем Мстиславом черниговских и северских 21 300, да вятич 2000, со князем Мстиславом галичан, владимирцев, лучан и подунайцов 23 400 и протчие младшие князи с ними, всего сто три тысячи (помоему, 89 500, уточняет В. Н. Татищев. – В. Е.), какого русского войска давно вкупе не бывало. К тому ожидали новгородских, Василька с ростовцы, от Юрия из Белой Руси и резанских войск; також половцы обесчали до 50 000, собрав, присовокупить» [Татищев, 1964, т. 3, с. 216]. Напомним, что в поход Чингис-хан послал 3 тумена, т. е. войско около 30 000 человек.

В разгар сборов в русское войско прибыли монгольские послы. Трудно сейчас судить, чем руководствовался Субэдэй, посылая послов в стан русских, возможно, это была обычная тактика изучения противника, введенная Чингис-ханом. Послы должны были в первую очередь выяснить силы противника, при возможности расстроить их ряды (как было при посольстве к половцам против алан). Новгородская летопись вкладывает в уста послов следующую речь: «...се слышимъ оже идете противу насъ, послушавше Половць; а мы вашей земли не заяхомъ, ни городъ вашихъ, ни селъ вашихъ, ни на васъ придохомъ, нъ придохомъ богомъ пущени на холопы и на конюси свое на поганяя Половче; а вы възмите с нами миръ; аже выбежать къ вамъ, а биите ихъ оттоле, а товары емлите к себе: за-неже слышахомъ, яко и вамъ много зла створиша; того же дея и мы биемъ» [НПЛ, с. 62].

Судить о том, насколько слова монгольских послов реальны или выдуманы русским летописцем, сейчас достаточно сложно. Важно, что Субэдэй пытался отговорить русских князей от военных

действий, упирая на тот факт, что это конфликт между половцами и монголами, конфликт внутри Степи, не затрагивающий русских княжеств. Стоит отметить, что, согласно монгольским обычаям, послы пользовались иммунитетом неприкосновенности. Русские или не знали этого, или не захотели на это обращать внимания – они убивают монгольских послов. Зададим себе вопрос: что это – демонстрация силы, недальновидность князей, пренебрежение соперника? Как бы то ни было, они совершают роковой для себя поступок. Опять же, согласно монгольским обычаям, враг, убивший монгольских послов, в любом случае должен быть уничтожен, и тем самым убитые будут отомщены. Стало быть, предстоящая битва становилась неизбежной.

Собрав войска, русские князья двинулись вниз по Днепру к Проточам, где была основная переправа через реку. Здесь их поджидал второй отряд монгольских послов. И снова переговоры не увенчались успехом, правда, на этот раз послам сохранили жизнь. По всему чувствовалось, что военного столкновения было не избежать.

Переправившись через Днепр у острова Хортица, русские войска углубились в Степь. Вскоре произошла и первая стычка передовых отрядов с монгольскими заставами. Дозорные Субэдэя были перебиты, оставшаяся их часть обратилась в бегство. Это необычайно вдохновило русские войска. Ускоренным маршем они в течение 9 дней продвигались вглубь Половецкой степи, пока не подошли к реке Калке (ныне речка Калмиус, впадающая в Азовское море). Здесь 31 мая 1223 г. состоялась знаменитая Калкская битва.

У русских войск было превосходство в военной силе, однако отсутствие единого командования, несогласованность действий князей, «бе бо котора (распря. – В. Е.) велика межю ими» [ПСРЛ, т. 2, стб. 743], отсутствие знаний о тактике соперника привели к трагическим последствиям. Мстислав Мстиславович Галицкий, переправившись через речку, послал впереди себя молодого 18-летнего князя волынского Даниила Романовича с его отрядами, «а самъ по нихъ поиде, и пришедъ посла сторожи Яруна съ Половцы, а сами сташа» [ПСРЛ, т. 10, с. 91]. Киевский князь Мстислав Романович за-

нял выжидательную позицию, укрепил свои станы на высоком берегу реки и не торопился вступать в бой. Сторожевой отряд Яруна, найдя монголов, вступил с ними в бой. Но оказалось, что это также был один из сторожевых отрядов Субэдэя. Вскоре подоспели еще отряды монгольского войска. Их удар был сокрушительным, и половцы, не выдержав натиска, побежали, внося сумятицу в станы Мстислава Мстиславовича: «...и потъпташа бежаще станы русскихъ князь, не успеха бо испочитися противу имъ; и съмятошася вся и бысть сеця зла и люта» [НПЛ, с. 63]. Мстислав Галичский пытается контролировать ситуацию. Он посылает гонцов к киевскому князю с просьбой о помощи, но тот, «видя се зло, не движесе съ места никамо же» [НПЛ, с. 63].

Ситуацию на время исправил Даниил Романович. Он вместе с другими князьями Семёном Ольговичем и Васильком Гавриловичем атаковал вражеские позиции и обратил монголов в бегство. Во время атаки Даниил Романович был ранен, «и кровь лиашася; онъ же скакаше не чюаше-буести ради, бе бо мужественъ зело и крепокъ на брани» [ПСРЛ, т. 10, с. 91]. Однако бегство монголов оказалось ложным, чего не смогли понять русские князья. Заманив половецкие отряды в заболоченную местность, они предприняли массивный фланговый удар по передовым отрядам. Сняв их, монголы устремились на основные силы Мстислава Мстиславовича. Тот вынужден был отступать и под напором монголов, и вносящих сумятицу бегущих половцев. Великий князь Киевский, «видѣвше сие зло, и не подвигошася никамо же» [ПСРЛ, т. 10, с. 91], вместо того, чтобы бросить в бой свои войска и тем самым решить исход битвы, принялся спешно укреплять свой лагерь. Войска Субэдэя в этих условиях сконцентрировали свое внимание на битве с Мстиславом Мстиславовичем и, нанеся ему сокрушительное поражение, стали преследовать убегающего противника. Трое суток они гнались за убегающими русскими отрядами. Мстислав Мстиславович и Даниил Романович, практически бросив свое войско, переправились на другую сторону Днепра, предварительно изрубив оставшиеся лодки, чтобы монголы не смогли их преследовать, и тем самым обрекли оставшихся своих воинов на верную смерть.

Все это время киевский князь со своими людьми держал оборону своего лагеря. Видя тщетность наступательных усилий, Субэдэй пошел на известную военную хитрость. Используя воеводу бродников Плоскиню, он предложил Мстиславу мир, обещая сохранить всем жизнь. Поверив обещаниям, русские князья сдались и «сълга оканьныи: преда ихъ, извъязавъ, татаромъ; а городъ възяшь, и люди исекоша, и ту костью падоша; а князи имъше, издавиша, подъкладъше подъ дъскы, а сами верху седоша обедать, и тако животь ихъ концяша» [НПЛ, с. 63]. Так бесславно погиб Великий князь Киевский и его окружение. Поражение русских войск было полным. Бежавшие части монгольские отряды преследовали вплоть до Чернигова и Новгород-Северского. Жители последнего пытались найти спасение, уповая на божью помощь и защиту. Они вышли навстречу монголам с крестами и иконами, но и это им не помогло. Все жители были уничтожены, а город сожжен. Первое знакомство русских земель с монголами было поистине плачевным. Было убито 6 князей, с поля боя возвратился лишь каждый десятый русский воин, одних киевлян было убито около 10 тысяч человек. Новгородская летопись подводит плачевный итог Калкской битвы: «И погыбе множество бещисла люди; и быть вопль и плачь и печаль по градом по всем, и по селам» [НПЛ, с. 267].

Субэдэй не стал развивать успех на Русской земле. Чувствуя отчаянное сопротивление, нехватку собственных сил, он приказал повернуть свои войска на восток и двинуться на соединение с войсками Чингис-хана. На обратном пути Субэдэй вторгся в пределы Волжской Булгарии и встретил здесь ожесточенное сопротивление. Булгары развернули настоящую партизанскую войну. Избегая открытых сражений, они «в нескольких местах устроили им засады и перебили множество воинов» [Тизенгаузен, 1884, с. 27–28]. Войскам Субэдэя и Джэбэ спешно пришлось отступать. Спустившись по Волге к Саксину и степям у северных берегов Каспийского моря, они через сегодняшний Казахстан возвратились в Монголию.

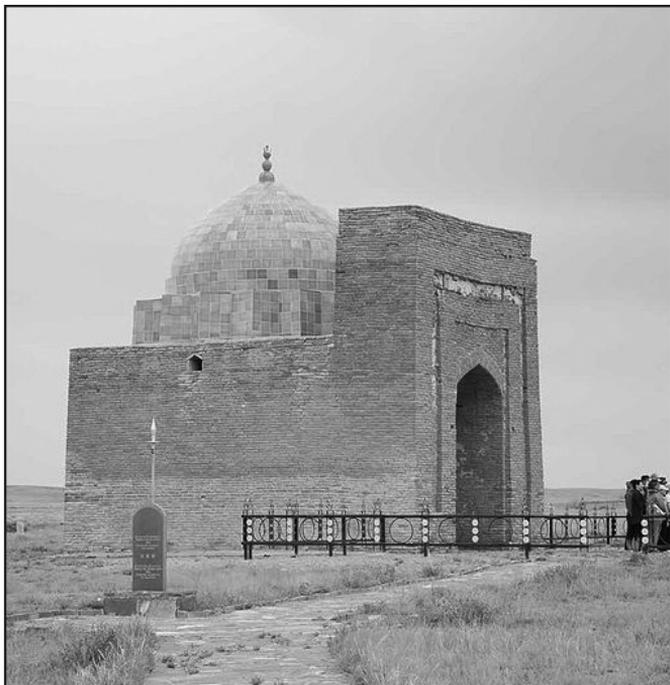
Признал ли Чингис-хан, даже несмотря на большие потери, этот поход Субэдэя и Джэбэ удачным? Скорее всего, да. Ведь первоначально он планировался лишь как погоня за хорезмшахом Мухам-

мадом, а затем перерос в широкий разведывательный поход вглубь Половецкой степи, территории, столь возжеленной для монгольских завоеваний. У Рашид-ад-Дина мы читаем о четкой спланированности этой операции: «...с Чингиз-ханом было установлено, что они (Судэбэй и Джэбэ) закончат это дело в продолжении 3-х лет; оно было завершено в два с половиной года» [Тизенгаузен, 1884, с. 31]. К сожалению, источники молчат о роли в проведении этой военной кампании Джучи, хотя, по идее, именно ему предстояло по воле отца завоевать эти территории.

Во время Среднеазиатского похода Чингис-хан впервые задумался о собственной смерти, что заставило его выбрать себе преемника и наделить своих сыновей землями. Я не думаю, что Джучи считал себя обделенным. В свои владения он получал обширнейшие территории не только на юге Сибири, Казахстана, но и свою долю в завоеванной Средней Азии. Джувейни пишет, что «Своему сыну Туши он (Чингис-хан) дал территорию, простирающуюся от районов Каялыка и Хорезма до отдаленнейших частей Саксина и Булгара и так далеко, куда достигнут копыта татарской лошади» [Тизенгаузен, 1941, с. 20]. У Рашид-ад-Дина мы встречаем сообщение, что «Чингис-хан поручил Джучи все страны и улус, который располагался в районе Эрдыша (Иртыша) и все Алтайские горы, а лето и зима в этом районе колеблются. Он так же издал Ярлыг, что возьмет во владения Кипчакскую степь и страны, которые будут завоеваны в той стороне» [Рашид-ад-Дин, 1960, с. 79].

Джучи, очевидно, рьяно взялся за обустройство своей территории. В источниках нет сообщений о его деятельности, но все же стоит думать, что его главной заботой стало не уничтожение и покорение новых народов, а налаживание жизни в городах, возрождение торговых путей и многое другое, связанное с хозяйственной деятельностью. В пользу этого говорит и тот факт, что необычайно быстро из руин поднялся город Ургенч, а затем и весь Северный Хорезм, т. е. земли, отошедшие Джучи. Это расходилось с политикой отца, политикой разрушения, покорения все большего количества народов. Чингис-хан отдал приказ покорить «северные страны, как-то: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дешт-и-Кипчак и другие области тех краев» [Рашид-ад-Дин, 1941, с. 79].

В силу каких-то причин Джучи не торопился выполнить этот приказ. По всей видимости, к этому времени он сильно заболел. Он даже не смог выехать в Монголию на вызов рассердившегося Чингис-хана. Между тем в Орде (ставке) Чингис-хана появился один человек из монгольского племени мангит и рассказал, что, проезжая через владения Джучи, он видел, как тот охотился. «По этой причине воспламенился огонь ярости Чингис-хана, и, вообразив, что Джучи очевидно взбунтовался, что не обращает внимания на слова отца» [Рашид-ад-Дин, 1960, с. 79], посылает на него тумены Чагатая и Угэдея. Но битвы не произошло. В самый последний момент в ставку приходит весть о смерти Джучи. Чингис-хан срочно приказал найти того мангута, чтобы произвести расследование. Но его и след простыл. В «Шаджарат-ал-Атрак» («Родословие Тюрков»), источнике XV в., содержится удивительно поэтический рассказ о том, что, получив известие о смерти старшего сына, убитый горем отец запричитал:

Мавзолей Джучи

«Подобно кулану, лишившемуся своего детеныша,
Я разлучен со своим детенышем;
Подобно разлетевшейся в разные стороны стае уток,
Я разлучен со своим героем-сыном» [Тизенгаузен, 1941, с. 224].

Дата смерти Джучи не обозначена ни в одном источнике, известно лишь, что это произошло за шесть месяцев до кончины самого Чингис-хана, значит, где-то в феврале 1227 г.

Подводя небольшой итог, приходим к мысли, что именно с Джучи, старшего сына Чингис-хана, начинается зарождение государства, которое позднее будет называться Золотой Ордой. Именно при нем формируется географически территориальное ядро, складывается военно-административная организация Орды.

Глава II. Путь на Запад. Рождение Золотой Орды

В 1196 г. Джучи женится на Никтимиш-Фуджин, дочери Джака Гамбо, брата Онг-хана кераитского. Она и стала его старшей женой. Кроме нее, у Джучи было еще много жен и наложниц, «а от них у него было много детей, так, что люди, слова которых заслуживают доверия, говорят, что у него было 40 сыновей, а от них разветвилось бесчисленное множество внуков...» [Тизенгаузен, 1941, с. 40–41]. Правда, автор этих строк – Рашид-ад-Дин перечисляет имена лишь 14 известных ему сыновей Джучи: Орда, Бату, Берке, Беркегар, Шибан, Тангут, Бувал, Чилаукун, Шингкур, Чимпай, Мухатмед, Удур, Тука-Тимур, Сингкум [там же, с. 41]. Впрочем, наследниками считались лишь сыновья от Никтимиш-Фуджин (приложение 2).

После похорон отца между двумя его старшими сыновьями Ордой и Бату разгорелся спор. Каждый не хотел уступить другому главенство над Улусом Джучи. Спор закончился ничем, и для его разрешения братья отправились к Чингис-хану. Узнав о приезде внуков, дед велел поставить для них три юрты: белую юрту с золотым порогом для Бату, синюю юрту с белым порогом – для Орды, серую юрту со стальным порогом для Шибана, а для Тока (Тука)-Тимура не поставил даже крытой повозки. Таким образом Чингис-хан изначально предопределил первенство своего второго внука. Такое решение устроило и Орду, да и разве мог он оспаривать приказ своего великого деда. По словам Рашид-ад-Дина, Орду был доволен назначением Бату на царство и сам уладил возведение его (на престол) на место отца. Чингис-хан осуществил и передел земель, бывших в Улусе Джучи. Орда получил ставку покойного отца, которая находилась на реке Иртыш, около озера Алаколь. Ему же отходило левое крыло Улуса Джучи по реке Сырдарья. Бату стал владеть правым крылом по реке Урал. Из выделенных Чингис-ханом 4 тыс. монгольского войска одной половиной стал владеть Орда, другая досталась Бату.

Трудно сказать, почему Чингис-хан остановил свой выбор на Бату. Ведь тому на момент смерти отца едва ли исполнилось 20 лет. Сведений о дате рождения Бату в источниках не содержится. Единственная, на мой взгляд, привязка – дата его смерти и продолжительность жизни. У Рашид-ад-Дина в «Сборнике летописей» читаем, что «жития его было сорок восемь лет» [Рашид-ад-Дин, 1960,

с. 81]. Датой смерти Бату большинство исследователей признают 1256 г. Исходя из этого, можно высчитать примерный год рождения – 1208, т. е. тот год, когда Джучи покорял лесные народы. О начальных годах жизни Бату мы ничего не знаем. Был ли он все это время рядом с отцом, в каких военных походах участвовал – источники об этом умалчивают. Можно только предположить, что Чингис-хан, наделяя Бату улусом по реке Урал, очень надеялся, что его внук, в отличие от его отца, выполнит приказ о покорении северных народов и завоюет Дешт-и-Кыпчак. В подтверждение этих доводов свидетельствует тот факт, что Чингис-хан направил в помощь Бату своего верного военачальника, уже побывавшего в этих местах, Субэдэя-багатура, ставшего со временем верным наставником Бату-хана.

Возведение Бату на престол Чингис-хан поручил провести своему младшему брату Тэмүгэ-отчигину. В «Родословном древе тюрков» (литературном памятнике середины XVII в.) хивинского

Портрет
Чингис-хана.
Императорская
портретная галерея,
Пекин

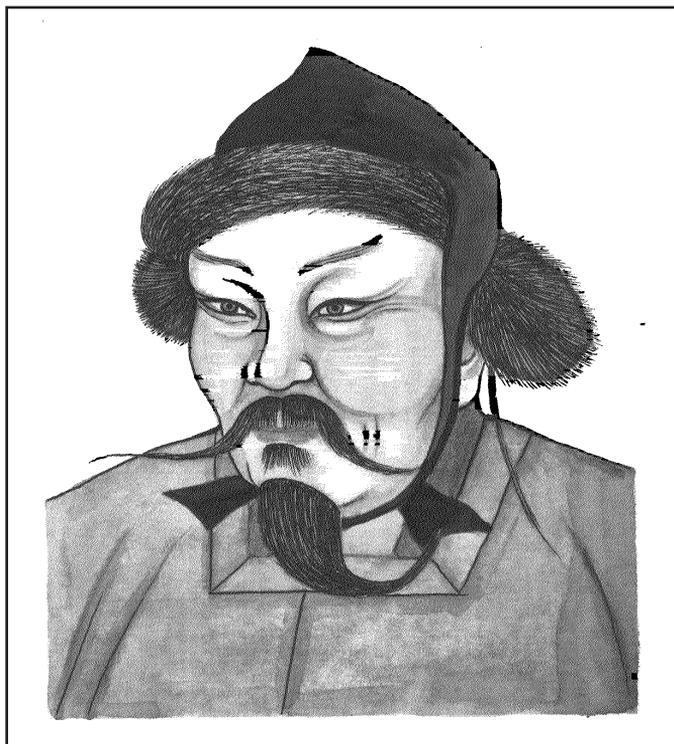
хана Абуль-Гази мы находим напутствие, которое дал Чингис-хан, отправляя своего младшего брата: «Отправься в Дешт-Кипчак и второго Джучи-ханова сына, Бату-Саин-хана, как его прозвали, возведи на отцовский престол; младшим его братьям и эмирам вели быть в повиновении от него. Если его братья и эмиры не будут держаться этого распоряжения, то ты останься там и мне доноси о тамошних делах, мы примем на себя заботы об устройстве их» [Абуль-Гази, с. 98]. Бату необычайно торжественно встретил посланников Великого хана, прибывших в земли Улуса Джучи. В присутствии всех сыновей Джучи, всех военачальников его улуса, собравшихся на курултай, Тэмугэ-отчигин провозгласил волю Чингис-хана и, соблюдая все монгольские обычаи, посадил Бату на отцовский престол. После этого был устроен великий пир. В самый разгар праздника из ставки прибыл гонец с печальной вестью о смерти Великого хана. Всеобщее веселье и ликование смешалось с грустью и унынием.

Смерть Чингис-хана заставила перевернуть новую страницу монгольской истории. Как уже выяснили ранее, своим преемником Чингис-хан объявил Угэдея, а временным регентом был назначен Толуй. Он должен был собрать курултай – общемонгольский съезд знати, на котором должно состояться утверждение наследника Чингис-хана.

Вот как это событие описывает «Сокровенное сказание»: «В год Мыши (1228) в Келуренском Кодеу-арале собрались все полностью: Чаадай, Бату и прочие царевичи Правой руки; Отчигин-нойон, Есунге и прочие царевичилевой руки; Толуй и прочие царевичи Центра; царевны, зятя, нойоны-темники и тысячники. Они подняли на ханство Огодай-хана (Угэдея. – В. Е.), которого нарек Чингис-хан. Старший его брат Чаадай, возведя своего младшего брата Огодая на ханский престол, вместе с Толуем, передал во власть его телохранителей государя и отца своего – кебтеулов, стрельцов и 80 000 турхаутов... Состоявшую при особе моего родителя и государя тьму собственных его кешиктенов» [Козин, с. 191]. Точно таким же образом он передал во власть Угэдея и Голун улус (удел центра).

Как видим, Бату занимает на этом курултае почетное место наряду со своими дядьями.

Более пространно и информативно освещает избрание Угэдея Великим ханом арабский историк Рашид-ад-Дин. По его словам, «когда ослабли сила и ярость холода и наступили первые дни весны, все царевичи и эмиры направились со (всех) сторон и краев к старинному юрту и великой ставке. Из Кипчака – сыновья Джучи-хана: Урадэ (Орду. – В. Е.), Бату, Шейбан, Берке, Беркечар, Бука-Тимур; из Каялыга – Чагатай со всеми сыновьями и внуками; из Имиля и Кунака – Угедей-каан с сыновьями и своим родом; с востока – их дяди Отчигин, Бильгутаи-нойон и их двоюродный брат Илджидай-нойон, сын Качиуна – со всех сторон в местность Келурен явились эмиры и сановники войска» [Рашид-ад-Дин, 1960, с. 18–19].

Угэдей.
Китайский средне-
вековый рисунок

Нельзя сказать, что курултай проходил достаточно гладко. Многие представители монгольской знати хотели бы видеть на ханском престоле Толуя. Но он сам, исполняя волю своего отца, отказался, и Великим ханом торжественно провозгласили Угэдея. Ему предстояло не только выполнить заветы отца, но и решить задачи, которые ставила жизнь на новом этапе. Прежде всего он утвердил разделение всей империи на улусы, определенные Чингис-ханом, при этом осуществив некую корректировку. Так, в собственное пользование он определил территорию Алтая. В обмен Бату получил город Термез, находившийся ранее во владениях Чагатая. Кроме того, в виде компенсации за потерю восточных земель роду Джучи (и Бату в частности) отводилась возможность завоевания всех западных земель и покорения народов за пределами рек Яик и Волга. Выделить большое войско для ведения широкомасштабной кампании на данном этапе Угэдей не мог, так как первоочередной задачей ему представлялся новый завоевательный поход против империи Цзинь. Поэтому первоначально Бату располагал только собственными силами (2 тыс. монгольских воинов, выделенных Чингис-ханом, плюс определенное количество войска из покоренных народов). Правда, в помощь Бату-хану Угэдей отрядил одного из самых прославленных полководцев, одного из «цепных псов» Чингис-хана, Субэдэя-багатура. «Так как Джучи на основании прежнего высочайшего повеления Чингис-хана должен был отправиться с войском завоевать все области севера, то есть (земли) Ибир-Сибир, Булар, Дешт-и-Кипчак, Башгирд, Рус и Черкес до Хазарского Дербента, который монголы называют Тимур-кахалка (Железными воротами), и подчинить их своей власти, но уклонился от (исполнения) сего приказа, то Угетай-каан, сев на царство, поручил (это) таким же образом Бату. Племянника своего Менгу-каана, брата его Бучека и сына своего Гуюк-хана, со старшими эмирами, в том числе с Субадай-бахадуром, предводителем войска из племени урянгит, приходившим с Джебе в это государство (Иран), он назначил с войском, дабы тот и другие царевичи собрались все у Бату и занялись завоеванием известных государств...», – отмечает Рашид-ад-Дин [Тизенгаузен, 1941, с. 48].

Из «Истории Вассафа» мы узнаем, что Великий монгольский хан «отправил Куктая и Сунтай-нойона (Субэдэя) с 30 000 всадников с сторону Кипчака, Саксина (хазарское население низовьев Волги) и Булгара» [Тизенгаузен, 1941, с. 84]. Присутствие столь опытного военачальника предопределило и первые победы Бату. Монгольские войска потеснили половцев из района реки Яик и утвердились в Южной Башкирии. Эти события были зафиксированы в Лаврентьевской летописи: «...саксины и половцы възбегоша из низу к Болгарам перед Татары и сторожеве Болгарькыйи прибегоша бьени от Татары близ реки еиже имя Яик» [ПСРЛ, т. 1, с. 453]. К 1230 г. в районе реки

Субэдэй.
Китайский средне-
вековый рисунок

Яик уже были сосредоточены значительные силы всех царевичей Улуса Джучи. Активные военные действия развернулись в степях в междуречье Урала и Волги, кочевавшим здесь половцам был нанесен серьезный урон. Реальная угроза нависла и над Волжской Булгарией. Впервые монголы столкнулись с войсками Булгарии еще в 1223 г., когда отряды Субэдэя и Джэбэ, уже изрядно поредевшие от тысячекилометрового военного рейда по южнорусским степям, вторглись в пределы этого государства. Тогда войска Субэдэя едва избежали полного разгрома. Теперь наступило время реванша. Осознавая всю нависшую опасность, болгарский хан Габдулла ибн Ильгам стремился обзавестись союзниками в предстоящей войне с монголами, и первым шагом в этом направлении было заключение перемирия с Владимиро-Суздальским княжеством, с которым до этого они много враждовали. «Болгаре, глаголемии Казанци, прислаша къ великому князю Юрью Всеволодичю о миру, бе бо перемирье промежи ихъ на шесть летъ, а люди пленныа быша во обеихъ странахъ. И тако усмиришася... а плененныа люди разпустиша», – говорит об этом событии Никоновская летопись [ПСРЛ, т. 10, с. 98].

В 1235 г. вновь на берегах Онона Великий каан Угэдей созывает курултай. На нем обсуждались планы дальнейших военных действий. Решено было проводить военную кампанию сразу в четырех направлениях: мусульманского Востока, китайской империи Сун, против восставшей Кореи. И все же главным был определен Западный поход против половцев, болгар и Руси. Из «Истории завоевателя мира» Джувейни мы знаем, что Угэдей «назначил совещание относительно уничтожения и истребления остальных непокорных, то состоялось решение завладеть странами Булгара, асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были еще окончательно покорены и гордились своей многочисленностью. Поэтому в помощь и подкрепление Бату он (Угэдей) назначил (следующих) царевичей: (сыновей Тулуя) Менгу-хана и брата его Бучека, из своих сыновей Гуюк-хана и Кадагана и других царевичей: Кулькана, Бури, Байдара, братьев Бату – Хорду и Тангута – и несколько других царевичей, а из знатных эмиров (там) был Субатай-бахадур. Царевичи для устройства своих войск

и ратей отправились каждый в свое становище и местопребывание, а весной выступили из своих местопребываний и поспешили опередить друг друга. В пределах Булгара царицы соединились: от множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные» [Тизенгаузен, 1941, с. 22–23]. Это сообщение дополняет и «Сокровенное сказание»: «Старшего сына обязаны послать на войну как те великие князья-царицы, которые управляют уделами, как и те, которые таковых в своем ведении не имеют. Нойоны – темники, тысячники, сотники и десятники, а так же люди всех состояний обязаны точно так же выслать на войну старшего из своих сыновей. Равным образом старших сыновей отправят на войну и царицы и зятя» [Козин, с. 192].

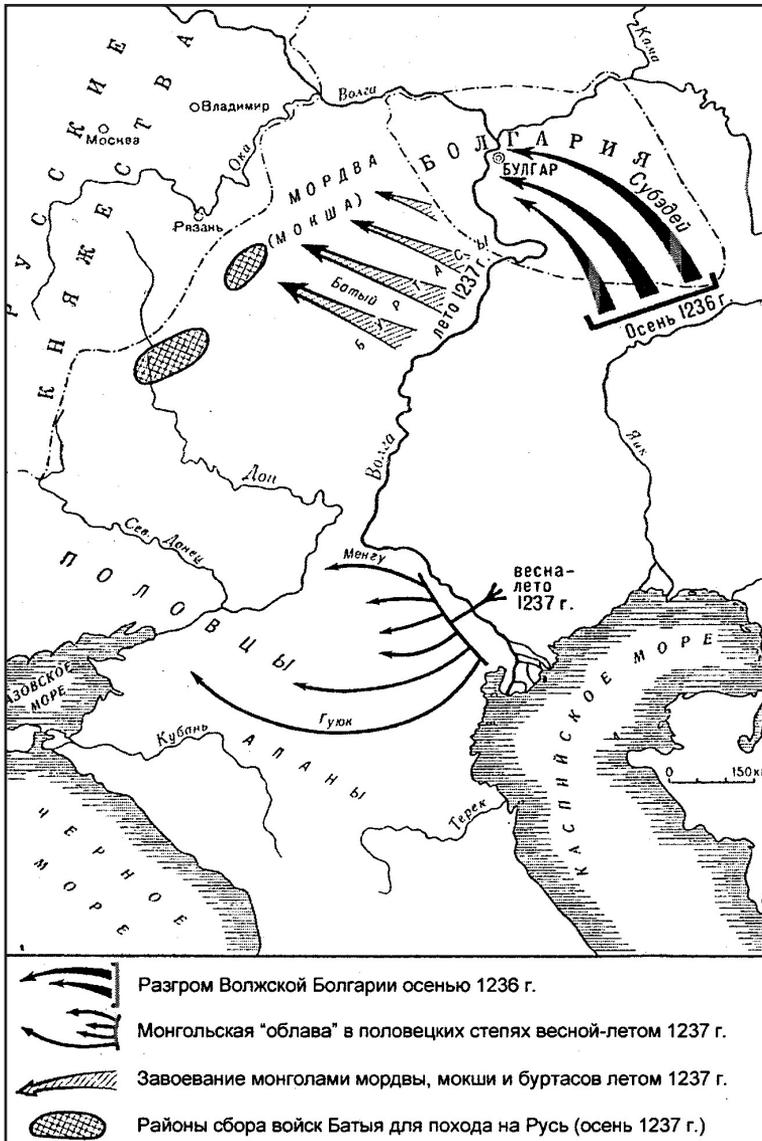
Анализируя информацию двух этих источников, мы приходим к двум очень важным выводам. Во-первых, Западный поход приобрел ярко выраженный общемонгольский характер, во-вторых, поручен он был второму поколению Чингизидов – молодым, рвущимся до славы, стремящимся завоевать свое место под солнцем. Мог ли перед такими устоять любой противник?

По грандиозности замыслов, по масштабам предстоящих территориальных завоеваний, по участию большого количества цариц Западный поход можно, бесспорно, назвать одной из самых великих военных кампаний Монгольской империи. Сложно ответить на вопрос о численности монгольского войска, подготовившегося к походу в районе реки Урала к лету 1236 г. Еще со времен Н. М. Карамзина утвердилась цифра около 500 тыс. человек [Карамзин, кн. 2, с. 182, прим. 16]. Л. Н. Гумилёв по этому поводу высказался очень остро. Он считал, что в военном походе монгольский воин обязан иметь как минимум 3 лошади: две сменных для похода и одну боевую [Гумилёв, с. 142]. Отсюда следует вывод, что в монгольском войске насчитывалось более 1,5 млн лошадей, что маловероятно. По мнению В. В. Каргалова, численность войск, вторгшихся в южнорусские степи, насчитывала 120–140 тыс. человек [Каргалов, 1967, с. 75]. Учитывая все факторы, а главное, количество Чингизидов в войске, эта цифра представляется реальной. Хотя надо признать,

что собственно монгольских войск было на порядок меньше. Одной из отличительных черт завоевательной стратегии монголов было применение захваченного в плен населения и использование его в виде живого заградительного щита, высылаемого впереди основного войска. Венгерский миссионер Юлиан, побывавший в Волжской Булгарии уже после ее захвата, отмечал: «...в войске у них с собою 240 тысяч рабов не их закона и 135 тысяч отборнейших (воинов) их закона в строю... Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой впереди себя» [Аннинский, с. 31].

Очевидно, не существовало и единоначалия в командовании всей армией. Бату лишь формально считался главнокомандующим: по всей видимости, он командовал войсками собственного улуса и своих братьев. В «Сокровенном сказании» мы находим упоминание о том, что Угэдей возложил на царевича Бури «начальствование над всеми этими царевичами, отправленными в поход, а на Гуюка – начальствование над выступившими в поход частями из центрального улуса» [Козин, с. 192]. И все же главным военным лидером можно смело назвать Субэдэя-багатура, одного из самых талантливых полководцев Чингис-хана. В том же «Сокровенном сказании» Угэдей «отправил в поход Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей на помощь Субеетая, т. к. Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено...» [там же, с. 191–192].

Осенью 1236 г. объединенные силы Бату-хана начали завоевание Волжской Булгарии. В это же время начались военные действия под командованием двоюродных братьев Гуюка и Мункэ в районе Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Войска Бату штурмом захватили столицу – Булгар, город, расположенный на левом берегу Волги, несколько южнее места впадения в нее Камы. Город был разрушен до основания. «Сначала они (царевичи) силою и штурмом взяли город Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большою населенностью. Для примера подобным им, жителей его (частью) убили, а (частью) пленили», – читаем мы у Рашид-ад-Дина [Тизенгаузен, 1941, с. 23]. Это событие нашло

Разгром Волжской Булгарии. Война монголо-татар с половцами
(осень 1236 – лето 1237 гг.) [Каргалов, 1967, с. 71]

отражение и в русских летописях: «...тое же осени приидоша от восточные страны в Болгарьскую землю безбожнии Татари, и взяша славныи Великийи город Болгарьскийи и избиша оружием от старца и до унаго и до сущаго младенца, и взяша товара множество, а город ихъ пожгоша огнем, и всю землю ихъ плениша» [ПСРЛ, т. 1, стб. 460].

К весне 1237 г. были захвачены практически все области Волжской Булгарии. Толпы беженцев устремились в соседнее Владимиро-Суздальское княжество. Великий князь Юрий Всеволодович с радостью их принял и приказал расселить по различным городам. Это, кстати, ответ на вопрос, знали ли русские княжества о военной силе, сосредоточенной на их рубежах, о грозящей военной опасности. Конечно же, знали. Другое дело, готовились ли к предстоящему вторжению либо надеялись, что беда обойдет их стороной. Ответить однозначно очень сложно. Источники либо молчат, либо крайне тенденциозны.

В это время войска Гуюка и Мункэ вели ожесточенные бои в районе причерноморских и прикаспийских степей с половцами и аланами. В своих действиях они использовали широко применяемый в монгольской военной тактике метод «облавы». В привольных степях, где есть возможность развернуться монгольской коннице, они действовали двумя флангами. Левый возглавляли Мункэ-хан и Гуюк-хан. Направление их удара шло от берега Каспийского моря по степям Северного Кавказа по направлению к Нижнему Дону. Правый фланг громил половцев севернее в их родных половецких степях. Летом 1237 г. войска соединились где-то в районе Нижнего Дона. Надо отметить, что половцы оказали завоевателям отчаянное сопротивление, и, хотя известий об этом сохранилось очень мало, данный вывод прекрасно иллюстрирует рассказ Джувейна о действиях отряда половцев под руководством Бачмана. Когда весной 1237 г. они потерпели поражение, Бачман собрал оставшиеся силы и развернул отчаянное сопротивление монгольским войскам. Внезапно атакая, он наносил большой урон войскам Мункэ-хана.

«Мало-помалу зло от него усилилось, – пишет Джувейн, – смута и беспорядок умножились. Где бы монгольские войска не

искали следов его, нигде не находили, потому что он уходил в другое место и оставался невредимым... Так как убежищем и притоном ему большею частью служили берега Итиля (Волги. – В. Е.), он укрывался и прятался в лесах их... Менгу-Каан велел изготовить 200 судов, и на каждое судно посадил сотню вполне вооруженных монголов. Он и брат его Бучек оба пошли облавой по обеим сторонам реки. Прибыв в один из лесов Итиля, они нашли следы откочевавшего утром стана... когда узнали наверняка, что Бачман только что откочевал и укрылся на остров... Менгу-Каан приказал войску немедленно поскакать на остров. Раньше чем он (Бачман) узнал, его схватили и уничтожили его войско... Когда Бачмана привели к Менгу-Каану... тот приказал брату своему Бучеку разрубить его на две части» [Тизенгаузен, 1941, с. 24]. К осени 1237 г. основные силы половцев были разгромлены и царевичи присоединились к войскам Бату для вторжения на Русь.

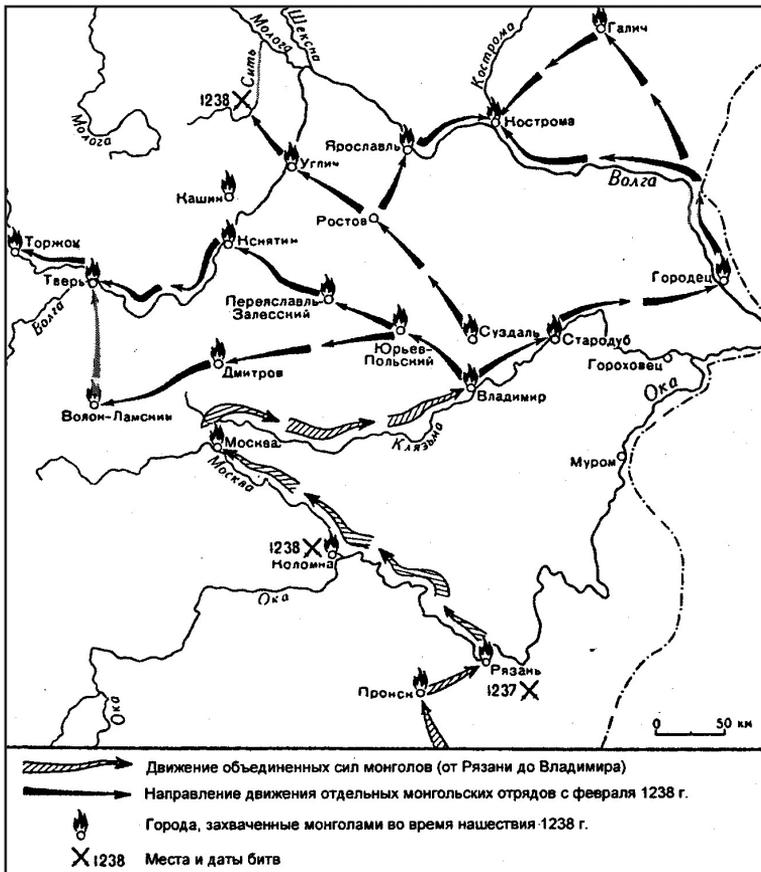
Поздней осенью 1237 г. объединенные монгольские войска под руководством Бату подошли к границам Рязанского княжества. Почему именно зимой состоялся этот поход? При ответе на вопрос выдвину несколько обоснований. Главное заключается в том, что для проведения такого большого войска по залесенной и болотистой местности нужны были широкие дороги. А на Руси таковыми являлись реки. Вот почему мудрый Субэдэй, разработавший план вторжения в северо-восточные земли Руси, ждал зиму, сковавшую эти реки крепким льдом. А зима 1237–1238 гг., судя по русским летописям, была очень холодной и снежной. Монгольских воинов, привыкших к суровым морозам Центральной Азии, это не пугало. Монах Юлиан пишет, что монголы «ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь, всю страну русских» [Аннинский, с. 28]. Вторая составляющая состояла из необходимости обеспечить такую армию фуражом. Монгольский воин был крайне неприспособлен и в состоянии был обеспечить себя во время похода. Другое дело – кони. Монголы никогда не делали запасов сена, их лошади кормились подножным кормом, разгребая в степи копытом снег, поедая прошлогоднюю траву. В условиях леса и больших сугробов это было

невозможно. Но Субэдэй и здесь все просчитал. В каждом русском селе имелись стога сена, и в селах, и городах осенью закладывались большие запасы зерна для прокорма скота и весеннего посева. Вот именно на эти запасы рассчитывал великий полководец. Очевидно, Субэдэй рассчитывал и на фактор неожиданности. Все русско-половецкие войны велись, как правило, летом. Более того, княжеские дружины осенью распускались по окрестным местностям «на прокорм». В городах с князем оставалась лишь «малая дружина», т. е. оперативно собрать общий сбор было достаточно проблематично. Кроме этого, поздняя осень по славянскому календарю – время отдыха от тяжелого ратного и ратайного труда и время свадеб. Все эти моменты, бесспорно, просчитал Субэдэй-багатур.

К осени 1237 г. Бату собрал все войска, участвующие в походе на Русь. Они были разделены на три части. Согласно Юлиану: «Одна часть у реки Итиль на границах Руси с восточного края подступила к Суздалю. Другая же часть в южном направлении уже нападала на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть оставилась против реки Дона, близ замка Воронеж, так же княжества русских» [Аннинский, с. 27–28]. Рашид-ад-Дин отмечает, что «царевичи сообца устроили курилтай и, по общему соглашению, пошли войною на русских» [Тизенгаузен, 1941, с. 36].

В начале зимы 1237 г. началась военная операция против Северо-Восточной Руси. Писать о событиях зимы 1237–1238 гг. необычайно сложно. Казалось бы, недостатка источников не ощущается. Поход Бату описан и у Рашид-ад-Дина, освещен он и в русских летописях, есть удивительный блок литературных источников. Но в том-то и дело – либо они очень лаконичны, либо необычайно тенденциозны. Поэтому приходится по крупицам выбирать, сопоставлять материалы, составляя ту или иную концепцию. Далее предлагаю собственное видение событий этой страшной зимы. Сразу оговорюсь, что оно далеко не оригинальное, в ряде случаев повторяющее позиции многих авторов. Просто это результат выстраданных многолетних исследований. Итак, картина представляется мне следующим образом.

В начале зимы 1237 г. «зимоваша окаанныи Татарове подь чернымь лесомь, и оттоле приидоша безвестно на Рязанскую землю лесомь, съ царемь Батиемь ихь; и прьвое приидоша и сташа о Нузле, и взяша ю, и сташа ту станомь» [НПЛ, с. 286; ПСРЛ, т. 1, стб. 514; т. 15, с. 366]. Нузлой исследователи считают небольшой городок, расположенный где-то на границе лесостепи на берегах реки Воронеж [Насонов, с. 212; Хрусталёв, с. 78]. Прежде чем начинать военные операции, монголы обычно отправляли послов

Разгром монголо-татарами городов Северо-Восточной Руси
(январь – февраль 1238 г.) [Каргалов, 1967, с. 88]

во враждебный лагерь с требованием сдаться и покориться. Так было и на этот раз.

Бату отправляет послов к рязанскому князю Юрию Игоревичу с требованием признать его власть и выплачивать дань в виде десятины: «...посла послы своя, жену чародеицу и два мужа с нею, къ княземъ Рязаньскимъ, прося у нихъ десятины во всемъ: и в людехъ во князехъ и в конех, десятое в белых, десятое в вороних, десятое в бурых, десятое в рыжихъ, десятое в пегих. Князи же Рязаньстии Юрьи Инъвгоровичъ, и Муромьскии и Проньскии, не пустячи к городомъ, (выидоша противу имъ в Воронежъ)» [НПЛ, с. 286]. Вообще-то в выплате десятины не было ничего необычного. Это еще известный с Киевской Руси способ регулировать даннические отношения, так что Бату не вносил ничего нового. Десятина в разномастных конях также известна из монгольских источников как способ формирования конных отрядов. Вызывает недоумение и недопонимание, что это за жена-чародейка. Многие исследователи видят в ней шаманку. Но использовать шаманку в роли парламентаря?! Тем более любое монгольское посольство выполняло и роль соглядателя, разведчика. Вот почему рязанские князья даже не пустили их в город. Вместе с тем летопись отмечает, что «оттоле пустиша их къ Юрию в Володимеръ» [НПЛ, с. 286; ПСРЛ, т. 1, стб. 514]. Очевидно, рязанский князь не рискнул брать на себя ответственность в принятии столь серьезного решения, переадресовав это право своему сюзеру владимирскому князю Юрию Всеволодовичу.

Далее в текстах много противоречивого. С одной стороны, рязанский князь Юрий Игоревич отправляет к Бату ответное посольство во главе с собственным сыном Фёдором Юрьевичем «с дары и молениями великими, чтобы не воевал Рязаньския земли» [ПСРЛ, т. 1, стб. 514]. С другой стороны, тверской летописец отмечает, что рязанцы сразу же «хотяша съ ними брань сътворити» [ПСРЛ, т. 15, с. 366], после чего последовал и гордый их ответ: «аще нас всехъ не будет в живых, то все это ваше будет» [ПСРЛ, т. 15, с. 366]. Вместе с этим во Владимир и в Чернигов были отправлены послы с просьбой о помощи [ПСРЛ, т. 1, стб. 514]. Создается впечатление, что рязанцы сознательно тянут

время, чтобы собрать свои полки (муромские, пронские и т. д.) и получить помощь от своих могущественных соседей. Но в летописях и в литературной «Повести о разорении Рязани Батыем» содержится информация о том, что соседние князья отказались помогать рязанцам: «Юрьи же самъ не поиде, [ни посла къ нимъ,] ни же паки послуша князь рязаньских молбы, нъ самъ хоте особъ брань створити» [ПСРЛ, т. 15, с. 366; т. 1, с. 515]. У В. Н. Татищева есть еще более резкая фраза: «...но князь великий ни сам не пошел, ни войск не послал, не приняв прошения их, надеясь сам собою татар победить. Также северские и черниговские не пошли, извиняясь, что как резанские с ними на Калк не пошли, когда их просили, то и они помогать им и паки в страх вдаваться не хотят. И тако ни един князь другому помогать не хотел» [Татищев, 1964, т. 3, с. 232]. Эта же мысль отразилась в российской историографии. Почти во всех исследованиях Великий князь Владимирский Юрий Всеволодович признается чуть ли не виновником поражения русских войск от Бату, предателем общерусских интересов и уж, конечно, предателем Рязани. Мне кажется, это не совсем так. Наш народ очень несправедлив к своим предкам, и в дальнейшем я попытаюсь опровергнуть это заблуждение и изложить свою версию.

Судя по «Повести о разорении Рязани Батыем» (далее – «Повесть»), драматично складывается ситуация с посольством рязанцев к Бату. Монгольский предводитель, казалось, готов заключить сепаратное соглашение, он затягивает время, очевидно, поджидая своих послов из Владимира. Сейчас трудно объяснить, верно ли это исторически, но сюжет «Повести» закручивается необычайно волнительно и драматично. Один их рязанских вельмож «завистию насочи безбожному царю Батыю на князя Федора Юрьевича резанскаго, яко имеет у собе княгиню от царьска рода, и лепотою телом красна бе зело. Царь Батый, лукав есть и немилостивъ в неверии своем, пореваем в похоти плоти своя, и рече князю Федору Юрьевичю: "Дай мне, княже, ведети жены твоей красоту!" Благоверный князь Федор Юрьевич Резанский и посмеялся, и рече царю: "Не полезно бо есть нам, христианом, тебе, нечестивому царю, водити жены своя на блуд, – аще нас приодолееси, то и женами нашими

владети начнеши"» [Повесть, с. 140]. Гордый ответ князя вызывает дикую ярость Бату. По его приказу Фёдор и его посольство были перебиты, а тело князя выброшено зверям и птицам. Неизвестно, как уцелел его пестун Аполоница. Он, спрятав тело Фёдора, поспешил к княгине Евпраксии с печальной вестью. «Услышав таковыя смертоносныя глаголы, и горести исполнены, и абие ринуся с превысокого храма своего с сыном своим со князем Иваном на среду земли, и заразися (разбилась. – В. Е.) до смерти» [Повесть, с. 142]. Чего здесь больше: исторической информации или литературной публицистики о беззаветной верности, силы супружеской любви русской женщины? Мне кажется, что все же больше второго. «Повесть» передает ходячий сюжет средневековой литературы, встречающийся во многих произведениях. «Поколения Федор – Евпраксия – Иван летопись не знает», – отмечал академик А. С. Орлов, крупнейший знаток древнерусской литературы [Орлов, с. 187]. И все же какие-то детали, связанные с убийством рязанских послов в ставке Бату, использовать в определенном объеме можно.

Рязанские полки выступили навстречу противнику. Где-то «у предел Резаньских» произошла битва объединенных (рязаньских, муромских, пронских) сил с войском Бату. Подробности сражения нам неизвестны, известно лишь о разгроме рязанских дружин и о гибели «многия князи месныя, и воеводы крепкыя, и воинство: удалцы и резвецы резанския» [Повесть, с. 143]. По «Повести», в этом сражении погибает и рязанский князь Юрий Игоревич (Ингваревич. – В. Е.), однако через некоторое время мы вновь видим его обороняющим Рязань и, согласно Лаврентьевской летописи, погибшим при ее обороне [ПСРЛ, т. 1, с. 515]. А Ипатьевская летопись вообще считает, что Юрий попал в монгольский плен после взятия Рязани «и ведоша Прънску; бе бо в то время княгини его в Пръньскы; изведоша княгиню его на льсти, убиша Юрия и княгиню его» [ПСРЛ, т. 2, с. 778].

Согласно «Повести», после этого сражения монголы вторглись в пределы Рязанского княжества и «начаша воевати Резанскую землю, и веля бити, и сечи, жеци без милости. И град Прънеск, и град Бел, и Ижеславец розари до основания, и все люди побиша без милости» [Повесть, с. 144]. Следующей на очереди оказалась

Разорение
Рязанской земли
Батыем.
Миниатюра.
Лицевой Свод.
XVI в.

Рязань. Русские летописи отмечают, что к столице Рязанского княжества монголы подошли 16 декабря 1237 г. [НПЛ, с. 286–287; ПСРЛ, т. 1, стб. 515]. У Рашид-ад-Дина есть информация, что в осаде Рязани участвовали чуть ли не все Чингизиды, находящиеся в походе: «Бату, Орда, Гуюк-хан, Менгу-хан, Кулькан, Кадан и Бури вместе осадили город Арпан (Рязань. – В. Е.) и в три дня взяли» [Рашид-ад-Дин, 1960, с. 38]. По русским источникам, Рязань пала лишь на шестой день, и «взяша град Рязань месяце декабря в 21 день» [Повесть, с. 144]. Для своего времени Рязань была прекрасно укреплена. Мощные дубовые крепостные стены, глубокие 8-метровые рвы окружали город [Даркевич, Борисевич, с. 95; Монгайт, 1958, с. 28]. Следуя своей тактике, монголы «отступиша град Рязань и острогомь оградиша» [ПСРЛ, т. 1, стб. 515]. Тем самым они обезопасили свое войско от вылазок обороняющихся и получили возможность подготовиться к штурму, засыпав рвы и сосредоточив осадную технику.

Очевидно, после поражения на реке Воронеж профессиональных воинов в распоряжении Юрия Игоревича осталось очень мало. Обороняли город практически все жители. Начался изматывающий штурм. «Повесть» ярко описывает это действие: «Батые во бо войско переменишася (сменялось. – В. Е.), а граждане непрестанно бьяшеся» [Повесть, с. 145]. После изнурительной осады, монголы 21 декабря предприняли решающий штурм. И опять обратимся к «Повести»: «...в шестой день рано придоша погании ко граду, овии с огнем, а инии с топоры, а инии с пороки, и с токмачи, и лествицами, и взяша град Рязань месяца декабря в 21 день» [Повесть, с. 145]. Лаврентьевская летопись ярко свидетельствует о страшном разгроме: «Татарове же взяша град Рязань... и пожгоша весь и князя их Юрья оубиша и княгиню его, а иных же емше мужей и жены и дети и черньца и черниц и ерея, овых рассекаху мечи, а других стрелами стреляхуть» [ПСРЛ, т. 1, стб. 515]. Многолетние археологические исследования старой Рязани подтверждают факт всеобщего разорения города, сгоревших построек, следов массовых захоронений. И хотя еще после Батыева погрома жизнь в городе теплилась, он быстро потерял свое экономическое,

а затем и политическое значение. Уже в XIV в. столица Рязанского княжества была переведена в другое место, где и находится современная Рязань.

После непродолжительного отдыха войско Бату двинулось вверх по реке Оке. Нетрудно догадаться, что это прямой путь к столице Северо-Восточной Руси городу Владимиру. Пройти по прямой через непроходимые леса и болота было невозможно. Оставались реки Ока, Москва, Клязьма. Войско Бату стало наполняться пленными, которых нужно было охранять и которые готовы были при любой возможности бежать. После богатой рязанской добычи войско начало обрастать обозами, на которых везли награбленное. Надо учитывать и глубокие снега, что мешали продвижению войска, и постоянную необходимость разыскивать провиант и фураж в редких селах приокской глубинки. Другими словами, скорость передвижения монгольского войска с учетом короткого декабрьского дня вряд ли составляла 10–20 км в день. Нам это необходимо знать для восстановления хронологических событий.

Следующим местом встречи русских и монгольских войск стала Коломна. Это необычайно важный стратегический пункт, расположенный в месте впадения реки Москвы в Оку и закрывавший собой путь во Владимиро-Суздальское, Черниговское княжества. Здесь состоялось одно из самых крупных сражений в ходе всей зимней кампании 1237–1238 гг. Правда, и в описании русских летописей, и в сообщениях Рашид-ад-Дина не найти ни подробного описания самого сражения, ни масштабов битвы. Что же заставляет меня делать подобное заявление? Тот же доскональный анализ источников. Прежде всего, в русских летописях кратко отмечается величина сражения: «бишася крепко» [НПЛ, с. 287; ПСРЛ, т. 15, с. 367], «бысть сеча зла зело» [ПСРЛ, т. 10, стб. 106]. Сообщения русских летописей дополняет В. Н. Татищев. У него в единственном источнике дается дата битвы у Коломны. «По взятии Резани пошли татара к Коломне февраля 1-ого дня. (В. В. Каргалов считает это ошибкой, дату битвы он определяет 10 января, так как у того же В. Н. Татищева находим сообщение, что уже 20 января 1238 г. монголы штурмовали

Москву (см. [Каргалов, 1967, с. 88]. – В. Е.) Тогда Юрий, князь Великий, послал в Новгород к брату Ярославу, прося его, чтоб со всеми войски новгородскими как мог к нему поспешил и все свои войска, також братий своих и сыновцев Константиновичев велел собирать. А противо татар послал к Коломне сына своего Всеволода и с ним резанский князь Роман Ингоревич со всеми оставшими войски резанскими. Воеводу же Еремея Глебовича послали в передовой страже. И оные сошлись все у Коломны» [Татищев, 1964, т. 3, с. 233]. И наконец, сообщения Рашид-ад-Дина о том, что «к городу Икэ (Коломне) пошли все царевичи-чингизиды, осаждавшие Рязань (Бату, Орду, Гуюк-хан, Кулькан, Кадан и Бури) ...Кулькану была нанесена там рана и он умер» [Тизенгаузен, 1941, с. 36].

Таким образом, у Коломны встретились объединенная монгольская армия силой не менее 6 туменов (60 тыс. человек) и русское войско, в состав которого вошли собственно владимирские полки под командованием Всеволода Юрьевича, сторожевой отряд Еремея Глебовича, оставшиеся части рязанских полков под командованием Романа Ингваревича, жители Коломны и ближайших городов и сел. Судить об их численности достаточно сложно. Единственной отправной точкой отсчета являются исследования М. Н. Тихомирова о численности древнерусских городов и количестве воинов, которое они могли выставить. По его мнению, во Владимире проживало порядка 20–30 тыс. человек, что позволяло им содержать войско 3–5 тыс. человек [Тихомиров, с. 139–140]. Учитывая, что Юрий Всеволодович послал своего сына «со всеми людми», плюс количество оставшихся рязанских воинов, число ополченцев – все равно получается, что русское войско вряд ли превышало 10 тыс. человек.

Но позвольте. Несколькими страницами ранее я говорил о том, что владимирский князь Юрий Всеволодович отказался помогать рязанцам и вдруг «со всеми людми». Вот здесь и кроется очередное историческое недоразумение. Для его разрешения вернусь к событиям осени 1237 г. Неизвестно, какого числа рязанский князь Юрий Игоревич (Ингваревич) послал во Владимир и Чернигов гонцов о помощи. Расстояние от Рязани до Москвы составляет порядка 250 км. Снова надо учитывать заснеженную зиму, морозы, бездорожье. Гонцы, загоняя лошадей, могли

преодолеть это пространство минимум за 10 дней, преодолевая в день расстояние порядка 25–30 км. Предположим, что владимирский князь откликнулся на просьбу рязанцев, но, чтобы собрать войско, нужно еще не менее 10 дней. И вот наконец владимирские отряды в полном вооружении с обозами тронулись навстречу врагу. Чтобы преодолеть это пространство, им понадобилось бы не менее 15–20 дней, а мы знаем, что 21 декабря Рязань пала. Владимирская помощь в тех условиях просто не успела. Конечно, были дозорные отряды, которые шли впереди владимирского войска, ими командовал воевода Еремей Глебович. У Коломны они повстречали остатки разбитых рязанских дружин и узнали о случившейся трагедии. Вот почему вместо битвы под Рязанью произошло сражение у Коломны. Шли защищать рязанского князя, а встретили врага лишь у границ собственного княжества. Нет, не предателем рязанцев и, уж тем более, общерусских интересов был Юрий Всеволодович. Как Великий князь Владимирский, сюзерен всех северо-восточных княжеств, он сделал все от него зависящее. Другое дело, что обстоятельства были против него. Конечно, можно долго рассуждать о том, что, зная об опасности, готовиться надо было заранее, объединить все силы северо-восточных земель. А возможно ли это было в условиях XIII в., а существовали ли тогда «общерусские» интересы? Ответ, мне кажется, однозначный. И еще русское «авось», упование на Божью помощь, что уберезет земли от вторжения соперника, да и многое другое.

Впрочем, вернусь к событиям 1 февраля 1238 г. «И тут бысть имъ бой и бишася крепко, и пригониша ихъ къ надолбамъ, и ту убиша князя Романа Ингваревича и Еремеа Глебовича, воеводу Всеволожа, и ту паде много людей съ княземъ и съ Иеремеемъ, а Москвичи побегоша, ничего же не видевшя, а Всеволодъ Юрьевичъ бежа в мале въ Володимерь. А Татарове же пришедше взяша Москву», – дает описание сражения летопись [ПСРЛ, т. 15, с. 367–368]. Русская армия не стала отсиживаться за крепостными стенами Коломны, а вышла на решающее сражение вне стен города. В. В. Каргалов, реконструируя ход битвы, отмечает, что гибель царевича Кулькана была возможна лишь только в том случае, когда русские совершили глубокий

прорыв в тыл противника, где, согласно монгольским обычаям ведения боя, могли находиться царевичи-чингизиды [Каргалов, 1967, с. 90]. Это, кстати, единственный случай гибели Чингизида за все время военной кампании. Монголам удалось выправить положение, и они сумели оттеснить русских к надолбам (врытый перед крепостными стенами под углом частокол) и здесь довершили разгром русского войска. Можно сказать, что под Коломной погиб весь цвет владимирского войска, а князь Всеволод «в мале дружине» бесславно бежал с поля боя.

Здесь мне хотелось бы снова обратить внимание читателей на удивительный памятник древнерусской литературы «Повесть о разорении Рязани Батыем» в той ее части, где описывается подвиг Евпатия Коловрата. После разорения Рязани Батый «разъярился и ожесточился» и пошел на Суздаль и на Владимир «...И некто из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингваревичем, и услышал о нашествии зловредного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малою дружиною и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую и увидел ее опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты... И вскричал Евпатий в горести души своей, распаяясь в сердце своем, и собрал небольшую дружину – тысячу семьсот человек... и погнался вослед безбожного царя... и внезапно напали на станы Батыева» [Художественная проза, с. 270]. Далее идет рассказ о том, как Евпатий Коловрат громит полки монгольские, как в бою он рассек пополам Батыева исполина Хостоврула. Одолеть Евпатия Бату смог лишь только тогда, когда бросил против него основные силы.

Конечно, в данном произведении много эпического. Евпатий Коловрат предстает перед нами как былинный богатырь, защищающий землю Русскую. И все же, мне кажется, здесь есть ряд интересных исторических фактов. Если отбросить тот факт, что в момент нашествия Ингвар Ингваревич давно уже умер, зададимся вопросом: а случайно ли Евпатий оказался в Чернигове, тем более с «малой дружиной»? Мы помним, что рязанский князь, узнав о наступлении Бату, послал гонцов во Владимир и Чернигов с просьбой о

помощи. Может быть, тем гонцом как раз и был Евпатий Коловрат? Уж больно все сходится. Малая дружина, с которой Евпатий бросился громить монголов, никак не могла состоять из 1700 человек. Я думаю, что это была как раз черниговская помощь, и, как владимирская помощь, она опоздала. Евпатий Коловрат, как в свое время Денис Давыдов, развернул настоящую партизанскую войну, нанося значительный ущерб противнику, мстя за разрушенные города, убитых сородичей. Его имя сохранилось в народной памяти, превратившись в былинного богатыря.

Путь Бату лежал по Москве-реке к городу Москве. Собственно, и города тогда еще не было. Основанная в 1147 г. Юрием Долгоруким, она долгое время оставалась небольшим форпостом на границе Владимиро-Суздальского княжества. Как в любом пограничном городке, в нем обязательно имелись запасы продовольствия и фуража, что так необходимо было монголам. 20 января 1238 г. [Татищев, 1964, т. 3, с. 233] после 5-дневной осады войска Бату штурмом взяли Москву. «Тое же зимы взяша Москву Татарове и воеводу убиша Филипа Нянка за правоверную хрестьянскую веру, а князя Володимера яша руками сына Юрьева, а люди избиша от старьца и до сущаго младенца, а градъ и церкви святыя огневи предаша и монастыри вси и села пожгоша и много именья въземше отидоша», – читаем мы в Лаврентьевской летописи [ПСРЛ, т. 1, с. 460–461].

В тяжелой ситуации оказался Великий князь Владимирский Юрий Всеволодович. Его сын Всеволод принес страшное известие о разгроме владимирского войска под Коломной, вскоре пришла весть о пленении младшего сына Владимира. Враг ускоренным маршем приближался к Владимиру. Сил защищать город у Юрия не было. Можно было бы попытаться отсидеться за крепостными стенами, да и пример Рязани был очень красноречив. Помощь от братьев не очень-то спешила. В этой ситуации «князь велики же Юрьи Всеволодичь ...остави въ себе место въ Володимери со владыкою князя Всеволода и Мстислава и воеводу своего Петра Ослядюковичя, а самъ иде за Волгу з братаничи (племянниками. – В. Е.) своими с Василкомъ Константиновичемъ, и со Всеволодомъ Константиновичемъ, и съ Володимеромъ Константи-

новичемъ и сташа станы на Сити, жда къ себе братью свою князя Ярослава Всеволодичя и князя Святослава Всеволодичя со воинствы ихъ, а самъ начя собирати воинство, а воеводство приказа Жирославу Михайловичю» [ПСРЛ, т. 10, с. 106–107].

Этот эпизод из русской летописи дал основание ряду историков и публицистов обвинить князя в трусости, в предательстве по отношению к владимирцам, в бегстве из столицы, да и во многом другом. Конечно, он Великий князь, на нем лежит вся ответственность за принимаемые решения, за верные и неверные ходы. Он должен руководить ситуацией. С моей точки зрения, Юрий Всеволодович и предпринимал все шаги, чтобы исправить ситуацию. У В. Н. Татищева есть информация, подтверждающая активные поиски решения, осуществляемые князем. «Князь великий... созвал всех на совет и разсуждали, что делать. Тогда многие разумные советовали княгинь, и все имение, и утвари церковные вывезть в лесные места, а в городе оставить только одних военных для обороны... Но другие говорили, что все вывезти невозможно токмо тем людей более в робость приведут и оборонять града прилежно не будут; для того в городе оставить с княгиною и молодыми князи войско довольно, а князю со всеми полками, собравшись стать недалеко от града в крепком месте, дабы татара, ведая войско вблизи, не смели город добывать» [Татищев, 1964, т. 3, с. 233].

Вот ответ на многие мучающие вопросы. Не Юрий бросил город на произвол судьбы, а это был коллективный расчет, единственно верное решение. Конечно, можно было срочно всех эвакуировать и сдать пустой Владимир противнику, как сделал в свое время М. И. Кутузов с Москвой. Но тогда бы пал символ всей Владимиро-Суздальской земли, всех северо-восточных княжеств как города, ни разу не достававшегося врагу. Этого Юрий Всеволодович и его окружение допустить не могли. И они принимают единственно правильное решение. Юрий едет собирать полки, а оставшиеся владимирцы готовы с полной решимостью оборонять город. И залогом того, что Юрий Всеволодович не бросил город, что готов был вызволить его из беды, явилось то, что он оставляет во Владимире свою семью вместе с княгиней, своими сыновьями, их женами и самым ценным, что

есть у пожилого человека – его внучатами. Можно ли после этого называть Юрия предателем? Кстати, его брат Иван Стародубский поступил иначе. Он «княгиню с детьми, со всеми имением, також из Юрьева... вывез за Городец за Волгу в леса» [Татищев, 1964, т. 3, с. 233].

И еще об одном человеке мне хотелось бы сказать с особой теплотой. Это епископ Митрофан. В отличие от всех своих «коллег», которые первыми удирали из осажденных городов, бросая своих прихожан на произвол судьбы, как, например, рязанский епископ «отъеха бо въ той годъ, егда рать оступил градъ» [ПСРЛ, т. 10, с. 106], или митрополит, первым убежавший из Киева, как только войска Бату появились под Киевом, епископ Митрофан оказался верен своему долгу и до конца был рядом со своим народом, чем и заслужил вечную память. (Вот почему, бывая во Владимире, я обязательно захожу в Успенский собор и ставлю свечку памяти у его могилы.)

3 февраля 1238 г. войска Бату подошли к Владимиру. В Лаврентьевской летописи содержится удивительно подробное описание штурма города. Создается впечатление, что записано все было со слов очевидца, пережившего эту трагедию, а это, в свою очередь, дает мне возможность описать событие с достаточной достоверностью. Войска Бату подошли к Владимиру со стороны реки Клязьмы, где имеется широкая многокилометровая пойма, и стали около Золотых ворот. Передовой отряд, подъехав к крепостным стенам, стал выяснять, в городе ли князь Юрий Всеволодович, затем потребовал добровольной сдачи города. В ответ владимирцы начали по ним стрелять «и посем рекоша володимерцемъ татарове: "Не стреляйте!" Они же умолчаша. И приехаша близъ к воротомъ и начаша Татарове молвити: "Знаете ли княжича вашего Володимера?" Бе бо уныль лицемъ и изнемоглъ бедою от нужа. Всеволодъ же и Мъстиславъ стояста на Золотых воротех и познаста брата своего Володимера» [ПСРЛ, т. 1, с. 462].

Эпизод с захваченным в Москве князем Владимиром Юрьевичем можно трактовать двояко. Вероятно, суть переговоров сводилась к возможности сохранения жизни княжича и обмена его при условии сдачи города, а может, это элементарное запугивание жителей. Тем более, что сразу же после отказа от сдачи монголы

убили князя на глазах всего города. Это стало сигналом к начавшейся осаде города. Прежде всего монголы стали огораживать город тыном, чтобы жители не могли бежать, совершать вылазки, собственно, так они поступали всегда при штурме городов. Для этого требовалось большое количество рабочих рук, большое количество пленных. Очевидно, с этой целью они предпринимают рейд по окрестным селам и городам. Практически без боя им удалось захватить Суздаль, часть воинов которого находилась во Владимире, а часть ушла с князем Юрием Всеволодовичем: «...взяша градъ Суждаль и святую Богородицу церковь разграбиша, а дворъ княжь огнемъ пожгоша и монастырь святого Дмитрия и прочии, разграбивъ, пожгоша, а што люди старья и молодья... то все иссекоша, а прочие люди и жены и дети босы и беспокровны, издыхающимъ имъ от мрза... то все множество сведоша полона въ станы своя, а сами приидоша к Володимерю» [ПСРЛ, т. 1, с. 517]. Эти люди должны были строить тын, подтягивать осадные орудия, засыпать ров и служить живым щитом при штурме города.

Летописец сообщает, что монголы «почаша наяржати лесы и пороки ставиша до вечера, а на ночь огородиша тыном около всего города Володимеря» [ПСРЛ, т. 1 с. 462], подготавливаясь к решительному штурму. Обороной города, как мы помним, руководили сыновья Великого князя Всеволод и Мстислав Юрьевичи и воевода Пётр Ослядюкович. По поводу Всеволода Юрьевича Ипатьевская летопись неожиданно приводит нам известие, что князь накануне штурма «Оубояся ...и самъ из град изииде с маломъ дружины и несы с собою дары многии, надеяше, бо ся от него живот прияти» [ПСРЛ, т. 2, стб. 780], но был убит монголами. Трудно сказать, откуда взял это известие киевский летописец и насколько оно достоверно. Вряд ли Всеволод мог надеяться на пощаду и снисхождение со стороны Бату, ведь он руководил владимирскими полками под Коломной, где было убито много монгольских воинов, в том числе Кулькан, дядя Бату. Скорее всего, это выдумка южно-русского летописца. Лаврентьевская летопись прямо утверждает, что сыновья Юрия до конца обороняли город и погибли при штурме монголами нового города [ПСРЛ, т. 1,

Взятие Владимира
монголами.
Миниатюра.
Лицевой свод.
XVI в.

И тако ии доша по приметю во градъ
И златыхъ вратъ . тако же шлыбъ
по шринны вратъ . и в мѣдныя та
коже шлыбъ в мѣдныя . и про
че шиндоу сѣ грѣзѣн
ша . Шиндоша
понько
дѣмо
ни .

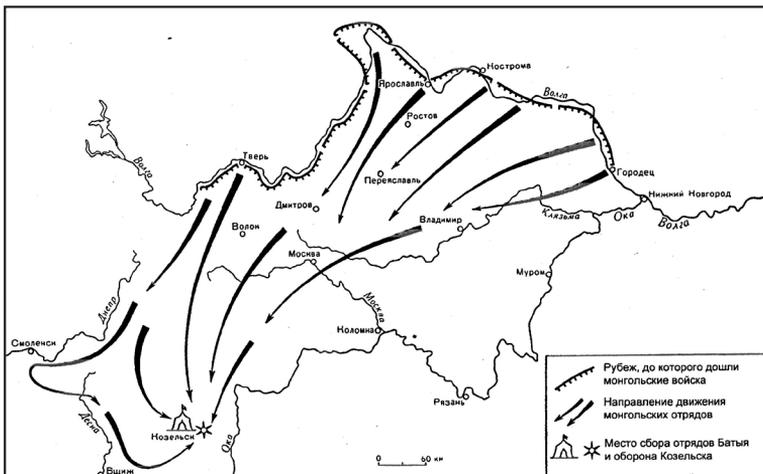
с. 518]. Это же известие мы находим и у В. Н. Татищева: «...взяли град до обеда. Тут убили князей Всеволода и Мстислава Юрьевичев, а другие князи и войско ушли в средний град» [Татищев, 1964, т. 3, с. 234].

«По заутрени въ 7 день февраля» начался штурм города. Основным направлением удара был выбран Новый город. Стенобитные орудия («пороки») стали пробивать крепостные стены около Золотых, Ирининых, Медных и Волжских ворот. Монголы сознательно стали штурмовать город в нескольких местах, растягивая тем самым оборону противника. Деревянные стены вскоре не выдержали и через перекидные мосты («приметы») нападающие ворвались в город «и тако взяша въскоре град до обеда Новыи, и запалиша и огнемъ; бежа же Всеволод и Мстиславъ и все людие в Печернии город» [ПСРЛ, т. 1, с. 518]. Захватить «Печерный город», или «Город Мономаха», очевидно, уже не составляло особого труда, «понеже не был укреплен и оборонять было уже некому, многих тут побиили и пленили» [Татищев, 1964, т. 3, с. 234]. Оставшиеся защитники вместе с княжеской семьей заперлись в Успенском соборе, надеясь под сенью Бога найти защиту. Епископ Митрофан непрерывно служил зауспокойный молебен «и остригошася все въ анильскыи образъ» [ПСРЛ, т. 1, с. 517]. Когда монголы начали взламывать церковные двери, он, члены княжеской семьи и «люди мнози» поднялись к куполу церкви «и затворишася на полатехъ», пытаясь там спрятаться. Да разве было это возможно. Воины Бату даже не пытались их оттуда достать, а просто натащили в храм дров и подожгли их. Все, кто был в Успенском соборе, вскоре задохнулись в дыму и погибли в огне пожара. Уцелевшие защитники Владимира храбро сражались, но силы были неравны. Столица Северо-Восточной Руси подверглась страшному разорению, а жители «от оуного и до старца и сущаго младенца и та вся иссекоша, овы оубивающе овы же ведуще босы и безъ покровень въ станы свое, издыхающа мразомъ», – сообщает Лаврентьевская летопись [ПСРЛ, т. 1, с. 464].

После захвата Владимира монгольское войско, по всей видимости, разделилось на несколько групп, каждая из которых решала

свои стратегические задачи: «...и поидоша на великого князя Юрья оттоле, овии же идоша к Ростову, а инии же къ Ярославлю, а инии на Волгу, и на Городец, и те поплениша все по Волзе, и до Галича Володимерьскаго, а инии идоша к Переяславлю, и тот град взяша, оттоле всю страну ту и город мнози поплениша: Юрьевъ, Дмитровъ, Волок, Тверь, ту же и сына Ярославля оубиша, и до Торжка, нет места идеже не повоеваша, и на всеи стране Ростовской и Суждальской земле взяша городов четырнадцать (14. – В. Е.), опроче слобод и погостовъ в един месяц февралю» [ПСРЛ, т. 1, с. 518].

Попробую проанализировать это широко известное сообщение Лаврентьевской летописи. Главная задача войск Бату состояла в поимке и уничтожении Великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича. А для этого важно было не дать ему успеть собрать большое войско, отрезав его от волжских городов и Великого Новгорода. От разведчиков и плененных Бату знал, что владимирский князь расположил свой лагерь на реке Сить, что впадает в реку Мологу, собирая там разрозненные отряды и поджидая помощи союзников, прежде всего своих братьев. Бату спешил. Ускоренным маршем основные силы пробивались на север к Ростову и

Разгром Северо-Восточной Руси монголо-татарской «облавой» (весна 1238 г.)
[Каргалов, 1967, с. 104]

Ярославию. В источниках нет информации о штурме этих городов. В. В. Каргалов считает, что ряд городов, и прежде всего Ростов, сдался монголам без боя [Каргалов, 1967, с. 96]. Если это действительно так, то становится понятной последующая лояльная политика золотоордынских ханов к ростовской ветви князей. Как бы то ни было, монголам удалось в кратчайший срок захватить эти города, отсесть их от Юрия Всеволодовича.

Одновременно часть монгольских отрядов продвигались в северо-восточном направлении, к Волге. Мы помним о сообщении монаха Юлиана о дислокации волжской группировки монгольских войск в районе Великой Булгарии. К сожалению, в источниках совсем нет информации о военных действиях в этом регионе. Приходится предполагать, что их главная задача состояла в захвате волжских городов. Именно на соединение с этой частью монгольского войска и выступили отряды Бату. Они захватили города Стародуб, Городец и, продвинувшись по Волге, захватили Кострому.

Наконец основные силы монголов под командованием Бату осадили город Переяславль-Залесский. В летописях нет сообщений о штурме этого города, краткое упоминание содержится лишь у Рашид-ад-Дина: «...город Переяславль, коренную область Везислава они взяли сообща в пять дней» [Рашид-ад-Дин, 1960, с. 39]. Следом монгольское войско двинулось на Верхнюю Волгу к Твери и Торжку, практически окружив Юрия Всеволодовича.

Теперь самое время возвратиться к анализу действий Великого князя Владимирского. Я уже попытался избежать неких негативных оценок его поступков, существующих в исторической и публицистической литературе. В. В. Каргалов прямо заявляет, что «Юрий Всеволодович, покинув свою обреченную столицу, бежал на север» [Каргалов, 1967, с. 98]. О предательстве, малодушии, трусости и т. д. говорят многие авторы: интересно, а как бы они поступили в той ситуации? Еще раз подчеркну свою точку зрения: действия Великого князя Владимирского были единственно правильными в той обстановке. Он мог принять мученическую смерть в осажденном Владимире и прослыть в истории героем, как его рязанские коллеги. Но он ведь был

Беликим князем Владимирским, сюзереном всех северо-восточных земель Руси, а посему нес бóльшую ответственность, чем рядовой князь. Для него важно было организовать сопротивление врагу, собрать разрозненные силы, сплотить народ для отпора. Об этом прямо говорит Лаврентьевская летопись: «...еха на Волгу съ сыновци своими, с Василькомъ и съ Всеволодомъ и с Володимеромъ и ста на Сите станом ждучи к себе брата своего князя Ярослава и Святослава с полки, и нача князь Юрьи полкы совокупляти противу Татаръ» [ПСРЛ, т. 1, стб. 516]. Владимирский князь был зрелым, опытным полководцем. Место на реке Сить выбрано очень удачное. Труднопроходимые леса, равноудаленное расстояние от Твери, Ярославля, возможность связи по реке Мсте с Новгородом – все это создавало хороший плацдарм для борьбы с захватчиками.

На Сить Юрий выступил «с малой дружиной» и со своими племянниками Васильком, Всеволодом и Владимиром Константиновичами. Как мы помним, своих сыновей он оставил оборонять Владимир, а его семья стала залогом того, что князь не бросил осажденный город и надеялся их спасти. Трудно сказать, почему рядом с Юрием оказались лишь его племянники из Ростовского княжества. Конечно же, Юрий Всеволодович разослал гонцов по всем землям, надеясь собрать большое войско. Мы не знаем, когда князь прибыл на реку Сить, очевидно, это было где-то в начале февраля 1238 г. Битва состоялась 4 марта, стало быть, за февраль Юрию удалось собрать достаточно большие силы. В первую очередь Юрий Всеволодович рассчитывал на помощь своих братьев – Ярослава, Святослава, Ивана. И тут складывается любопытная ситуация. Реальную помощь оказал лишь Святослав. Лаврентьевская летопись упоминает его в числе участвующих в битве [ПСРЛ, т. 1, с. 519]. По сообщению В. Н. Татищева: «...брат его Иван Стародубский княгиню с детьми, со всем имением, також из Юрьева, что было оставшее Святославле, вывез за Городец за Волгу в леса, а в городех оставил токмо войска с воеводами и сам лесами хотел к Юрию с малым войском пойти, но не успел» [Татищев, 1964, т. 3, с. 233]. Еще раз подчеркну: не успел, а может быть, и не очень-то спешил?

Еще сложнее с пониманием действий другого брата – Ярослава. Этот князь в 1236 г. захватил Киев и стал Великим князем Киевским, передав новгородский стол, где он раньше был князем, своему сыну – 16-летнему Александру. Правда, княжение Ярослава Всеволодовича в Киеве было недолгим. Он не смог удержаться на киевском столе, «не мога его держати» [ПСРЛ, т. 2, стб. 777], и уже в 1237 г. находился в Новгороде. Богатый Новгород при желании мог выставить большое войско, которое в корне бы изменило ход событий. Но нигде, ни в одном источнике нет даже намёка на желание Ярослава собрать войско и идти на помощь брату. А. Б. Широкоград прямо заявляет оговоре Ярослава с Бату, в результате чего Ярослав, отстаивая свои жизненные интересы, попросту предаёт своего брата [Широкоград, с. 25–27]. Трудно здесь быть объективным, трудно отстаивать какую-либо точку зрения. Замечу лишь, что Ярослав весной 1238 г. занимает престол погибшего брата. Бату очень благосклонно относился к этому князю, назначив его впоследствии старшим над всей Северо-Восточной землей.

4 марта 1238 г. состоялась знаменитая битва на реке Сити. Знаменита она прежде всего окончательным разгромом сил северо-восточных княжеств и гибелью Великого князя Юрия Всеволодовича. О масштабе сражения, численности войск, особенностях боя источники повествуют необычайно скупо и противоречиво. Рашид-ад-Дин, описывая поход Бату, даже не упоминает об этом сражении, попутно лишь замечая, что «эмир этой области Вике-Юрку бежал и ушел в лес; его поймали и убили» [Тизенгаузен, 1941, с. 36, 37]. По русским летописям ход битвы можно восстановить лишь в общих чертах. Получив известие о взятии Владимира и гибели всей великокняжеской семьи, Юрий Всеволодович, конечно, был убит горем. В этой ситуации он не смог даже организовать разведку и другие меры предосторожности, возложив все на своего воеводу Жирослава Михайловича, «и повеле воеводе своему Жирославу Михайловичю совокупляти воинства, и укреплять люди и готовиться на брань» [ПСРЛ, т. 10, с. 110]. В разведку был послан отряд воеводы Дорофея Фёдоровича, «князь же Юрьи посла Дорожа в просики в трех тысячах мужь, и прибежа Дорож и рече: "...а оуже,

княже, обошли суть нас около Татары"» [ПСРЛ, т. 1, с. 519]. Это был монгольский отряд под командованием полководца Бурундая. Его появление и последующий удар были настолько неожиданными, что Юрий не успел занять оборону и подготовить полки. Тверская летопись отмечает, что Юрий Всеволодович «съ полки исполчившеся, и поидоша противу ихъ, и постави полки около себе, но не успеха ничтоже» [ПСРЛ, т. 15, с. 370]. «И бысть сеча зла» [ПСРЛ, т. 1, с. 519] – вот и все, что мы знаем о ходе сражения. Очевидно, удар монгольских войск был настолько стремительным, что русские не выдержали и после ожесточенного столкновения бежали «побегоша пред иноплеменники».

В этой суматохе погибает Великий князь Владимирский. Обстоятельства его смерти очень загадочны. Летописи многое не досказывают, возможно, загушевая ряд обстоятельств. Так, Лаврентьевская летопись лишь констатирует факт смерти князя: «...и ту оубьень бысть великий князь Юрьи Всеволодичъ, на рице на Сити» [ПСРЛ, т. 1, с. 519]. В Новгородской летописи этот факт звучит загадочнее: «...на реце Сетни постигоша и, и живот свои сконча ту. Бог же весть, како скончася: много бо глаголют о нем инии» [НПЛ, с. 288]. Известно лишь, что у Юрия Всеволодовича была отрублена голова. Епископ Кирилл через какое-то время посетил поле боя и обнаружил труп Великого князя: «блаженный же епископ Кирил ида з Белаозера, тамо избыв ратных, и прииде на место идеже оубиень бысть велики князь Юрьи, и обрете тело его, взем же и принесе е в Ростов...» [ПСРЛ, т. 1, стб. 520]. Через некоторое время чудесным образом была обнаружена и голова князя: «Тогда же принесоша главу великого князя Юрья, и вложиша ю в гроб к телу его» [ПСРЛ, т. 1, стб. 521]. Дж. Феннел, основываясь на исследовании М. Д. Приселкова, высказал идею, что Юрий был убит своими людьми, когда пытался их остановить [Феннел, с. 120, 134]. По мнению Д. Г. Хрусталёва, голова была отрублена Бурундаем и представлена Батью для идентификации [Хрусталёв, 2008, с. 128]. Бату, как мы увидим ниже, штурмовал в это время Торжок в сотне километров от Сити. Каким же образом голова сохранилась? Обе версии не лучше

и не хуже других. Ведь могли же и просто в бою отсечь голову. И тем не менее, Великий князь погиб.

Попал в плен и его племянник Василько Константинович. Судя по «Сказанию о смерти Василька», включенному в Лаврентьевскую летопись, монголы «Василка Константиновича, руками яша и ведоша в станы своя с великою нуждею, и дошед Шереньского леса и стаха станы ту, и ноудиша Василка много безбожнии Татарове в поганьской бытии воли их и воевати с ними» [ПСРЛ, т. 1, стб. 519]. Другими словами, монголы заставляли, уговаривали принять Василька их веру и воевать на их стороне, а когда он категорически отказался, был казнен. Стоит отметить, что в живых остался брат Юрия Всеволодовича Святослав и два племянника, Владимир и Всеволод. Как это произошло, уже, очевидно, и не выяснить.

В то время, когда отряды Бурундая разгромили войско Великого князя Владимирского на реке Сити, Бату со своими частями осаждал город Торжок. Это был важный стратегический пункт, прикрывающий южные рубежи Новгородской земли. Город был хорошо укреплен: здесь находился хорошо подготовленный военный гарнизон, достаточный запас провианта и фуража [Тихомиров, с. 386]. Вот почему город отказался сдаться Бату и принял решение обороняться. Да и в Новгород, рубежи которого они охраняли, были посланы гонцы за подмогой. Две недели, больше чем Владимир и Рязань, обороняли жители свой город. Монголы применили традиционный метод: обнесли город тыном и установили стенобитные машины, которые непрерывно били по крепостным стенам «и отыниша тыномъ весь около, яко же инии град имаху; и бишася ту оканьнии пороки по две неделе, и изнемогашася людие в граде» [НПЛ, с. 288]. Страшным известием для горожан стал отказ новгородцев от оказания помощи, «а из Новагорода имъ не бысть помощи». Ярослав Всеволодович бросил на произвол судьбы свой верный пограничный бастион. Новгородский летописец, как бы оправдываясь, пишет, что, мол, время тяжелое, каждый думает лишь о себе: «нъ уже бо в то время нужное, кто же бо о собе сталъ в недоумении и въ страсе» [НПЛ, с. 288]. Как бы повернулся ход истории, заступись новгородцы за своего союзника! А может быть, действительно Ярослав и его сын

Александр заключили некий договор с Бату, по которому новгородский князь соблюдал нейтралитет, а монголы обязались не разорять Новгород и поддерживать князя? Ведь в летописях, и прежде всего в новгородских, нет даже намека на то, что новгородцы усиленно укрепляли свой город, готовясь к его защите.

5 марта 1238 г. Торжок после ожесточенного штурма пал. Часть обороняющихся совершила дерзкую вылазку и прорвала фронт окружения. Они бросились бежать, возможно, к ним присоединилась и часть взбунтовавшихся пленных. В погоню за ними пустился отряд монгольской конницы: «...тогда же гоняшеся оканнии безбожници от Торжьку Серегирьским путем дажь и до Игнача креста, а все людье секуще акы траву за 100 верьсть до Новаграда не дошед» [НПЛ, с. 288–289]. Люди бежали в сторону Новгорода, надеясь там спастись, но уйти от монгольских сабель не было возможности. Завершив преследование, монгольские воины возвратились в Торжок.

Вот мы и подошли к еще одному очень загадочному пункту российской истории: почему Бату не пошел походом на Новгород. В исторической литературе существует десятки версий по этому вопросу. В летописях все понятно: «Новъ же град заступи бог и святаа и великая сборная и апостольская церковь святыя Софея и святны преподобнии святители Кирилл и Афанасеи» [НПЛ, с. 289]. Со времен С. М. Соловьёва в литературе прижилась версия, что наступлению монголов на Новгород помешала начавшаяся весенняя распутица. Правда, сам историк говорит об этом с осторожностью, предположительно: «...не дошедши ста верст до Новгорода, *остановились, боясь, по некоторым известиям, приближения весеннего времени, разлива рек, таяния болот* (курсив мой. – В. Е.), и пошли к юго-востоку на степь» [Соловьёв, с. 142–143]. Эту версию убедительно опроверг замечательный писатель и историк В. А. Чивилихин. По его мнению, ни о какой распутице в начале либо середине марта говорить не приходится [Чивилихин, с. 298]. Бату и не собирался штурмовать Новгород. Из текста летописи видно, что, не дойдя до него 100 км, он повернул один из отрядов, преследовавший беглецов. В начале марта монгольские силы были

разбросаны по большой территории. Трехмесячный рейд по захвату городов Северо-Восточной Руси в условиях бездорожья, бескормицы, лютых морозов привел к потере большого количества воинов. За это время войска Бату обросли громадными обозами с награбленным имуществом, большим количеством пленных, которых надо было хоть как-то охранять. Все это делало малоперспективной идею захвата Новгорода, выглядело бы просто самоубийством. И все же странное поведение Ярослава Всеволодовича и его сына Александра (будущего Невского) все больше и больше наводят меня на мысль о некоем стоворе новгородцев с монголами, о котором позднейшим летописцам было как-то неловко писать. Впрочем, это версия, имеющая право на жизнь. А лучше она или хуже, прояснится в дальнейших исследованиях.

У Рашид-ад-Дина есть известие, что после битвы на реке Сити монголы решили идти фронтом от Волги на юг, «порешив в совете идти туменами облавой и всякий город, область и крепость, которые им встретятся (на пути) брать и разорять» [Тизенгаузен, 1941, с. 37]. Отдельные части, рыская во все стороны, обеспечивали основное войско пропитанием и фуражем. Очевидно, один из таких отрядов подошел к Смоленску. Сообщений об этом нет в русских летописях, есть только известие в «Повести о Меркурии Смоленском». Это своеобразное житие о святом Меркурии Смоленском, причисленном к лику святых сразу же после произошедших событий. Как любое житие, оно написано по каноническим образцам, но все же можно вычленить ряд исторических деталей. Монгольские отряды подошли к Смоленску. Город, по мнению «Повести», спасла Богородица. Ночью она явилась к Меркурию и приказала в одиночку напасть на врага. Меркурий незамедлительно сел на коня и напал на лагерь монголов. Первым, с кем он схватился, был воин-великан. Призвав Богородицу в помощь, Меркурий убил надменного воина, а затем еще много воинов. Сын убитого великана исподтишка напал на Меркурия и нанес ему смертельный удар. И опять в бой вмешалась Богородица. Благодаря ей сильный страх напал на монголов, и они, побросав оружие, бежали из-под города [БЛДР, с. 164–166]. Конечно, это не

более чем религиозный миф. Ценным из него можно признать лишь тот факт, что один из отрядов Бату был разбит под Смоленском.

Более известным, ставшим где-то даже хрестоматийным, представляется событие, связанное со взятием города Козельска. Сообщение об этом содержится как в русских летописях, так и у Рашид-ад-Дина. Последний пишет: «...на этом переходе Бату подошел к городу Козельску и, осаждая его в течение двух месяцев, не мог овладеть им. Потом прибыли Кадан и Бури и взяли его в три дня. Тогда они расположились в домах и отдохнули» [Рашид-ад-Дин, 1960, с. 39]. Русские летописи много повествуют о захвате Козельска и практически единодушны даже в деталях. «Татарове ж, бьюшес, град прияти хотяше, разбившим стены града и взыдоша на вал. Козляне ж ножи резахуся с ними, совет же сотвориша, изыти противу имъ на полкы Татарьскыя, и ишедше из град, иссекоша праща их и нападше на полкы и оубиша от Татар 4000, сами же избиении быша. Батый же, взя град Козелескъ и изби вься до отрочате, ссущих млеко, а о князи Василии не ведомо се: инии глаголаху, яко в крови утопе, понеж бо млад бе. Оттое ж в татарех не смеяху его нареци Козелескъ, но зваху его град злыи, понеже бяше билися оу город того, по семъ недел и оубища 3 сыны темничи. Татарове же искаша их и не обретоша их во множестве трупия мертвых», – подытоживает Лаврентьевская летопись [ПСРЛ, т. 1, стб. 522].

Козельск расположен в верховьях Оки. Это был довольно крупный город Черниговского княжества, хорошо укрепленный. Население его вряд ли превышало 5 тыс. человек. Трудно сейчас сказать, что подвигло Бату на захват этого города. Ведь он отказался от взятия Смоленска, не пошел на Чернигов. Возможно, Бату остро нуждался в провианте и фураже, а как в любом пограничном городе, даже на исходе зимы, его должно было быть достаточно. Козельчане не согласились сразу сдаться, возможно, при этом и были убиты сыновья темников. И здесь сработал монгольский закон: если послы, отправленные в город, убиты, то он должен быть во что бы то ни стало уничтожен. Собственных сил у Бату было, очевидно, недостаточно, и только подход основных сил других Чингизидов дал возможность захватить город. Интересную мысль высказал В. А. Чивилихин. На

основании изучения краеведческого материала, устных преданий он заключил, что козельчане залили свои валы водой, и те оледенели. Это не дало возможности монголам использовать свои стенобитные машины [Чивилихин, с. 378]. К городу монголы подошли где-то в конце марта – начале апреля 1238 г. 7 недель обороны, и вот уже сама весна, растопив лед, помогает нападающим. В этих условиях козельчане решаются на отчаянную вылазку. Они уничтожают стенобитные орудия «иссекоша пращи» и в кровавом последнем бою убивают много монгольских воинов (4 тыс. по летописям. – В. Е.). Взяв город, монголы вырезали всех жителей, включая младенцев – «ссуще млеко».

Мы не знаем, какова роль малолетнего князя Василия и была ли она в обороне города. Его дед и отец участвовали и погибли в битве на Калке. И если в этой битве все князья проявили себя, скажем так, больше с отрицательной стороны, то гибель малолетнего князя Козельска навсегда вошли в героическую историю.

«Батыи же, вземшю Козелескъ, и поиде в землю Половецкоую» [ПСРЛ, т. 1, с. 522] – в начале лета монгольские войска отошли в Половецкую степь. Войску требовался большой отдых, необходимость пополнения резервов, передислокация, подготовка к новым завоеваниям. Эта «передышка» продолжалась практически 3 года (лето 1238 – осень 1240 гг). Не случайно слово «передышка» взято в кавычки. Конечно, предстоял и большой отдых и все то, о чем я писал выше. Но это время оказалось периодом ожесточенной борьбы со Степью за жизненные пространства монголов – будущего ядра Золотой Орды.

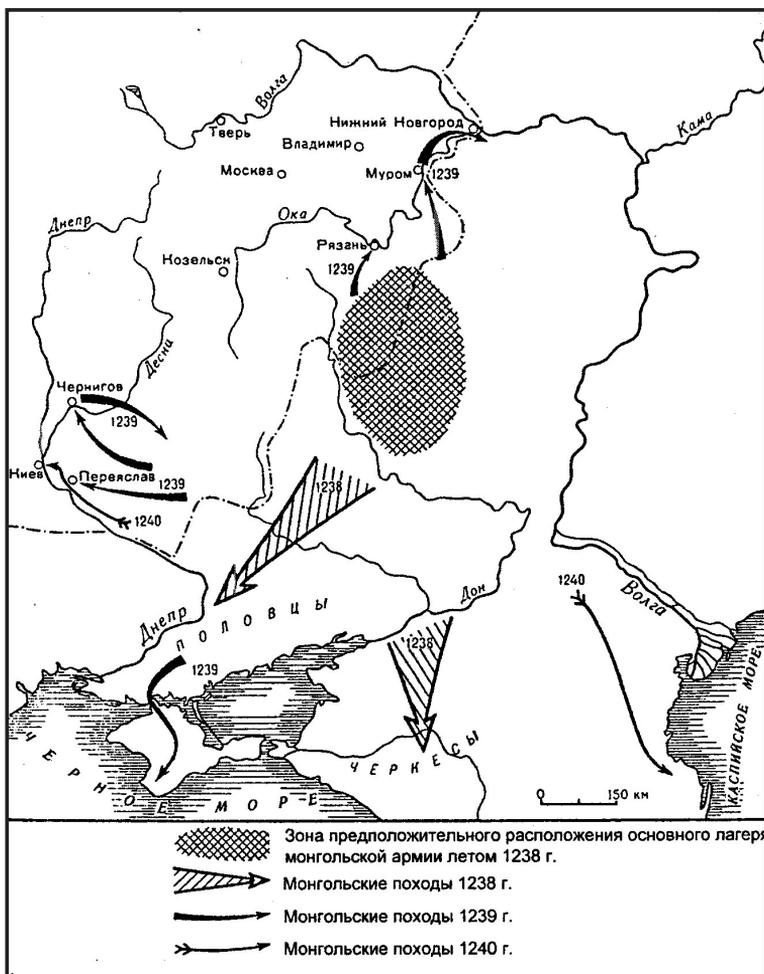
Русские летописи практически все молчат о событиях, разгравшихся в Половецкой степи, зато у Рашид-ад-Дина встречаем достаточно подробное их описание. Осенью 1238 г. ханы Менгу и Кадан начали наступление на Северный Кавказ «против черкесов и зимою убили тамошнего государя по имени Тукара» [Рашид-ад-Дин, 1960, с. 39]. Основной удар монгольских войск все же был направлен на Дон, на кочевавших там половцев. Отряды ханов Шейбана, Бучека, Бури, Берке нанесли им новое сокрушительное поражение [там же], пройдя вплоть до Днепра и Крыма.

В результате этого часть половцев была уничтожена, часть пленена и позднее влилась в состав монгольского войска. 40 тыс. половцев во главе с ханом Котьяном бежали в Венгрию к королю Бэле IV, который с радостью их встретил и предоставил землю для проживания в междуречьях Тисы и Дуная. Бэла IV видел в половцах свой оплот в его борьбе с венгерской знатью. Вскоре половцы стали занимать привилегированное положение в обществе, хан Котьян принял католичество, а его дочь стала невестой наследника престола. Бату послал Бэле IV грозное письмо с требованием выдать Котьяна, но венгерский правитель пренебрег этим предостережением.

Оборона
Козельска.
Миниатюра из
русской летописи

Преследуя половцев, монгольские войска вторглись в земли южнорусских княжеств: «...и поиде в землю Половецкую, оттуда же поча посылати на грады Руськие», – отмечает Ипатьевская летопись [ПСРЛ, т. 2, с. 782]. Первым на их пути оказался город Переяславль – южный, некогда один из крупнейших городов

Монголо-татары в Половецких степях.
Лето 1238 – осень 1240 гг. [Каргалов, 1967, с. 115]

Древнерусского государства. Дата взятия города фиксируется лишь в летописи Авраамки: «...в лето 6747. Взяхша Татарове Переяславль, марта 3» [ПСРЛ, т. 16, с. 51]. Подробностей штурма города летописи не фиксируют, отмечая лишь «и взять град Переяславль копьемъ, изби всь, и церковь архангела Михаила скруши, и сосуды церковьные бесчисленные златыа и драгага каменя възять, и епископа преподобного Семеона убиша» [ПСРЛ, т. 2, с. 781–782]. С этого времени Переяславское княжество исчезает с исторической арены.

Следующим на очереди оказался город Чернигов. Наверное, в военных действиях 1239 г. в южнорусских степях задействовано было несколько отрядов, действующих в разных направлениях. Тверская летопись свидетельствует именно об этом: «А иныхъ Татаръ посла Батый на Черниговъ» [ПСРЛ, т. 15, с. 374]. Если Переяславль монголам удалось взять единым ударом, то Чернигов выдержал многодневную осаду. Мы не знаем, сколько дней она продолжалась. Дата захвата города определяется по «Летописи Авраамки» – 18 октября 1239 г. [ПСРЛ, т. 16, с. 51]. Первоначально по всем правилам осадной техники город был окружен: «...обступиша градъ в силе тяжце». В осаде хорошо укрепленного города были использованы гигантские катапульты: «меташа бо каменемъ полтора перестрела, а камень акоже можаху 4 мужи силни поднять». Князь Мстислав Глебович, внук знаменитого Святослава Ольговича, пришел на помощь осажденному городу, но его войско было разгромлено «побеженъ бысь Мстиславъ и множество вои его избьенымъ бысть». После ожесточенного штурма город пал «и градъ взяхша и запалиша огньмъ». После захвата Чернигова войска Менгу подошли к Киеву. По словам летописца, монголы расположились в Песчаном городке на левом берегу Днепра: «видевъ градъ, убивися красоте его» [ПСРЛ, т. 2, с. 782]. Менгу посылает послов к князю Михаилу Всеволодовичу с предложением сдачи города. Киевский князь совершает самое худшее в создавшейся ситуации: приказывает перебить монгольских послов. После этого город был обречен. Желания штурмовать город у Менгу не было, да и сил для этого явно недостаточно, и он повернул в степи. Но становилось предельно понятно,

что городу не избежать нападения, а учитывая участь Переяславля, Чернигова, а до этого северо-восточных городов, становилось ясно, что ждет Киев. Очевидно, поэтому сразу же после ухода войск Менгу перепуганный Михаил Всеволодович, будущий русский святой, бросает Киев на произвол судьбы и бежит в Венгрию, надеясь отсидеться там.

Зимой 1239 г. одно из подразделений монгольского войска совершило стремительный рейд на мордовские земли и северо-восточные окраины Владимирского княжества: «...взяша Татарове Мордовьскую землю, и Муромъ пожгоша, и по Клязме воевоша, и градъ святыя Богородица Гороховець пожгоша, а сами идоша в станы своя. Тогда же бе пополохъ золь во всеи земли, а сами не ведаху и где хто бежитъ» [ПСРЛ, т. 1, с. 470]. Что спровоцировало этот поход, определить трудно, однако какой переполох он вызвал, предположить можно.

В событиях 1238–1240 гг. мы не видим, чтобы в каких-то действиях принимал личное участие сам Бату. Создается впечатление его полного отсутствия в это время на данной территории. Смею предположить, что он в это время находился на аудиенции в Монголии у Великого каана Угэдея. Необходимо было доложить об итогах похода на восточные земли, одобренного курултаем 1235 г., определить направление нового удара и силы, способные его осуществить. Было и еще одно очень важное обстоятельство. Это конфликт, разгоревшийся в верхах монгольского командования, очевидно, летом 1238 г. Мы помним, что в поход на русские княжества хан Угэдей назначил помимо Бату и его братьев своих сыновей Гуюка и Кадана, сына Толуя Менгу (Мункэ), Байдара и Бури – сына и внука Чагатая и других Чингизидов. Я ранее отмечал, что уже с первых дней похода между царевичами не было согласия. Сразу же после его завершения конфликт вспыхнул с новой силой. Впрочем, предоставлю слово «Сокровенному сказанию»: «Из Кипчакского похода Батый прислал Огудай-хану следующее секретное донесение: "Силою вечного неба и величием государя и дяди мы разрушили город Мегет и подчинили твоей праведной власти одиннадцать стран и народов и, собираясь повернуть

к дому золотые поводы, порешили устроить прощальный пир. Воздвигнув большой шатер, мы собрались пировать, и я, как страший среди находившихся здесь царевичей, первым поднял и выпил провозглашенную чару. За это на меня прогневались Бури с Гуюком и, не желая больше оставаться на пиршестве, стали собираться уезжать, причем Бури выразился так: "Как смеет пить чару раньше всех Бату, который лезет равняться с нами? Следовало бы притурить пяткой да притоптать ступней этих бородатых баб, которые лезут равняться". А Гуюк говорил: "Давай-ка мы поколем дрова на грудях у этих баб, вооруженных луками! Задать бы им!" Эльчжигидаев сын Аргасун добавил: "Давайте-ка мы вправим им деревянные хвосты!" Что же касается нас, что мы стали приводить им всякие доводы об общем нашем деле среди чуждых и враждебных народов, но так все и разошлись, непримиренные под влиянием подобных речей Бури с Гуюком". Об изложенном докладываю на усмотрение государя и дяди» [Козин, с. 194].

Вот так, в ярких тонах описывает монгольская летопись это событие. Дальше из текста мы узнаем, что Угэдей необычайно рассердился и приказал строго наказать наглецов. Он даже думал разжаловать Гуюка, а Аргасуна казнить. Затем, успокоившись, по совету царевича Мангая решил и Гуюка, и Аргасуна вновь отправить к Бату, чтобы тот решил, как с ними поступать. А царевича Бури отправил к его отцу Чагатаю, чтобы тот по-отцовски разобрался с ним. Дальнейшая судьба Аргасуна неизвестна, возможно, он был наказан Бату. Бури будет участвовать в Западном походе 1240–1242 гг. Гуюк и Менгу осенью 1240 г. были отозваны из объединенного войска Бату. «Гуюк-хан и Менгу-хан... осенью года Мыши (1240) согласно повелению Каана Угедея возвратились из Дешт-и-Кыпчак... и расположились в своих ордах», – так сообщает об этом Рашид-ад-Дин [Тизенгаузен, 1941, с. 37].

Вернемся вновь в Половецкую степь. Бату, получив разрешение Угэдея на новый поход, уладив отношения с Чингизидами, стал группировать свои силы. Из Чингизидов, кроме Бату и его братьев, в войске остались Кадан, Бури и Бучек. Возможно, Угэдей, узнав, с какой легкостью была завоевана Дешт-и-Кыпчак, Булгария, русские

города, посчитал, что Бату справится и этими силами. Поход намечался на осень 1240 г.

Вызывает удивление, как в этой ситуации ведут себя русские князья. Если в 1223 г. на отпор врагу собралось в кратчайший срок десятков князей, то здесь даже нет намека на организацию сопротивления. Враг стоит у ворот, и все знают о его намерениях, а южно-русские князья продолжают враждовать друг с другом, не замечая опасности. Так, после бегства из Киева Михаила Всеволодовича из Смоленска прибывает князь Ростислав Михайлович и объявляет себя киевским князем. Тут же его изгоняет Даниил Романович Галицкий, но в Киеве не остается, а назначает оборонять город своего тысяцкого Дмитра.

Основным источником наших знаний по захвату Киева является Ипатьевская летопись, включающая в себя южнорусский Киевский свод и Галицко-Волынскую летопись. Штурм и разорение Киева описаны летописцем где-то сразу же после произошедших событий. В них отсутствует обычные летописные клише, изложение ведется живым языком, ярко и проникновенно. «Приде Батыи к Киеву в силе тяжьце, многомь множество силы своя и окружи градъ, и оступи сила Татарскаа, и бысть градъ во объдержаньи велице, и бе Батыи у города и отроци его объсядахоу град, и не бе слышати от гласа, скрипения телегь его, множества ревеня верьблюд его, и рыжания от гласа стадъ конь его, и бе исполнена Рускаа земля ратных» [ПСРЛ, т. 2, с. 784]. Можно себе представить все удивление, весь ужас на лицах киевлян, высыпающих на крепостные стены, которые своими глазами увидели это несметное человеческое поле, окружившее их город. Киевлянам удалось захватить языка, от которого они и узнали, что город осадило практически все войско Бату во главе с ним: «Яша же в них Татарина именем Товруль и ть исповеда имъ всю силу ихъ; се бяху брата его сильные воеводы Урдю (Орда. – В. Е.), и Бандар, Бирюи (Бури. – В. Е.), Кадан, Бечакъ (Бучак. – В. Е.), и Менгу и Куюкъ» [ПСРЛ, т. 2, с. 785].

Удивительная осведомленность летописца. Он знает не только имя захваченного пленного, но перечисляет и имена Чингизидов, которые пришли со своими туменами. Мне кажется, что все же

Взятие Киева мон-
голами в 1240 г.
Миниатюра из
русской летописи

летописец немного ошибается. Выше я показал, что Менгу и Гуюк покинули войско до похода на Киев, очевидно, остались лишь какие-то отряды, шедшие под их именем. Но даже это дает возможность оценить примерную численность войска Бату. Наличие пяти, по моему мнению, Чингизидов с их туменами (войском порядка 10 тыс. человек) да отряд самого Бату – все позволяет оценить войско: порядка 60–70 тыс. человек. Примечательно, что летописец особо отмечает наличие в войске Субэдэя, величайшего полководца, очевидно, не только XIII в., завоевавшего множество народов от Китая до Европы, и Бурундая, отличившегося при завоевании северо-восточных русских земель: «...бе воевода его перьвыи Себедея багатырь и Бурундаи багатырь, иже взя Болгарьскую землю и Суждальскую, и инехъ бес числа воеводъ, ихже не писахом zde» [ПСРЛ, т. 2, с. 785].

Обидно, что летопись не указывает ни дату начала осады, ни завершающего штурма. В Лаврентьевской летописи событиям, связанным со взятием Киева, посвящено всего 5 строк, абсолютно ничего не значащих, и указано: «На Николин день» [ПСРЛ, т. 1, с. 470]. Тверская и Никоновская летописи более конкретизируют дату завершающего штурма – 6 декабря, на Николин день [ПСРЛ, т. 10, с. 117; т. 15, с. 375]. Лишь в «Летописи Авраамки» содержатся абсолютные даты: «...придоша Татарове къ Киеву, сентября 5, и стояша 10 недель и 4 дни, и едва взяша его ноября 19, в понедельник» [ПСРЛ, т. 16, с. 51]. Большинство исследователей поддерживает дату 6 декабря. Мне же представляется более правильной приведенные даты из «Летописи Авраамки». Наверное, не так уж важна точная дата падения Киева (19 ноября или 6 декабря), важен тот факт, что Киев нельзя было взять «изгоном», как Переяславль.

Заключительному штурму Киева должна предшествовать длительная осада, во время которой жители оборонялись с участием обреченных, а крепостные сооружения в Киеве были лучшими на Руси. Окружив город плотным кольцом, очевидно, возведя для этого тын, монголы стали устанавливать осадные орудия. В отличие, например, от Владимира, где стенобитные машины были установлены в нескольких местах, у Киева они были сконцентрированы в одном месте: «...постави же Батыи пороки городуо подъле врать

лядьских» [ПСРЛ, т. 2, с. 785]. Очевидно, именно здесь было самое слабое место в мощнейшей системе фортификации города. Осадные орудия беспрестанно, «день и ночь», били по воротам и крепостным стенам и наконец «выбиши стены». В проем устремились отряды нападающих, но их встретило яростное сопротивление осажденных: «...и възыдоша горожане на избитые стены, и ту бяше видети ломъ копейныи и щитом скепание, стрелы омрачаша светъ побеженнымъ» [там же]. Первые атаки были отбиты, и тогда Бату приступил к планомерному штурму, изматывая обороняющихся: «...възыбоша татаре на стену и седоша того дне и нощи» [там же]. Силы были неравны, и вскоре монголы прорвались в город. В бою был ранен воевода Дмитрий («и Дмитрови ранену бывшу»), но все же он смог организовать второе кольцо обороны «в городе Владимира» вокруг Десятинной церкви. Утром сражение возобновилось с новой силой: «...наутриа же придоша на не и бысть брань межю има велика» [там же]. Последние защитники Киева сконцентрировались вокруг исторического ядра города – Десятинной церкви. Там пытались найти спасение, как в свое время в Успенском соборе Владимира, оставшиеся жители города: «...людям же збегшим на церковь и на комары церковъныи и с товары своими, от тягость повалишася с ними стены комары церковъныи» [там же].

С падением Десятинной церкви было окончательно сломлено сопротивление города. Началось массовое избиение жителей. Монголам удалось захватить раненого Дмитрия: «...Дмитра же изведоша язвена и не убиша его, мужества ради его» [ПСРЛ, т. 2, с. 785]. Бату умел ценить храбрых и достойных соперников, умел среди побежденных набирать свое войско. Может быть, поэтому Дмитрию была дарована жизнь?

Захватив Киев, монголы применили свою излюбленную тактику «облавы», об этом прямо указывает Рашид-ад-Дин: «...царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских и народа черных шапок (черных клобуков) и в девять дней взяли большой город русских, которому имя Манкер-кан (Киев), а затем проходили облавой туман за туманом все города Уладмур (Владимирские) и завоевали крепости и области, которые были на их пути»

[Тизенгаузен, 1941, с. 37]. Ипатьевская летопись также дает описание дальнейшего пути завоевателей: «...поиде самъ Володимероу» [ПСРЛ, т. 2, с. 785].

В облавном походе Бату сосредоточил свои силы на городе Владимире-Волынском, что и было зафиксировано в летописи. Первым на пути к Владимиру оказался город Колодяжин: «...и прииде к городу Колодяжьноу и постави порока 12 и не може разбитии стены и начать перемольвливати люди, они же послушавше злого света его, передавша, а сами избити быша» [ПСРЛ, т. 2, с. 786]. Монголы применили тактику, проверенную на многих городах: если они не могут взять укрепления, то начинают вести переговоры с жителями, обещая им сохранить жизнь. Когда те поверят в обещанное и открывают крепостные ворота, нападающие вероломно врываются в город и подвергают его разорению. Так и произошло с Колодяжиным. После этого войска Бату захватили города Каменец, Изяславль, Владимир-Волынский, Галич. Только некоторым, хорошо укрепленным крепостям, как Кременец и Данилов, удалось избежать погрома: «...видивъ же Кременецъ и градъ Даниловъ, яко не возможно прияти емоу, и отъиде от нихъ» [ПСРЛ, т. 2, с. 785]. Легкость, с которой захватчики занимали города, объясняется, очевидно, всеобщей паникой у населения, бегством его из городов в отдаленные уголки, отсутствием организованной системы обороны.

Практически все южнорусские земли были захвачены и разорены. Монголы вышли к границам Польши, Венгрии, Валахии. Началось их нашествие на Европу. События эти достаточно хорошо описаны (см. [Пашуто, 1977, с. 210–227]). И так как захваченные Бату земли в Западной Европе не были включены позднее в состав Золотой Орды, опущу подробное описание этого похода. Отмечу лишь, что, согласно Рашид-ад-Дину, Западный поход начался «в весенние месяцы 1241 года» [Тизенгаузен, 1941, с. 38], а уже 9 апреля 1241 г. в знаменитой битве при городе Легнице объединенное войско немецких, польских, венгерских рыцарей было полностью разгромлено войсками Байдара. В сражении пал и их предводитель – князь Генрих Благочестивый. Армия Бату вела наступление на Венгрию и почти одновременно с битвой под

Легницей 11 апреля 1241 г. на реке Шайло разгромила объединенные войска венгерского короля Бэлы IV и хорватского герцога Коломана. В течение всего 1241 г. облавное наступление войск Бату подвергло страшному разорению Моравию, Австрию, Словакию, Венгрию. В январе 1242 г. была захвачена Хорватия, и монгольские войска вышли на побережье Адриатического моря, «к последнему морю», как завещал Чингис-хан.

Вся Европа была в панике, но в самый разгар завоевательных действий из далекой Монголии пришло печальное известие: 11 ноября 1241 г. скоропостижно скончался Великий каан Угэдей. Это известие было доставлено в войска Бату где-то весной 1242 г. Бату приказал собрать общий совет, на котором было решено завершить Западный поход и возвратиться домой. Сражения с западноевропейскими рыцарями и покорения их стран дорого обошлись войску Бату. Силы были на исходе, и смерть Великого каана стала очень благоприятным предлогом для завершения похода. Через Боснию, Сербию, Болгарию Бату увел свою армию в южнорусские степи.

Битва при Легнице. Западноевропейская средневековая миниатюра

В конце 1242 г. Бату расположился в благоприятных степях Нижнего Поволжья. Все Чингизиды ушли со своими войсками в свои земли, часть войска возвратилась в родную Монголию. А там после смерти Угэдея развернулась борьба за власть.

Вдова Угэдея Туракина-хатун практически захватила власть, возложив на себя обязанности временной правительницы. В этом нет ничего необычного. Монгольские женщины, особенно жены ханов, обладали большими правами в обществе, отсюда и особое к ним отношение. Туракина-хатун не была старшей женой умершего хана, но именно она родила сыновей, имеющих право на престол. Угэдей не особенно доверял своему старшему сыну Гуюку, особенно после событий, произошедших во время похода на Русь. Он завещал передать свой престол третьему сыну – Кудже, но тот умер раньше отца. И тогда наследником был назначен Ширэмун, сын Куджу [Рашид-ад-Дин, 1960, с. 118]. Это решение утвердил и Чагатай, строго следивший за соблюдением обычаев, но в мае 1242 г. он умирает, и это развязало Туракина-хатун руки. Сложилась такая ситуация, что старшим в роде Борджигин стал Бату-хан, а именно он имел полное право претендовать на великоханский престол. Но Бату не торопился ввязываться в борьбу за власть, учитывая еще и его вражду с Гуюком. Туракина-хатун стала энергично расчищать своему сыну дорогу к трону. Сначала она сместила с высоких должностей министров Угэдея: китайского советника Елюя Чуцая, уйгура Чинкая, хорезмийца Махмуда Ялавача. Их места заняли ее сторонники: главным регентским советником стал мусульманин Абд-ар-Рахман. В результате количество сторонников Гуюка увеличилось, и это дало возможность созвать общемонгольский курултай.

В августе 1246 г. у истоков реки Орхон состоялся курултай, на который съехались почти все родственники из рода Борджигин [Рашид-ад-Дин, 1960, с. 118]. Бату, «сославшись на слабое здоровье и на болезнь ног» [Рашид-ад-Дин, 1960, с. 118], на курултай благо-разумно не поехал, но отправил туда своих братьев – Орду, Шибана, Берке, Беркегара, Тангута и Туга-Тимура. Как и следовало ожидать, правителем Монгольской империи провозгласили Гуюка. Конечно, Бату внимательно следил за выборами, ему было абсолютно не без-

различно, кто станет Великим кааном. И вместе с тем создается впечатление, что его больше заботили собственные земли, отошедшие в результате походов в Улус Джучи, их обустройство.

Снова хочется вспомнить слова Джузджани, сказанные применительно к Джучи в период его завоевания Кыпчакской степи: «...когда Туши (Джучи), старший сын Чингис-хана, увидел воздух и воду кыпчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятней этой, воздуха лучше этого, воды, слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих» [Тизенгаузен, 1941, с. 14]. Вот этот «рай» и достался Бату. Улус его отца Джучи в результате завоеваний десятков, сотен народов был расширен во много раз. Площадь покоренной территории занимала около 10 млн кв. км и раскинулась от низовьев Дуная до предгорий Алтая. Она включала в себя не только благоприятные для кочевников евразийские степи, но и плодородные земледельческие центры Средней Азии и богатые (прежде всего пушниной) северные лесные земли. Это стало родиной Бату-хана, его местом под солнцем. Именно эту территорию взялся благоустраивать хан. Надо сразу отметить, что все покоренные земли и юридически, и номинально входили в состав Монгольской империи, составляя лишь одну из ее частей и подчинялись непосредственно Великому каану; Бату лишь стал приводить в порядок доставшийся ему удел отца, «удел Джучи».

Первоначально Бату осуществил перераспределение своей территории с учетом вновь завоеванных земель. Надо отметить, что ничего нового в сложившуюся систему административно-территориального устройства Монгольской империи Бату не внес. Весь его улус, «Улус Джучи», составлял лишь левое крыло Монгольской империи. Вся территория самого «Улуса Джучи» также делилась на центр (гол), правое крыло (барунгар) и левое (джунгар) [Трепавлов, с. 86]. Прежде всего Бату укрепил за своим старшим братом Ордой земли, дарованные ему еще Чингис-ханом. Они составили левое, или восточное, крыло Улуса Джучи, получившее позднее название

Гуюк – третий
Великий хан (каан)
Монгольской
империи

Кок-Орда – Синяя Орда. Этому свидетельствуют слова Абул-ал-Гази: «Когда Саин-хан, возвратившись из этого похода, остановился на своем месте, сказал Орде, по призванию Ичен, старшему из сыновей Джучи-хана: "В этом походе ты содействовал окончанию нашего дела, поэтому в удел тебе отдается народ, состоящий из пятнадцати тысяч семейств в том месте, где жил отец твой"» [Абуль-Гази, с. 104], т. е. верховья Иртыша и ставка на озере Ала-куль. В составе левого крыла Улуса Джучи были выделены земли и некоторым другим Чингизидам. У Рашид-ад-Дина есть сообщение, что Орду «с... четырьмя братьями – Удуром, Тука-Тимуром, Шингкумом он составил левое крыло монгольского войска» [Рашид-ад-Дин, 1960, с. 66]. Таким образом, Кок-Орда изначально занимала территорию на юге современного Казахстана вдоль Сырдарьи и к востоку от нее [Егоров, 1985, с. 160].

Земли между реками Яик и Иртыш Бату выделил своему младшему брату Шибану, «который так же сопутствовал своему брату Саин-хану в его походе, ...из родовых владений отдал четыре народа: Кушчи, Найман, Карлык и Буйрак, и сказал ему: "Юрт (область), в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата, Ичена. Летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-сувук, Орь, Илек до гор Урала; и во время зимы живи в Ара-куме, Кара-куме и по берегам реки Сыр – при устьях рек Чуй-су и Сари-Су"» [Абуль-Гази, с. 104]. Получается, это земли Северного и Центрального Казахстана, Юго-Западной Сибири, степи от реки Урал до Иртыша. Кто из Чингизидов соуправлял в улусе Шибана, неизвестно.

Все западные земли от низовий Дуная до западного побережья Каспийского моря составляли личный улус Бату-хана. Эта территория стала историческим ядром формирования Ак-Орды – Белой Орды. Вся территория Ак-Орды так же была разделена на улусы, которыми Бату наделил своих родственников. Наиболее ценные сведения по административно-территориальному делению встречаем у Плано Карпини и Рубрука, проезжавших по этим землям в 50-е годы XIII в. «Ехали мы через всю страну Команов, представляющую собой сплошную равнину и имеющую четыре большие реки: первую –

Однако здесь с 60-х годов XIII в. находились владения могущественного темника Ногая. Сфера влияния его распространялась и на Поднестровье, и на Балканский полуостров. Н. Н. Веселовский считает, что за особые заслуги во время завоевания этих земель эта территория была выделена Бату-ханом своему брату Бувалу, либо его сыну Татару, а уже потом перешла под покровительство Ногая [Веселовский, с. 3].

Территориально близок к первому улусу улус Коренцы (Куремса в русских источниках). Он занимал правобережье Днепра и, очевидно, соприкасался с предыдущим улусом, так как у Карпини есть выражение, что он (Коренца) «является господином всех, которые поставлены на заставе против всех народов Запада, чтобы те случайно не ринулись на них неожиданно и врасплох; как мы слышали, этот вождь имеет под своей властью шестьдесят тысяч вооруженных людей» [Карпини, с. 71]. Кто он был таким, мы не знаем. По всей видимости, происходил из Джучидов, так как у Карпини он отнесен к «князьям».

Левобережье Днепра Бату выделил некому Мауци. Происхождение его неизвестно. У Карпини есть лишь замечание, что по своему статусу он «выше Коренца». Е. П. Мыськов считает его братом Бату по созвучности с именем седьмого сына Джучи (Мовал, Могол, Могучей, Мауцы) [Мыськов, с. 47].

Четвертый улус Бату назначил Картану, мужу своей сестры. Его территория простиралась к западу от реки Дон и, очевидно, граничила с улусом Мауци. Поволжские степи вдоль обоих берегов Волги принадлежали самому Бату-хану. Именно здесь находилась ставка Бату во время визита к нему Плано Карпини. Между Доном и Волгой, занимая зону лесостепи и приграничную с русскими княжествами, кочевал сын Бату – Сартак. Северокавказские степи вплоть до азербайджанского Дербента Бату-хан первоначально определил своему брату Берке. Но уже осенью, по словам Рубрука, Бату отобрал этот улус и «приказал ему, чтобы он передвинулся с того места за Этилию (Волгу) к востоку, не желая, чтобы послы саррацинов (мусульман. – В. Е.) проезжали через его владения, т. к. это казалось Бату убыточным» [Карпини, с. 115]. Еще

два улуса, по словам П. Карпини, располагались вдоль берегов реки Яик (Урал. – В. Е). Их имен автор не знает. Бесспорно, особый удел составлял полуостров Крым. Известно, что монголы завоевали только степную его часть, захватив лишь некоторые города на побережье. Имя первого его владельца неизвестно. Особым статусом был наделен и Хорезм с его богатыми земледельческими районами, возрождающимися городами и с торговыми путями, связывающими Поволжье со Средней Азией. Возможно, что этими землями управлял сам Бату-хан. Также особым статусом, вероятно, обладали и земли Северного Причерноморья. Согласно В. де Рубруку, эти территории принадлежали самому Бату, так как «на севере этой области находится много больших озер, на берегах которых имеются соляные источники; как только вода их попадает в озеро, образуется соль, твердая, как лед; с этих солончаков Бату и Сортах получают большие доходы, так как со всей Руси ездят туда за солью, и со всякой нагруженной повозки дают два куска хлопчатой бумаги, стоящих пол-иперпера. Морем так же приходят за этой солью множество судов, которые все платят пошлину по своему грузу [Карпини, с. 91].

Особенностью построения улусной системы является то, что властитель наделял своих подданных определенной территорией, и они принимали на себя определенные военные и экономические обязательства. Изначально эта земля не считалась наследственной, она могла перераспределяться от одного военачальника к другому по воле хана. Самый яркий пример приведен выше у Вильгельма де Рубрука, когда Бату, отнимает удел у Берке, а брата отправляет кочевать на новые земли. Чуть позднее подобную же политику мы увидим и в действиях хана Берке, который за ряд военных неудач отбирает удел у Коренцы и передает его Бурундаю. Естественно, что вся эта власть держалась на строгой дисциплине и строжайшей регламентированности. По сообщению того же Плано Карпини: «Император же этих татар имеет изумительную власть над всеми. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники – сотникам, сотники же десятникам. Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по

отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия» [Карпини, с. 49]. Таков закон был установлен еще Чингис-ханом и беспрекословно выполнялся во всей Монгольской империи. В полной мере это относится и к власти Бату на завоеванных территориях.

Распределив земли своего улуса, Бату энергично взялся за обустройство своей территории. Оставаясь до конца жизни истинным кочевником и не изменяя монгольским традициям, Бату прекрасно понимал необходимость преобразований и всячески этому способствовал. Ритм жизни двора Бату зависел от сезонных перекочевков. Г. А. Фёдоров-Давыдов отмечал, «что характерной особенностью улусной системы было наличие кочевой ставки владельца улуса. Она обозначалась термином "Орда". Кочевой быт монгольской улусной аристократии был связан с перекочев-

Бату.
Китайский средне-
вековый рисунок

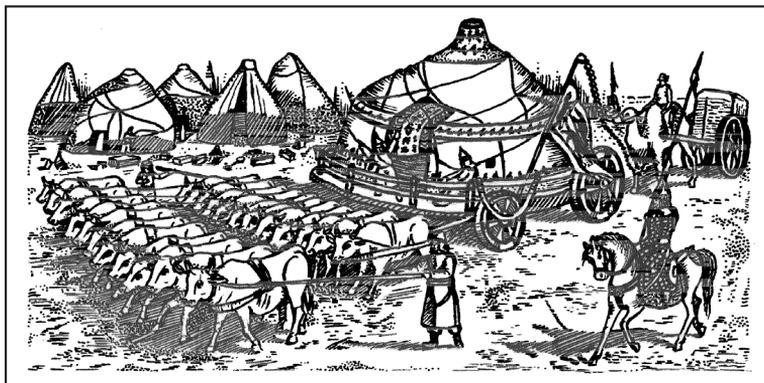
ками ханских и улусных резиденций – орд» [Фёдоров-Давыдов, с. 63]. Орда Бату также находилась в постоянном движении. В. де Рубрук замечает, что они «ехали с Бату, спускаясь возле Волги, в течение 5 недель» [Карпини, с. 119]. Он же отмечал, что «с января до августа он сам (Бату. – В. Е.) и все другие поднимаются к холодным странам, а в августе начинают возвращаться» [Карпини, с. 116].

Надо отметить, что ханская ставка представляет собой большое скопление шатров, в которых проживает сам хан, его многочисленные жены, дети, войско и войсковые начальники и множество людей, обслуживающих Орду. «Утром мы встретили повозки Скатая, нагруженные домами, и мне показалось, что навстречу мне двигался большой город. Я также изумился количеству стад быков и лошадей и отар овец», – восклицает Вильгельм де Рубрук [Карпини, с. 103].

Интересное описание ханской ставки, правда, относящееся уже к началу XIV в., времени хана Узбека, оставил Ибн-Баттута, знаменитый арабский путешественник: «Подошла ставка, которую они называют урду (Орда. – В. Е.)... и мы увидели большой город, движущийся со своими жителями; в нем мечети и базары, да дым от кухонь взвивается по воздуху; они варят (пищу) во время самой езды своей, и лошади везут арбы с ними. Когда достигают места привала, то палатки снимают с арб и ставят на землю, так как они легко переносятся. Таким же образом они устраивают мечети и лавки. Мимо нас проехали жены султана, каждая из них со своими людьми отдельно... подъехал султан и расположился в своей ставке отдельно» [Тизенгаузен, 1884, с. 289]. У Бату было, по мнению В. де Рубрука, «26 жен, у каждой из которых имеется по большому дому... и когда они останавливаются где-нибудь, то первая жена ставит свой двор на западной стороне, а затем размещаются другие по порядку, так что последняя жена будет на восточной стороне, и расстояние между двором одной госпожи и другой будет равняться полету камня. Таким образом, один двор богатого Маола будет иметь вид как бы большого города» [Карпини, с. 92–93].

Плано Карпини дает описание ставки самого Бату: «А этот Бату живет с полным великолепием, имея привратников и всех чиновников, как и император их. Он так же сидит на более возвышенном месте,

как на троне, с одною из своих жен; другие же, как братья и сыновья, так и иные младшие, сидят ниже, посредине на скамейке, прочие же люди – сзади их, на земле, причем мужчины сидят направо, женщины – налево. Шатры у него большие и очень красивые, из льняной ткани, раньше принадлежали они королю венгерскому. Никакой посторонний человек не смеет подойти к его палатке, кроме его семейства, иначе как по приглашению... на середине, близ входа в ставку, ставят стол, на котором ставится питье в золотых и серебряных сосудах, и ни Бату, ни один татарский князь не пьет никогда, если перед ним не поют и не играют на гитаре. И когда он едет, то над головой его несут всегда щиток от солнца, или шатерчик, на копье, и так поступают все более важные князья татар и даже их жены» [Карпини, с. 73]. И В. де Рубрук оставил описание своего визита к Бату: «Сам он сидел на длинном троне, широком как ложе, и целиком позолоченном, на трон этот поднимались по трем ступеням; рядом с Бату сидела одна госпожа. Мужчины же сидели там и сям, направо и налево от госпожи; то, чего женщины не могли заполнить со своей стороны, так как там были только жены Бату, заполняли мужчины. Скамья же с кумысом и большими золотыми и серебряными чашами, украшенными драгоценными камнями, стояла у входа в палатку. Итак, Бату внимательно осмотрел нас, а мы его; и по росту, показалось мне, он похож на господина Жана де Бомонда, почтит в мире его душа. Лицо Бату было тогда покрыто красноватыми пятнами»

Юрты и повозки монголов. Средневековый китайский рисунок

[Карпини, с. 117]. Я сознательно привел эти пространные цитаты, потому что это единственные источники, которые могут хоть как-то охарактеризовать ставку Бату, его самого. Жан де Бомон был участником седьмого крестового похода, сопровождавший Людовика IX при его высадке в Египет в 1249 г. Как тут не вспомнить ехидное замечание Н. М. Карамзина: «...жаль, что мы не имели чести знать господина де-Бомона» [Карамзин, прим. к кн. IV, гл. I, с. 20].

Бату, как и его отец Джучи, прекрасно понимал, что в сложившейся ситуации один лишь кочевой уклад не сможет решить вопросы, связанные с развитием экономики, способной привести Улус к процветанию. Вот почему большое внимание он уделяет восстановлению и возникновению новых городов, которое достаточно быстро превратились в крупные торгово-ремесленные центры.

Ал-Джувейни в «Истории завоевателя мира» сообщает: «Бату в ставке своей, которую он имел в пределах Итиля, наметил место, построил город и назвал его Сараем. Власть его была распространена на все те царства. Он был государем, который не придерживался ни какой веры и секты, он их считал только способом познания божества и не был последователем ни одной из сект и религиозных учений. Исчислить дары и щедроты его да измерить великодушие и щедрость его невозможно. Государи соседние, властители разных стран света и другие люди приходили к нему на поклон. Подносимые подарки, являвшиеся запасом долгого времени, еще прежде, чем они могли поступить в казну, он целиком раздавал монголам, мусульманам и всем присутствующим на собрании и не обращал внимания: малы они или велики. Купцы привозили ему различные товары: все это, чтобы оно ни было, он брал и за каждую вещь давал цену в несколько раз превышающую ее стоимость. Султанам Рума, Сирии и других стран он жаловал льготные грамоты и ярлыки, и всякий, кто являлся к нему, не возвращался без достижения своей цели» [Рашид-ад-Дин, 1960, с. 123]. Город Сарай (с перс. «дворец») был построен по распоряжению Бату в начале 50-х годов XIII в. на левом берегу Ахтубы на Нижней Волге. Сегодня археологические остатки этого города носят название Селетренского городища [Егоров, с. 114]. Все же надо отметить, что появление городской столицы

не изменило роль Орды как кочевой резиденции хана. Именно в ней Бату решал все вопросы, связанные с государственным управлением, принимал послов и своих поданных.

Бату активно покровительствовал развитию торговли, считая ее важнейшим источником пополнения казны. При нем возрождается важнейшая международная торговая артерия – Великий шелковый путь. Он соединил Китай, Центральную Монголию, страны Средней Азии с Нижним Поволжьем и городами Крыма, а через них и со странами Западной Европы. По приказу Бату по всему торговому пути создаются караван-сарай, обеспечивающие безопасность прохождения торговых караванов. В них размещались военные гарнизоны, склады для провианта и товаров, ремесленные мастерские, гостиницы – словом все, что способствовало беспрепятственной транзитной торговле. Бату заключает выгодные договоры с венецианскими и генуэзскими купцами, которые, почувствовав безопасность, первыми ринулись через Крым на рынки Востока. «Насколько этот путь (из Европы на Восток. – В. Е.) был важен для итальянских торговых республик говорит тот факт, что для торговцев начали готовить специальные пособия об этом пути. В одном из них о кыпчакских землях говорилось: "Прежде всего, в городе Тана необходимо взять одного переводчика, знающего кыпчакский язык, и еще для охраны двух работников. С собой нужно брать также муку и соленую рыбу, так как в пути следования можно встретить много мяса... Вооруженных охранников брать не следует, т. к. татарские ханы всю дорогу от Тана до Китая хорошо охраняют". Как говорится далее, дорожные расходы невелики. Они составляют небольшую часть от стоимости тех товаров, которые предназначены для продажи. "Товары можно вести в повозках, которые могут брать до 30–40 пудов. В эти повозки обычно запрягают трех верблюдов..." Кроме того, имеется несколько карт, составленных итальянцами, путешествовавшими в Китай» [Газиз, с. 197]. И хотя процитированный текст относится к более позднему времени, второй половине XIII в., основы безопасной транзитной торговли были заложены именно при Бату. Казна стала наполняться не только за счет военной добычи, но и важ-

нейшей составляющей стали доходы от торговли. Уже упоминалось, что Бату и его сыну Сартаку принадлежали в Северном Причерноморье большие соляные озера, добыча соли с которых была весьма прибыльным делом.

И все же главной задачей Бату видел налаживание системы взаимоотношений с народами покоренных им территорий. Кыпчакская степь, основное ядро его империи, была практически полностью покорена. Верхушка половецкого общества была истреблена и не представляла уже для Бату опасности. Рядовое население Дешт-и-Кыпчак вошло в состав формирующегося государства. Этническая ситуация в Улусе Джучи в это время была довольно пестрой, но все же основную массу населения составляли кипчаки. У арабского современника Эломари есть по этому поводу разъяснение: «В древности это государство было страной кипчаков, но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кипчаки, как будто одного (с ними) рода, оттого, что монголы (и татары) поселились в земле кипчаков, вступили в брак с ними и остались жить в земле их (кипчаков). Таким образом, долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменяет прирожденные черты согласно ее природе» [Тизенгаузен, 1884, с. 235].

Сложнее обстояло дело с другими покоренными монголами народами. В силу географической ситуации их не интересовали земли покоренной Северо-Восточной Руси как место проживания. То же относилось и к землям Северо-Западной Руси, части земель Южной Руси, территории Кавказа и Средней Азии. С народами этих территорий, их правителями необходимо было установить систему зависимости, наладить даннические отношения. Конечно, никто из правителей завоеванных земель не горел страстным желанием оказаться в подчинении у Бату и монгольского Каана. Но память о страшных нашествиях, разорении их земель заставила покориться хану. Так, сельджукский султан Джиязад-Дин Кай Хосров II направил три посольства к Бату. Грузинский князь Давид

(будущий хан Грузии Давид) прожил некоторое время при дворе Бату как заложник [Вернадский, с. 148]. Нас же в первую очередь интересует, как складывались отношения Бату с русскими княжествами. Единственным источником, хоть как-то характеризующим складывающуюся ситуацию, остаются русские летописи. Но вот здесь как раз и таится основная сложность. Сообщения этих лет очень лаконичны, констатируют лишь отдельные факты, никак не комментируя действия. Кроме того, большинство из источников дошли до нас в более поздних редакциях в исправленном, урезанном виде, исходя из политических установок XV–XVII вв. Вот как, например, освещает события 1243 г. Лаврентьевская летопись (цитирую полностью): «Великий князь Ярославъ поехав, Татары к Батыеви, а сына своего Константина посла къ Канови. Батыи же почти Ярослава великого честью и мужи его и отпусти и речи ему: "Ярославе буди ты старейи всем князем в русском языке. Ярославе же възвратися в свою землю с великою честью"» [ПСРЛ, т. 1. с. 470]. В Новгородской первой летописи младшего извода вообще имеется лишь краткая строка: «...Ярославъ Всеволодиць позван цесаремъ Татарьскимъ, и иде в татары съ Батыеви, воеводе Татарьску» [НПЛ, с. 297]. Здесь в текстах больше вопросов, чем ответов. Зачем ходил князь Ярослав к Бату? Если позван, то с какой целью? И что значит честь Батыева, и почему именно ему дается старшинство над Русской землей? Чтобы ответить на эти и еще десяток вопросов, нужно попытаться разобраться в политической ситуации, что сложилась в русских княжествах после завоевательных походов 1237–1241 гг.

Начнем с северо-восточных земель. Уже отмечалось «странное» поведение князя Ярослава Всеволодовича и его сыновей в 1237–1238 гг. Они (Ярослав и сыновья) не предпринимают никаких действий, чтобы оказать помощь Великому князю Владимирскому Юрию Всеволодовичу, не стремятся на Сить, бросают на произвол судьбы верный Новгороду Торжок. Создается впечатление, что Ярослав сознательно ждет разгрома войск своего старшего брата. Как уже было сказано, если бы в бой за Торжок вступили новгородские дружины Александра, так ярко проявившие себя в Невской битве, а затем и в Ледовом побоище, то разгромить разрозненные

силы Бату, изрядно потрепанные в боях, обремененные обозами и пленными, не составило бы большого труда. Но ни Александр, ни его отец Ярослав даже не предприняли никаких усилий. А как бы изменился ход истории! Но не успел еще Бату уйти в степи, как «прииде князь Ярославъ Всеволодичъ... въ Володимерь на великое княжение... очисти святыя церквы отъ трупия мертвыхъ, оставшиа же люди собравъ утеша» [ПСРЛ, т. 10, с. 113]. Уж больно спешил Ярослав занять великокняжеский престол, и татары ему были не помеха. А может быть, наоборот, Ярослав и Бату выступали как союзники? В этом нет ничего удивительного. Перелистав летописи прошлых лет, мы увидим, что русские князья множество раз в своих распрях использовали половцев как союзников. Поход Бату так же рассматривался на Руси как очередной набег кочевников. Почему бы не воспользоваться этим и при помощи татарских сабель не захватить столь желанное для Ярослава Великое княжество Владимирское. Явно читается союз Бату и Ярослава.

В. В. Каргалов отмечал, что города Ростов и Углич сдались татарам без боя и, вероятно, не были разрушены [Каргалов, 1967, с. 136]. Получается, что одна часть ростовских князей – Василек, Всеволод и Владимир Константиновичи – ушли к Великому князю Владимировскому на реку Сить и там погибли, другие же, Владимир Константинович Углицкий, Борис Василькович Ростовский, Василий Всеволодович Ярославский, встали на сторону Ярослава, подчинившись Бату. Союзников надо привечать, вот почему читаем в Лаврентьевской летописи, что эти князья «поехаша в татары, к Батыеве про свою отчину. Батыи же почтив их честью достойною и отпустивъ их расудивъ имъ когождо в свою отчину и приехаша с честью на свою землю» [ПСРЛ, т. 1, с. 470]. За Северо-Восточную Русь, Великое княжение Владимирское Бату мог не волноваться, здесь правили его люди, признавшие его верховенство. Правда, я абсолютно не могу сказать, в чем же выражалась подчиненность русских

Ярослав
Всеволодович.
Фреска церкви Спаса
Нередицы

В. В. Каргалов отмечал, что города Ростов и Углич сдались татарам без боя и, вероятно, не были разрушены [Каргалов, 1967, с. 136]. Получается, что одна часть ростовских князей – Василек, Всеволод и Владимир Константиновичи – ушли к Великому князю Владимировскому на реку Сить и там погибли, другие же, Владимир Константинович Углицкий, Борис Василькович Ростовский, Василий Всеволодович Ярославский, встали на сторону Ярослава, подчинившись Бату. Союзников надо привечать, вот почему читаем в Лаврентьевской летописи, что эти князья «поехаша в татары, к Батыеве про свою отчину. Батыи же почтив их честью достойною и отпустивъ их расудивъ имъ когождо в свою отчину и приехаша с честью на свою землю» [ПСРЛ, т. 1, с. 470]. За Северо-Восточную Русь, Великое княжение Владимирское Бату мог не волноваться, здесь правили его люди, признавшие его верховенство. Правда, я абсолютно не могу сказать, в чем же выражалась подчиненность русских

Шлем Ярослава Всеволодовича, потерянный им в Липицкой битве 1216 г. и найденный в 1808 г.

княжеств степному владыке. Нет ни слова в источниках о дани, о других обязанностях оказавшихся вассалов. Тем не менее снова отмечу, что сложившийся союз был выгоден обеим сторонам. Бату, подчинив Великого князя Владимирского, теперь был спокоен за эти территории.

Ярослав, воспользовавшись союзом, стремился в срочном порядке укрепить свою власть, расширить ее границы. Теперь становится понятным его поход 1239 г. на Литву «и победи ихъ, Смолнянъ бороня, а князя ихъ изыма; Смоленяне же урядивъ и посади у них въ Смоленце на столе великого княжения князя Всеволода Мстиславича... шурина же брата своего Константина Всеволодичя, а самъ со множествомъ полона и съ великою честью приде во свояси» [ПСРЛ, т. 10, с. 115]. Бату не удалось захватить Смоленск, но это сразу же сделал его союзник, превратив и это княжество в подчиненное татарам. Ярослав попытался оказать влияние и на Полоцк, женив своего сына Александра на дочери полоцкого князя. И все это за один 1239 год! А ведь в это время татарские отряды захватили землю Мордвы и город Муром [там же], на что князь Ярослав даже не обратил внимание. Так что к 1243 г. руками Ярослава оказались в подчинении Бату все северо-восточные и частично северо-западные земли во главе с Новгородом, где правит сын Ярослава Александр. Так был установлен сюзеренитет над этими землями.

Вернемся вновь в 1243 год. Ярослав едет к Бату, а сына своего Константина посылает к «канови», в Монголию. Этому есть объяснение. Бату прекрасно осознавал, что его формирующийся улус является лишь частью Монгольской империи. Его не смущал и тот факт, что в это время в империи правила вдова Угэдея Туракина-хатун, которая и должна была утвердить решение Бату. Очевидно, регентшу что-то не устроило. В 1245 г. из Монголии возвратился Константин Ярославич с каким-то посланием от верховной монгольской власти. Вот почему сразу же Бату собирает у себя в Орде

всех северо-восточных князей во главе с Ярославом. Мы не знаем, что обсуждалось на этом съезде. Вероятно, шел процесс оформления даннических отношений. В Новгородской летописи содержится единственное упоминание об этом: «В лето 6754 (1246 г.) при архиепископе Спиридоне Великого Новагорода и Пскова, великий князь Ярослав Всеволодовичь...начал дань давать въ Златую Орду» [НПЛ, с. 220].

Великий князь Ярослав Всеволодович вынужден был ехать в Каракорум, где в это время собирался курултай по выборам нового хана. Напомню, что сам Бату на избрании Гуюка не поехал, сославшись на слабое здоровье, таким образом Ярослав выступал в роли «полномочного представителя» русских княжеств и самого Бату. Примечательно, что на выборах Верховного правителя оказался посланник Папы Римского Иннокентия IV брат Иоанн де Плато Карпини, который оставил очень интересные записки об этом событии: «Снаружи ограды был русский князь Ярослав из Суздаля и несколько вождей китаев и солангов. Так же два сына царя Грузии, так же посол Калифа балдахского, который был султаном, и более десяти других султанов Сарацин... Там было более четырех тысяч послов в числе тех, кто приносил дань, и тех кто шел с дарами, султанов, других вождей, которые являлись покориться им... Всех их вместе поставили за оградой и им подавали пить вместе; нам же и князю Ярославу они всегда давали высшее место, когда мы были с ними вне ограды» [Карпини, с. 77]. Больше об участии Ярослава в курултае мне ничего не известно.

Возвращаясь из Монголии осенью 1246 г., он неожиданно умирает. Трудно сказать, что послужило причиной смерти князя.

Современная панорама нового и старого Каракорума

Единственно достоверную версию его гибели можно встретить у того же Карпини: «В то же время умер Ярослав, бывший великим князем в некоей части Руссии, которая называется Суздаль. Он только что был приглашен к матери императора, которая как бы в знак почета дала ему есть и пить из собственной руки; и он вернулся в свое поместье, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и все тело его удивительным образом посинело. Поэтому все верили, что его там опоили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землею. И доказательством этому служит то, что мать императора без ведома бывших там его людей поспешно отправила гонца в Руссию к его сыну Александру, чтобы тот явился к ней, так как она хочет подарить ему землю отца. Тот не пожелал поехать и остался, и тем временем она посылала грамоты, чтобы он явился для получения земли своего отца. Однако все верили, что если он явится, она умертвит его или даже подвергнет вечному плену» [Карпини, с. 79]. Версия Карпини мне представляется очень правдоподобной. Он очевидец событий, поэтому его рассказу стоит доверять. Другое дело, зачем Туракин прибегла к столь изощренному способу. Очевидно, князь Ярослав, выражая волю Бату, оказался в чем-то не согласен с

Каменная черепаха Юаньской династии в Каракоруме

регентшей. И его смерть стала своеобразным предостережением и самому Бату, тем более мы помним о его достаточно напряженных отношениях с Гуюком.

Известие о смерти Ярослава Всеволодовича пришло на Русь осенью 1246 г. В соответствии с древнерусскими традициями, великокняжеский престол занимает старший Всеволодович – Святослав: «...седе в Володимери на столе отца своего, а сыновци (племянников. – В. Е.) свои посади по городом, якоже бе имъ отецъ оурядиль Ярославъ» [ПСРЛ, т. 1, с. 471]. Очевидно, отправляясь в Каракорум, Ярослав оставил завещание, которое и исполнил его брат. Но времена изменились. На смену традиции заступает право победителя, право Орды назначать князей. Этот момент, наверное, Святослав не уловил. По крайней мере ни в одном из источников нет сообщения, что он едет к Бату на утверждение на великокняжеский престол. Этим воспользовались «Ярославичи». Не прошло и года, как Святослава Всеволодовича сгоняет с престола его младший племянник Михаил по прозвищу Хоробрит. За дядю вступается князь Александр. Согласно «Житию Александра Невского», он «приде в Володимерь по умертви отца своего в силе велице» [Елагин, с. 37]. Свои претензии на великокняжеский престол предъявляет еще один Ярославич – Андрей и, выражаясь словами В. Н. Татищева, «и бысть им пря веля о великом княжении, они же уложа ити во Орду. И поидоша князи Александр, Андрей и Михаил, и многу стязанию бывшу» [Татищев, 1965, с. 39]. Об участии Михаила в Орде ничего не известно. Есть лишь сведения, что через несколько месяцев он погиб в битве с литовцами.

Отношения между Александром и Андреем Ярославичами накалились до высшего предела. Бату, возможно, и сам бы разрегулировал спор между братьями, но благоразумно отправил их в Монголию на суд к Великому каану Гуюку. «Батыи же почтивъ ею и посла их к Каневичем», – говорится в Лаврентьевской летописи [ПСРЛ, т. 1, с. 471]. На время отсутствия Ярославичей Владимирский престол вновь занял Святослав Всеволодович. В конце 1247 г. или в начале 1248 г. Александр и Андрей предстали перед Великим монгольским кааном Гуюком. Доподлинно неизвестно, как шел ход разбирательств,

в истории сохранилось лишь итоговое решение: Гюк «приказаша Олександрови Києвъ и всю Руськую землю, а Андреи седе в Володимери на столе» [ПСРЛ, т. 1, с. 472]. Это решение Гюка требует своего комментария.

Чем руководствовался хан, так деля Русскую землю между братьями? Были ли они довольны подобным решением? Прежде всего надо понимать, что Александр и Андрей, в той или иной степени, были ставленниками и вассалами Бату. А отношения между Гюком и Бату были достаточно напряженными. После избрания на курултае Гюк начал проводить политику ущемления в правах кипчакского правителя. Особенно это касалось возведения на престол подданных Бату, которых он отправлял к Гюку на утверждение. Он стремился в пику Бату назначить своих ставленников, чтобы ослабить его влияние в завоеванных землях. Ситуация так обострилась, что летом 1248 г. Гюк во главе большого войска выступил против Бату. Тот, собрав все имеющиеся у него и его братьев силы, выступил навстречу противнику. Вдова хана Толуя и мать Мункэ Суркуктенихатун предупредила Бату о намерениях Гюка. Две армии готовы были встретиться на территории Семиречья, но Гюк неожиданно умирает на расстоянии недели пути до лагеря Бату. Ходили слухи, что он был отравлен агентами Суркуктенихатун. Возвращаясь к назначению, данному Гюком Александру и Андрею, можно предполагать, что решение было принято не такое, как хотел Бату. Титул Великого Киевского князя и всея Руси был, несомненно, очень значимым и почетным. Обладать разоренной до основания Киевской землей и Южной Русью и потерять при этом долгожданный Владимир было, конечно, почетно, но и в то же время проигрышно. Узнав о смерти Гюка, Александр решил не выполнять его решения, а сразу же уехал в приглянувшийся ему богатый Новгород. Андрей Ярославич стал Великим князем Владимирским.

Теперь настало время обратить внимание на то, как развивались события в Южной и Юго-Западной Руси в первые годы правления Бату. Киевское княжество подверглось страшному разорению, причем надо отметить, что этому способствовали не только набеги татар, но и ожесточенная междоусобная война русских

князей за Киев. В период с 1235 по 1240 гг. Киев семь раз переходил из рук в руки, каждый раз, разумеется, подвергаясь грабежу и разорению. Проезжавший через Киевскую землю в 1245 г. посланник Папы Римского Плано Карпини оставил такое описание: «Когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на поле; ибо этот город (Киев. – В. Е.) был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведен почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжелом рабстве. Подвигаясь отсюда, они (татары. – В. Е.) сражениями опустошили всю Руссию» [Карпини, с. 51]. У В. Н. Татищева есть сообщение, что «Батый же посадил во граде Киеве своего воеводу... и постави наместники и властели своя по всем градом русским» [Татищев, 1965, с. 35]. И снова цитирую Плано Карпини: «Мы прибыли к некоему селению по имени Канов (Канев. – В. Е.), которое было под непосредственной властью татар» [Карпини, с. 70]. Если учесть, что, согласно его же известиям, вдоль реки Днепр кочевал Коренца, то становится понятным, что вся территория Киевского княжества оказалась под юрисдикцией татар и управлялась людьми, назначаемыми Бату. Такая же участь постигла Переяславское и Черниговское княжества, где также находились монгольские наместники [Мавродин, с. 370].

Говоря о политической ситуации в южно-русских княжествах 40–50-х годов XIII в., нельзя обойти вниманием деятельность двух самых известных правителей: Даниила Романовича Галицкого и Михаила Всеволодовича Черниговского. У Г. В. Вернадского есть, на мой взгляд, интересная фраза, объясняющая суть происходивших в это время событий: «Для феодального общества на Востоке Центральной Европы характерно, что даже после жестокого урока, преподанного монгольским вторжением 1240–1241 гг., межкняжеские и межнациональные раздоры и соперничество не ослабели» [Вернадский, с. 149]. Это в полной мере относится и к Юго-Западной Руси, втянутой прежде всего двумя вышеназванными князьями в непрерывную систему междоусобных войн. Кроме того, они с головой окунулись и в распри, происходившие в государствах Центральной Европы. И это несмотря на страшную угрозу со стороны монголов. Создается

впечатление, что для южно-русских князей вторжение Бату является не более как досадным штрихом в их княжеских усобицах, которого или надо избегать, или надо к нему приспособливаться.

Вернемся к событиям, предшествующим захвату Бату Южной Руси. В 1237 г., во время начала вторжения татар в северо-восточные русские княжества, в Киеве воскняжился Ярослав Всеволодович. Но, узнав о вторжении Бату, он покинул город и бросился в Новгород, где в это время княжил его юный сын Александр. Сразу же Киев захватил Михаил Всеволодович Черниговский. Именно по его приказу в 1239 г. были перебиты монгольские послы, посланные Менгу. Опасаясь возмездия, Михаил вместе с сыном Ростиславом и семьей бежит в Венгрию к королю Бэле IV. Утвердившийся в это время на великокняжеском престоле во Владимире князь Ярослав Всеволодович, очевидно, не без одобрения Бату, совершает карательный поход на Киевские земли, преследуя отобравшего у него Киев Михаила. «Ярославъ иде к Каменьцю, градъ взя Каменець, ся княгиню Михайлову со множеством полона приведи в своя си» [ПСРЛ, т. 1, с. 469]. Жена Михаила приходилась, кстати, сестрой Даниилу Галицкому, по ходатайству которого она вскоре была освобождена.

В Венгерской земле Михаил сватает своего сына за дочь короля. Не правда ли, странно. Изгнанник из собственных земель вдруг стремится породниться с одним из самых влиятельных правителей Центральной Европы. Бэла IV отвечает решительным отказом и изгоняет их из страны. Михаил с Ростиславом нашли приют в Польше у своего родственника Конрада Мазовецкого.

После бегства из Киева князя Михаила город на короткое время захватил Ростислав Мстиславич Смоленский. Узнав об этом, Даниил Романович посылает свои дружины на Киев, разбивает смолян, а самого князя берет в плен. Оставаться в городе Даниил, чувствуя приближающуюся татарскую опасность, не стал, а определил вместо себя посадника Дмитрия, который потом и руководил обороной города от войск Бату. Сам Даниил, так же заблаговременно убежал под защиту того же венгерского короля Бэлы IV. Возможно, он рассчитывал на военный союз против монголов, но быстрота Батыева нашествия помешали созданию этого альянса. Даниил, как и Михаил,

скрывается в Мазовии у сына князя Конрада Болеслава, переживая вторжение Бату в Центральную Европу.

Как только Даниил и Михаил узнали о том, что Бату покинул Южную Русь и вторгся в Центральную Европу, они поспешили в родные земли. Владимиро-Волынская земля была сильно разорена. В город Берестье князь не смог въехать из-за смрада человеческих тел, не погребенных даже в 1242 г. Везде царил произвол и безвластие. Согласно Ипатьевской летописи, власть в Галиче захватил Доброслав Судеич, «попов внук», а Перемышль – некий боярин Григорий Васильевич «и бысть мятежь великъ в земле и грабежь от нихъ» [ПСРЛ, т. 2, с. 789]. С большим трудом Даниилу Романовичу удалось установить собственную власть над этой территорией. В это время Михаил занял обезлюдевший Киев, что в полном соответствии с договором, заключенным еще в 1240 г. между ним и Даниилом [ПСРЛ, т. 2, с. 783]. По этому договору Михаил отказывался от своих претензий на Галич, получая Киев. Но ситуация за эти несколько лет резко изменилась. Свои претензии на галицкий престол предъявил сын Михаила Ростислав. Собрав войско, он попытался захватить Галич, но был разбит Даниилом Романовичем. Ростислав снова бежал в Венгрию, где вскоре все-таки женился на дочери короля Бэлы IV. Гнавшееся за ним войско Даниила встретило известие о возвращении Бату из Западного похода. Об этом ему сообщил некий осведомитель из Половецкой степи по имени Актай: «Батыи воротилъся есте изо Угоръ, и отрядил есте на тя два богатыря възыскати тебе, Манъмана и Балая» [ПСРЛ, т. 2, с. 795]. Даниил вынужден был оставить свою резиденцию в городе Холме и срочно бежать на Волынь к брату Васильку. Карательные отряды Маномана и Балая вторгаются в волынские земли, подвергают полному разорению их, вплоть до Володавы в среднем течении реки Буга [Пашуто, 1977, с. 222]. Очевидно, этот поход должен был заставить Даниила присягнуть на верность Бату-хану, как и владимирский князь Ярослав, получить от него ярлык на княжение. Но Даниил Романович уклонился от поездки в Орду.

Как только Михаил узнал о женитьбе своего сына, он сразу же поспешил в Венгрию, надеясь получить военную помощь для

захвата более перспективного княжества, чем разоренный Киев. Но ни Бэла IV, ни его зять Ростислав не горели желанием помогать Михаилу. «Разгневався на сына», князь вынужден был возвратиться на Русь, где в это время Киев занял Ярослав Всеволодович, посадив там своего наместника боярина Дмитро Ейковича. Так Михаил оказался князем-изгоем. Ему ничего не оставалось, как поехать к Бату, вымаливая у него пожалования.

Обстоятельства поездки Михаила к Бату и события, разыгравшиеся в Орде, анализировать очень сложно. Дело в том, что информацию, помещенную в летописях, затмевает собой удивительное произведение средневековой агиографии «Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора» (далее – «Сказание») [БЛДР, с. 156–163]. Инициатором написания «Сказания» была дочь Михаила Марья, вдова убитого на реке Сити в 1238 г. ростовского князя Василька. Она же установила церковное почитание Михаила и Фёдора и построила в их честь храм [Памятники литературы, с. 479]. Позднее, уже во времена Ивана Грозного, Михаил и Фёдор были канонизированы как христианские мученики, пострадавшие за православную веру [Голубинский, 1998, с. 62].

Многому в «Сказании» с позиции христианской веры и морали хочется верить, но с точки зрения исторической логики ряд фактов не поддается объяснению. Чего только стоит объяснение причин поездки Михаила в Орду: «Бог, видя, как многие обольщаются славою мира сего, послал на него благодать и дар Святого Духа, и вложил ему в сердце мысль ехать к царю и *обличить лживость его, возвращающую христиан*» (курсив мой. – В. Е.) [БЛДР, с. 157]. Михаил отказывается от монгольского обряда очищения огнем и поклонения идолам и принимает мученическую смерть. «Я того и хочу, чтобы мне за Христа моего пострадать и за православную веру пролить кровь свою», – якобы восклицает он перед смертью [там же, с. 161]. Конечно, показательной демонстрацией отдает это произведение. Цели поездки князя Михаила в Орду сугубо земные – получить разрешение на владение какой-либо землей. Но это не входило в планы его конкурентов, прежде всего усилившего свое влияние владимирского князя Ярослава Всеволодовича. В Михаиле он видит врага, конку-

рента, и, очевидно, не без его участия в Орде совершается убийство. Интересно отметить, что Михаил был убит русским по имени Доман, родом из Путивля. Дочерняя любовь не могла изложить смерть Михаила в Орде в том свете, как было на самом деле. Так родилось поэтическое сказание о мученической смерти за православную веру. Так Михаил Черниговский, всю свою жизнь проведенный в междоусобных войнах, в разорениях русских городов и сел, повинный в гибели мирного населения, вдруг превратился в православного святого, защитника Отечества. Чего только в истории не бывает!

Икона Михаила Черниговского

Тем временем сын Михаила Ростислав во главе огромной армии, состоявшей из русско-польско-венгерских отрядов, вновь вторгся в Галичские земли. 17 августа 1245 г. состоялась знаменитая битва под городом Ярославом, так ярко описанная в Ипатьевской летописи [ПСРЛ, т. 2, с. 802–805]. Даниил и Василек Романовичи вместе со своими союзниками нанесли сокрушительное поражение войскам Ростислава. Это был триумф Романовичей! Ростислав бежал в Венгрию и больше не посягал на Галицко-Волынскую землю. Но в тот момент, когда казалось, что родовые земли окончательно отвоеваны и закреплены за Романовичами, последовал удар от Бату. Он посылает к Даниилу послов от Мауци с требованием: «Дай Галич!» В этом возгласе читается решительное требование возвратить управление Галичем ханским наместникам. Это было очень серьезное предупреждение. Сил, способных дать отпор монголам, особенно после тяжелой битвы под Ярославом, у Даниила не было. Оставалось только одно: подчиниться воле Бату и признать свою вассальную зависимость. Даниил решил ехать в ханскую ставку на поклон к Бату.

Ипатьевская летопись необычайно ярко и эмоционально описала его визит к хану. Его провожали всем миром, мало веруя в то, что Бату дарует ему жизнь. Предчувствие трагедии еще более усилилось во время поездки после посещения ставки Куремсы, «оттуда же еха къ Куремесе, и виде яко несть в нихъ добра» (нет у них ничего хорошего. – В. Е.) [ПСРЛ, т. 2, с. 806]. В ноябре 1245 г. Даниил прибыл в ставку Бату, располагавшуюся где-то на Нижней Волге. В Орде к князю часто заходил «человек Ярослава по имени Соногур». Он поучал Даниила, как надо себя вести, особенно обращая внимание на необходимость соблюдения всех языческих обрядов, в частности говоря, что «братъ твой Ярославъ кланялься кусту и тебе кланяться» [там же, с. 807]. Даниил выполнил все требования и достаточно благосклонно был принят Батыем: «Данило, чему еси давно не пришелъ, а ныне оже еси пришелъ, а то добро же, пьеши ли черное молоко, наше питье кобылии, кумузъ» [там же, с. 807]. Угощение кумысом было еще одним из испытаний Даниила, ведь у православных употребление кобыльего молока считалось грехом. «Доселе есмь не пиль, ныне же ты велишь, пью», – последовал краткий ответ Даниила. Угощая

черным молоком», особой разновидностью кумыса, неким элитным напитком, Бату как бы приобщал Даниила к кругу избранных. «Ты уже наш же Тотаринъ, пии наше питье» [там же, с. 807]. Даниил выпил кумыс, тем самым прошел еще один обряд посвящения в представители степной знати. Затем он отправился на прием к ханше Баракчин «и поклонился по обычаю». В знак особого теперья расположения Бату вместо кумыса посылает Даниилу вина.

Даниил Романович
Галицкий

Итак, Даниил Романович становится подданным Бату, признает свою вассальную зависимость. Бату не посылает его, как Ярослава, в Каракорум, очевидно, исходя из складывающейся там ситуации, а может быть, считая, что он теперь вправе сам решать вопросы, связанные с политикой западных регионов своего улуса. Даниил получил «честь» от Бату, официальное признание его прав над Галичской землей. Но как же переживает за него летописец! Очевидно, в своих записях он отразил и все душевные переживания самого Даниила, все страдания от пережитого унижения. «О злее зла честь татарская!» – как необычайно ярко подметил летописец. Но и этого ему мало: «Даниил Романович, великий князь владел вместе со своим братом всею Русской землей: Киевом, Владимиром и Галичем, и другими областями, а ныне стоит на коленях и называет себя холопом» [ПСРЛ, т. 2, с. 807]. «Холопство» князя было, конечно, мощным ударом по самолюбию Даниила. Вместе с этим, он вписался в сложившуюся политическую ситуацию. Да, он «поклонился кусту», не стал русским святым, как Михаил, но князь хотя бы на время обезопасил свои земли от татарских погромов, помог выжить населению. Так кто же больше пользы принес Русской земле: Даниил или Михаил?

Заклучив союз с Бату и став его данником, Даниил с головой бросился в центрально-европейские конфликты. Он человек XIII века, со своей ментальностью, отличной от нашей, он князь-рыцарь своего времени, для которого война есть способ существования. По возвращении из Орды он проводит переоснащение и реформирование своего войска, взяв за основу все лучшее, что есть в монгольской армии. Его «холопство» лишь только усилило его авторитет в

глазах западных правителей, превратив его в одного из вершителей судеб Центральной Европы. Даниил активно вмешивается в княжеские междоусобицы, разгоревшиеся в Польше после смерти в 1247 г. Конрада Мазовецкого [ПСРЛ, т. 2, с. 809–810]. Теперь уже и венгерский король ищет союза со своим восточным соседом. Бэла IV отдает свою дочь за сына Даниила Льва. Другого своего сына, Романа, Даниил женит на Гертруде, племяннице покойного герцога Австрийского, что дает основание в 1248 г. начать активную борьбу за австрийский престол, стремясь утвердить за ним Романа [там же, с. 813–814].

Но и этого Даниилу Романовичу мало. Для него союз с Бату, бесспорно, лишь временное явление. Утвердившись, он пытается создать коалицию, теперь уже против монгольского владычества. С этой целью он ищет и устанавливает контакты с главой католической церкви Папой Римским. Он прекрасно понимает, что только лишь власть папы может сплотить все силы Западной Европы и организовать новый крестовый поход, теперь уже против Бату. Римская церковь была кровно заинтересована в расширении сферы своего влияния на восточные земли, в подчинении себе православной веры. Вот почему папа активно посылает своих агентов в восточные земли, в том числе к Даниилу Романовичу, Александру Ярославичу в Новгород и, наконец, знаменитые посольства Иннокентия IV в Монгольскую империю. Плано Карпини, возвращаясь летом 1247 г. из Каракорума, посетил Даниила и Василька Романовичей, которые «устроили нам большой пир и продержали нас против нашей воли дней с восемь». Братья «единодушно ответили нам, говоря, что желают иметь господина папу своим преимущественным господином и отцом, а святую Римскую церковь владычицей и учительницей, причем подтвердили все то, о чем раньше сообщали по этому поводу через своего аббата, и послали так же с нами касательно этого господина папе свою грамоту и послов» [Карпини, с. 83]. Папа с радостью принял послов Даниила и обещал князю королевский титул и военную помощь против монголов. В 1253 г. в городе Дрогочине Даниил был коронован королем и Галицко-Волынское княжество превратилось в королевство.

Здесь необходимо остановиться еще на одной стороне деятельности Даниила Романовича. В 1240 г. при захвате Киева при загадочных обстоятельствах пропал с поля зрения русских летописей митрополит Иосиф, незадолго до этого назначенный из Греции. По всей видимости, испугавшись татарского нашествия, он заблаговременно, бросив паству, возвратился на родину [Голубинский, 1997, с. 50]. Несколько лет Русская православная церковь жила без власти митрополита. Наконец за дело решительно взялся Даниил Романович. Где-то после возвращения из Орды он назначает русским митрополитом некоего Кирилла. Кто он был такой, мы не знаем. Сообщение Ипатьевской летописи о том, что Кирилл был печатником Даниила, крупнейший знаток истории Русской церкви Е. Голубинский решительно отвергает [там же, с. 53]. Очевидно, Кирилл был игуменом какого-либо монастыря и пользовался покровительством и доверием князя. Даниил отправляет Кирилла в Никею, где в это время находился патриарх православной церкви. Там и произошло посвящение Кирилла в сан Митрополита всея Руси. На Русь Кирилл возвратился где-то в 1249 г., а в это время в сознании Даниила, его покровителя, произошли большие изменения. Он ищет союза с католической церковью, добивается покровительства Папы Римского. Мы с вами понимаем, что это был политический расчет, но какой удар был нанесен по самолюбию назначенного митрополита! Еще толком не успев побыть главой Русской православной церкви, он мог вмиг потерять свой статус, свою церковную власть. И, судя по всему, честолюбивого Кирилла это явно не устраивало. Назревал конфликт между князем и митрополитом. Об этом в летописях ничего не говорится, но ход последующих событий позволяет сделать этот вывод.

В 1250 г. Даниил Галицкий заключает союз, по всей видимости, антиордынский с владимирским князем Андреем Ярославичем. Залогом этого союза явилось то, что Даниил выдает одну из своих дочерей замуж за Андрея. Свадебный кортеж в Северо-Восточную Русь возглавил митрополит Кирилл. «Тое же зимы оужени ся князя Ярославичь Андреи Даниловною Романовича и венча и митрополить в Володимери оу Святою Богородици съ епископом Кириломъ и

много веселыя бысть» [ПСРЛ, т. 1, с. 472]. В следующем, 1251 г., митрополит прибыл в Новгород на постановление Новгородским епископом Далмата и здесь впервые встретился с Александром Ярославичем. Тот уже прославился своей борьбой с католическим миром, отверг, в отличие от Даниила, предложение папских послов о вступлении в лоно католической церкви. Встретились два единомышленника, с этого времени их судьбы оказались связаны. А к Даниилу Галичскому митрополит Кирилл больше не вернулся. Даниилу Ордой была в эти годы предоставлена относительная свобода, так как Бату всецело был занят новым конфликтом, разгоревшимся в Монгольской империи.

После столь неожиданной смерти Гуюка разгорелся еще более сильный кризис власти. Правление перешло в руки вдовы Гуюка Огуль-Гаймиш. И дело собственно не в ней, а в борьбе разных политических группировок, каждая из которых хотела видеть ханом своего ставленника. Чингизиды оказались расколотыми на два лагеря: потомки Джучи и Толюя и потомки Чагатая и Угэдея. И здесь сказал свое веское слово Бату. На правах старшего Чингизида он в 1250 г. около озера Иссыккуль в улусе Чагатая созывает курултай. Надо понимать, что в этом районе у Бату было сосредоточено большое войско, выступившее против Гуюка, и это было мощным предостережением его противникам. Потомки Угэдея и Чагатая попросту не явились на этот курултай, сославшись на его нелегитимность, мол, «коренной – де юрт и столица Чингис-хана – Онон и Келурен, и для нас не обязательно идти в Кипчакскую степь» [Рашид-ад-Дин, 1960, с. 129]. Тогда по приказу Бату собирается второй курултай, на этот раз в центре Монгольской империи – улусе Толюя. Для большей убедительности на этот курултай Бату послал своего сына Сартака и брата Берке с тремя туменами. Съехавшиеся Чингизиды предложили ханский трон самому Бату, но он, по словам Джузджани, от него отказался, сославшись на то, что «мне и брату моему Берка принадлежит уже в этом крае (т. е. Дешт-и-Кипчаке) столько государств и владений, что распоряжаться им (краем) да вместе с тем управлять областями Китая (Чин), Туркестана и Ирана (Аджем) невозможно. Лучше всего вот что: дядя наш Тули, младший сын Чингис-хана,

умер в молодости и не воспользовался царством, так отдадим царство сыну его и посадим на престол царский старшего сына его, Менгу-хана» [Тизенгаузен, 1941, с. 16].

1 июля 1251 г. Мункэ (Менгу) был провозглашен Великим кааном. О том, что фактически главная роль в провозглашении Мункэ принадлежит Бату, говорит и Рашид-ад-Дин: «Он сам возвел Менгу-хана на каанство и заставил всех своих братьев, родственников и эмиров подчиниться и покориться ему. Он послал вместе с ним своего брата Берке и своего сына Сартака, который был наследником престола, с тремя туменами войска, дабы они в местности Онон и Келурен, которая была коренным юртом Чингис-хана, посадили его на престол Каанства и трон миродержавия и исправили и загладили бы козни детей Угэдэй-Каана, замысливших вероломство» [Рашид-ад-Дин, 1960, с. 80–81]. Под кознями детей Угэдея понимается заговор, который попытались осуществить Ширэмун и его союзники.

Ширэмун был сыном Куджу, которого в свое время хотел видеть после себя его дед Угэдей. Но мы помним, что ханом стал Гуюк. И вот сейчас Ширэмун решил воспользоваться ситуацией. Он попытался провести в лагерь Мункэ повозки, груженные оружием, и силой захватить власть. По сообщению Рубрука, на расстоянии одного или двух дневных переходов одна из повозок сломалась, и, пока ее чинили, здесь оказался один из людей Мункэ. Случайно узнав о цели поездки, он поспешил к хану и все ему рассказал. Мункэ окружил лагерь Ширэмуна, произвел аресты и массовые казни [Карпини, с. 132]. Вдовствующая императрица Огуль-Гаймиш, которую многие считали вдохновительницей заговора, также была приговорена к смерти. Ее завернули в войлок и утопили, обвинив в том, что она колдовала против Мункэ с целью убить его. Последовали широко-масштабные аресты и казни сторонников Чагатая и Угэдея. Многие земли их улусов остались без правителей, впрочем, и они в скором времени были перераспределены между Мункэ и Бату. Границы улуса Угэдея резко сузились, улус Чагатая был полностью ликвидиро-

Мункэ
(Мункэ, Менгу) –
четвертый Великий
хан (каан) Мон-
гольской империи

ван, оказавшись во власти Мункэ. Бату отошли земли Семиречья, и граница его улуса пролегла по реке Чу. Под его контролем оказались и земли Мавераннахра.

Наконец-то Бату получил возможность разделаться со своими врагами. Бури, внук Чагатая, тот, что нанес оскорбления Бату во время торжественного пира после захвата северо-восточных русских княжеств, был схвачен и отвезен к Бату, который «после подтверждения его вины предал его смерти» [Рашид-ад-Дин, 1960, с. 137]. Также был схвачен и другой обидчик, участвовавший на том пиру и оскорбивший Бату, – Аргасун. Его казнили вбиванием в рот камней [Рашид-ад-Дин, 1960, с. 137]. Бату торжествовал. Ему не только удалось возвести на трон Великого каана своего ставленника, справиться со своими врагами, но и укрепить власть в собственном улусе, очевидно, добившись от Мункэ полной автономии. Это был пик его величия. Недаром на встрече с Рубруком Мункэ произнес: «Как солнце распространяет повсюду лучи свои, так повсюду распространяется владычество мое и Бату» [Карпини, с. 138].

Все это время Бату мало обращал внимание на то, что творится у него на Руси. Кроме того, управление делами русских княжеств в свое время было поручено сыну Бату Сартаку, а он тем более был активно задействован в решение общемонгольских проблем. Судя по сообщению Рубрука, Сартак был, вероятно, христианином, очевидно, несторианской конфессии [Карпини, с. 113]. В этом нет ничего удивительного. Монголы были достаточно веротерпимы. Бату, оставаясь язычником, не препятствовал, а порой и поощрял распространение других религий. Так, его брат Берке был мусульманином, а Сартак приобщился к христианству. Возвратясь после избрания Мункэ в родные земли, Бату и Сартак принялись наводить в них порядок.

О времени правления во Владимире князя Андрея Ярославича нам практически ничего неизвестно. Как уже говорилось, тогда правителям Дешт-и-Кыпчак было не до Руси. В летописях нет сообщений о поездках Андрея в Орду, о выплате им дани (и платил ли он вообще). Женитьба его на дочери Дани-ила позволяет предположить начало формирования антиордынского альянса.

В 1252 г. «иде Олександръ князь Новгородъский Ярославич в Татары и отпустиша и с честью великою давшие ему старейшинство во всеи братья его» [ПСРЛ, т. 1, с. 473]. Лаврентьевская летопись не объясняет ни причин поездки Александра в Орду, ни обоснования назначения его Великим князем Владимирским. Более полное объяснение мы встречаем лишь у В. Н. Татищева: «Иде князь великий Александр Ярославич во Орду к хану Сартаку, Батыеву сыну, и прият его хан с честью. *И жаловася Александр на брата своего великого князя Андрея, яко сольстив хана, взя великое княжение под ним, яко старейшим, и грады отческие ему поимал, и выходы и тамги хану платит не сполна* (курсив мой. – В. Е.)» [Татищев, 1965, с. 40]. Другими словами, Александр жалуется на своего брата, обвиняя его в обманах хана, невыплате им дани. Это был серьезный, продуманный шаг в борьбе с собственным братом за владимирский престол. Сартак был в гневе. Здесь же принимается решение о наделении Александра ярлыком на Великое княжение Владимирское, а на Русь срочно отправляется монгольский отряд под руководством воеводы Неврюя. «Неврюеву рать» будет помнить еще не одно поколение россиян! «И погнаша Татарове в следъ его и постигоша и оу города Переяславля. Бог же сохрани и молитва его отца. Татарове же росунушася по земли и княгиню Ярославлю яша и дети изъимаша и воеводу Жидослава ту оубиша и княгиню оубиша и дети Ярославли в полонъ послаша и люди бещисла поведоша до конь и скота и мною зла створише отидоша», – так лаконично сообщает об этом зле Лаврентьевская летопись [ПСРЛ, т. 1, с. 473]. Более пространное описание встречаем мы в Никоновской летописи (см. [ПСРЛ, т. 10, с. 116–117]).

Собрав свое войско, Андрей вышел навстречу ордынцам, «и бысть битва велия и одолеше татарове». Последовал разгром войска Андрея, сам он бежит в город Переяславль, где его чуть не захватили татары. Вынужденный все бросить, Андрей бежит сначала в Новгород: «новгородцы же его не прияша», затем в Псков, а затем «самъ ступи за море во Свейскую землю». Неврюй подверг страшному разгрому Переяславль (кстати, родовое гнездо Ярославичей) и его окрестность. Многие исследователи сравнивают «Неврюеву рать»

с Батыевым нашествием. Можно сказать, на ордынских штыках (вернее саблях) во Владимир въезжает новый Великий князь Владимирский Александр Ярославич. Согласно летописям, жители Владимира во главе с митрополитом Кириллом радостно встречают его у входа в город, «и бысть радость велика в граде Володимери и во всеи земли Суждальской» [ПСРЛ, т. 1, с. 473]. Как же лакирует летопись порой события! В чем радость? От того великого разорения, что постигло Северо-Восточную Русь? И как же на самом деле должны были воспринимать владимирцы вос княжение Александра? На эти вопросы еще предстоит ответить.

Изменяется ситуация и в юго-западных землях. Все это время (1245–1252 гг.) Даниил был вне поля зрения ордынской политики. Очевидно, он исправно выполнял условия договора с Бату, выплачивал ему дань. Но до хана стали доходить известия о попытках Даниила сколотить антиордынский блок, о его союзе с католической церковью. И он посылает своего наместника Куремсу в 1252 г. на Галицко-Волынское княжество. Набеги Куремсы не дали ожидаемого результата. Даниил легко отбил его набег, и их действия переросли в вялотекущее военное противостояние. Внимание Орды было приковано к другим событиям.

В середине XIII в. объектом пристального внимания монгольской политики вновь становится Иран. Завоевательные походы в Персию и Закавказье начались еще при Чингис-хане. Первая битва между монгольскими войсками и грузино-армянской армией произошла в долине Хунан в 1220 г. [Галстян, с. 167]. Как мы помним, Чингис-хан в погоню за хорезмшахом Мухаммадом отправил 30-тысячное войско под командованием Джэбэ-нойона и Субэдэй-багатура. В 1220–1222 гг. монголы разорили Северный Иран, Азербайджан, Восточную Грузию [Петрушевский, с. 229] и через Дербент вышли в северо-кавказские степи. После нескольких лет скитаний в Индии Джалал-ад-Дин собрал большое войско и в 1225 г. вторгся в Иран. Он захватил Тебриз, ряд областей Азербайджана, столицу Армении – Двин [Галстян, с. 168].

На курултае 1229 г. было решено начать наступление на Кавказ и Иран. Для этой цели было послано три монгольских

тумена под командованием Чормаган-нойона и в течение шести лет был практически покорен весь Кавказ. Джилал-ад-Дин вместо того, чтобы организовать отпор монголам, занялся междоусобными войнами с армянскими и грузинскими князьями. В результате он потерял всех своих союзников, потерпел поражение в последней битве с монголами, бежал и погиб в горах Курдистана (17 августа 1231 г.). Киракос Гандзакеци подробно описывает гибель Джалал-ад-Дина: «Татары, которые уж раз изгнали его с родины, снова враждебно попали на него и гнали его безостановочно до самого города Амида, где нанесли ему страшное поражение, причем этот жестокий султан потерял жизнь. Другие говорят, что после поражения во время бегства он был узнан и убит одним человеком из мести за смерть убитого когда-то султаном родственника своего, так погиб этот злодей» (цит. по: [Галстян, с. 169]). Г. В. Вернадский приводит известие одного восточного писателя, что Джалал-ад-Дин был убит в горах Курдистана разбойниками, которые даже не знали, кем он был: «...это выглядит как предопределение судьбы, что этот храбрый лев должен был быть убит лисами» [Вернадский, с. 55].

После покорения Кавказа монгольские войска приступили к завоеванию Малой Азии. Чормаган-нойон в одной из битв потерял слух, и его заменил известный монгольский полководец Бачу [Галстян, с. 172]. К 30-м годам XIII в. большая часть Ирана и Закавказья были завоеваны. Непокоренным оставались владения исмаилитов в горах Альбурса и в Кухистане, а также владения багдадских халифов в Иране.

Решение об окончательном завоевании Ирана и сопредельных территорий было принято на курултае 1251 г., избравшим Великим кааном Мункэ. По сообщению Рашид-ад-Дина, Мункэ назначил своего третьего брата Хулагу главнокомандующим похода и «определил выделить из войск каждого царевича по два человека с десятка» [Рашид-ад-Дин, 1960, с. 81]. Достоверно неизвестна общая численность войск, отправленных для завоевания Передней Азии, но все источники определяют его многочисленность и тщательность подготовки похода. Очевидно, по своим размерам он даже превосходил

Западный поход, и это было последнее общемонгольское военное мероприятие.

По приказу Великого каана в распоряжении Хулагу оказались войска практически всех Чингизидов. Не мог остаться в стороне от этого мероприятия и Бату. По его распоряжению «Орда отправил через Хорезм и Дехистан своего старшего сына Кули с одним туманом войска, а Бату послал через Дербент кипчакский Балакана, сына Шейбана и Тутара, сына Мингадара, сына Бувала, седьмого сына Джучихана, чтобы они, прибыв, стали подкреплением войску Хулагу-хану, служили ему» [Рашид-ад-Дин, 1960, с. 81]. Подготовка похода заняла много времени, все свидетельствовало о тщательности проработки всех деталей предстоящего мероприятия. Из Китая были вызваны специалисты по осадным машинам, по пути из Джунгарии до Амударьи были согнаны все кочевники с их стадами, на помощь были призваны армии вассальных княжеств Армении и Грузии, откликнулись два сельджукских султана Рума и правители Герата, Фарса, Хорасана.

Бату-хан активно включился в проведении этой военной операции. Послав свои войска для осуществления действий Хулаги, он

Первый ильхан государства Хулагуидов. Персидская миниатюра

при этом преследовал и собственные интересы. Объектом его пристального внимания были земли Азербайджана. Эта благодатная территория неоднократно подвергалась монгольским завоевательным походам. Более того, Бату считал ее покоренной и принадлежащей ему. Из «Истории Вассафа» мы узнаем, что войска Бату «делали набеги до Аррана и говорили, что Арран и Азербайджан так же входят в состав владений и становищ их (Джучидов)» [Тизенгаузен, 1941, с. 813]. К тому же в 1254 г. хан Бату провел здесь перепись населения для сбора налогов [Али-Заде, с. 118–119]. Через эту территорию, через дербентский проход «Железные ворота», проходил знаменитый торговый путь, соединяющий Золотую Орду со странами Среднего Востока. Из «Истории Вассафа» мы видим, что здесь поселилось много золотоордынских купцов, «занимавшихся в Тебризе торговлею и коммерческими сделками и владевших бесчисленным и несметным имуществом» [Тизенгаузен, 1941, с. 81]. Не лишне напомнить, что, согласно монгольским обычаям, каждый из Чингизидов имел законное право на получение части добычи и затем сбора налогов с завоеванного населения. У Ибн-Васыля есть сообщения, что «когда татары впервые появились с Востока, то Чингисхан предписал им, чтобы с каждой области, которая будет завоевана, треть доходов доставалась дому Берке, треть дому Чингис-хана, а треть ему (Чингизу) и войску его. Когда Чингиз-хан умер, то никто из татар не отступился от решения его» [Тизенгаузен, 1884, с. 73]. Хулагу обязан был делить «все добытое... на 5 частей: две части великому каану, две части войску, а одна часть дому Батыеву» [Тизенгаузен, 1884, с. 88]. Становится понятным, что участием в походе Хулагу Бату преследовал цель не только выполнения решения курултая и приказа Мункэ-хана, а в первую очередь отстаивание собственных интересов. Но его планам не суждено было осуществиться. В возрасте 48 лет он умирает.

Дата смерти Бату-хана точно так и не установлена. Большинство историков склоняются к мысли, что это произошло либо в конце 1255 г., либо в начале 1256 г. Очевидно, в последние годы жизни он очень сильно болел и, видно, чувствуя приближение жизненного конца, решил побеспокоиться о своем преемнике. Таковым он

видел не своих братьев, а старшего сына Сартака. С этой целью Бату отправляет посольство во главе с претендентом в Монголию к Великому каану Мункэ. По сообщению Джузджани, «Сартак (этот) из страны Кипчакской и Саксинской отправился ко двору Менгу-хана, чтобы по милости Менгу-хана сесть на место отца (своего) Бату» [Тизенгаузен, 1941, с. 18–19]. Очевидно, известие о смерти отца встретило Сартака уже по дороге в Монголию, поэтому он вряд ли присутствовал при похоронах Бату. «Похоронили его по обряду монгольскому. У этого народа принято, что если кто из них умирает, то под землей устраивают место вроде дома или ниши, согласно сану того проклятого, который отправился в преисподнюю. Место это украшают ложем, ковром, сосудами и множеством вещей; там же хоронят его с оружием его и со всем его имуществом. Хоронят с ним в этом месте и некоторых жен его и слуг его, да (того) человека, которого он любил более всех. Затем ночью закрывают это место и до тех пор гоняют лошадей над поверхностью могилы, пока не останется ни малейшего признака того места (погребения)», – так описал Джуздажани обряд захоронения Бату-хана [там же, с. 16]. По мнению ряда исследователей, место захоронения Бату находится где-то при впадении реки Ахтуба в Волгу.

Глава III. Правление Сартака и Улагчи

По-видимому, сразу же после смерти Бату в поволжских степях возник заговор. Инициатором его был Берке, брат Бату и дядя Сартака. Мы не знаем всех обстоятельств этого события, можно лишь предполагать, что Берке поддержало его войско и та часть общества, что уже исповедывала либо тяготела к мусульманству. Мы помним, что Берке и Сартак практически возвели Мункэ на великокаанский престол, и этим он должен был им быть обязан. В то же время Берке решительно выступил против планов Мункэ о завоеваниях мусульманского Ирана, открыто заявив Бату: «Мы возвели Менгу-хана, и чем он воздаст нам за это? Тем, что оплачивает нам злом против наших друзей, нарушает наши договоры, презирует нашего клиента и домогается владений халифа, то есть моего союзника, между которым и мною происходит переписка и существуют узы дружбы. В этом есть нечто гадкое». Он представил поступок Хулагу брату своему Бату в таком гадком виде, что «Бату послал к Хулагу (сказать), чтобы он не двигался со своего места. Прибыло к нему послание от Бату, когда тот (Хулагу) находился за р. Джейхуном. Он не переправился через нее и с бывшими при нем простоял на своем месте целых два года, пока умер Бату» [Тизенгаузен, 1884, с. 246]. Этому сообщению ал-Омари стоит доверять. Решение о Переднеазиатском походе было принято на курултае 1251 г., в 1253 г. войска Хулагу выступили из Монголии и только осенью 1256 г. начали военные действия против Ирана. Причем бóльшую часть времени армия Хулагу провела к востоку от Амударьи. Здесь стоит объяснить, что земли, расположенные к западу от Амударьи, принадлежали Бату. Очевидно, Хулагу ждал распоряжения Бату о возможности пройти по его землям [Трепавлов, с. 81]. А Бату, не желая конфликта со своим братом, медлил. Хулагу лишь только в январе 1256 г. перешел Амударью и вступил в Хоросан [Петрушевский, с. 232], т. е. уже после смерти Бату.

Мункэ тяготило покровительство Бату, но решительно выступить против старейшего в роде Чингизидов он не решался. Смерть Бату развязала ему руки. Из двух претендентов он отдает предпочтение Сартаку. Для Мункэ Берке представлялся более грозным противником, уже открыто заявившим о несогласиях с решениями Великого каана. Берке был опытным военачальником, обладал

своей армией и более был склонен к сепаратизму (что мы и увидим позднее). Сартак был более податливым. Он уже находился в ставке Великого каана. Очевидно, между Мункэ и Сартаком была достигнута договоренность о полном подчинении Улуса Джучи власти Каракорума. В пользу этого довода говорит тот факт, что в 1253 г. Мункэ начал осуществлять перепись во всей Монгольской империи, при Сартаке переписчики появились и на Руси. Именно Сартак дал разрешение на начало военных действий против Ирана, и войска, собранные еще Бату, влились в общую армию Хулагу. Другими словами, Сартак готов был подчиниться Великому каану, за что и был назначен правителем Дешт-и-Кыпчак. Наши предположения подтверждаются и сообщениями средневековых авторов, и логикой хода развития последующих событий. Так, у Киракоса Гандзакци, армянского историка XIII в., мы находим сообщение о теплом приеме, устроенном Мункэ Сартаку: «...с особым отличием он утвердил за ним власть отца его, как над войсками, так и над странами ему покорными и дав ему право называться вторым в царстве и издавать грамоты как властелину, воротил его на родину» [Патканов, с. 86–87].

Очевидно, по дороге домой до Сартака дошло известие о вспыхнувшем заговоре. Часть монгольской аристократии, нарушив завещание Бату, решила сделать ставку на Берке и хотела провозгласить его ханом. У Джузджани мы читаем: «Приближаясь к своему дяде Берка-хану (к его улусу. – В. Е.), он (Сартак) отказался (от посещения его), свернул с дороги и не пошел к своему дяде. Тогда Беркахан отправил людей к Сартаку (сказать ему): "Я заступаю тебе место отца; зачем же ты приходишь, точно чужой и ко мне не заходишь?" Когда посланные доставили Сартаку весть Берка-хана, то проклятый Сартак ответил: "Ты мусульманин, я же держусь веры христианской; видеть лицо мусульманское (для меня) несчастье"» [Тизенгаузен, 1941, с. 19]. Конечно, не религиозный аспект сыграл здесь определяющую роль. Военные походы, участие в курултае 1251 г. да и многое другое, что было в их совместных действиях, – всему этому не мешала их разная религиозная ориентация. Значит, здесь дело совершенно в другом. Узнав о планах заговорщиков, Сартак решил перестраховаться и бороться за власть. Опираясь он мог на старую

монгольскую аристократию, представителей христианского мира, к которым он себя причислял, и, конечно же, на решение Мункэ, назначившего его правителем Улуса Джучи. Это был самый веский аргумент, и Берке не решился на открытое противостояние, иначе бы о военных конфликтах сообщили восточные источники.

Возвратившись в Орду, Сартак вызывает к себе князей Северо-Восточной Руси, чтобы сообщить о своем назначении. Они должны

Боракчин-хатун
и Улагчи

были подтвердить преданность новому правителю, получить разрешение на свое княжение, а главное, способствовать проведению переписи на Руси, организованной администрацией Каракорума. Но провести съезд князей Сартаку не удалось. При невыясненных обстоятельствах он умирает, и русские летописи отмечают, что князья явились уже к другому хану «Улавчию» – Улагчи. Обстоятельств смерти Сартака источники не указывают. Есть лишь только одно сообщение у Джузджани, что после того, как Сартак отказался посетить Берке, тот «вошел один в шатер, обмотал шею свою веревкой, прикрепил цепь к шатру и, стоя, с величайшею покорностью и полнейшим смирением плакал и вздыхал, говоря: "Господи, если вера Мухаммедова и закон мусульманский истинны, то докажи свою правоту относительно Сартака". Три ночи и три дня он таким образом рыдал и стонал, совершая обычные обряды, пока (наконец) на четвертый день проклятый Сартак прибыл в это место и умер. Всевышний наслал на него болезнь желудка, и он (Сартак) отправился в преисподнюю» [Тизенгаузен, 1941, с. 19]. Мы, конечно, обращаем внимание не на религиозную основу смерти Сартака, а на то, что она последовала сразу же после его возвращения в Ставку. Молодой мужчина, в возрасте около 30 лет (доподлинно год рождения Сартака неизвестен), без видимых признаков болезни вдруг внезапно умирает. Скорее всего, он был отравлен по приказу Берке. Но и после этого Берке не удалось утвердиться на престоле.

Власть в Орде захватила старшая жена Бату Боракчин-хатун, женщина очень решительная и властная. В этом нет ничего удивительного. Уже отмечалось, что в Монгольской империи, следуя заветам «Великой Яссы», женщины, особенно правительницы, всегда занимали достойное место в обществе, чему очень удивлялись мусульманские авторы. Ибн-Баттута, посетивший в 30-е годы XIV в. Дешт-и-Кыпчак, писал: «В этом крае я увидел чудеса по части великого почета, в каком тут находятся женщины. Они даже пользуются большим уважением, чем мужчины» [Тизенгаузен, 1884, с. 288]. Мы видим, как уже дважды в период междуцарствия Монгольской империи власть оказывалась в руках женщин, старших жен умерших правителей. Сначала в течение

4 лет правила вдова Угэдея Туракина-хатун, затем вдова Гуюка Огуль-Гаймиш. То же произошло и в Улусе Джучи. Баракчин-хатун была матерью Сартака и бабушкой Улагчи. Кроме этого, вскоре после смерти Бату она вышла замуж за среднего сына Бату Тукана, с которым она не была в родственных отношениях, и родила от него сына, будущего ордынского правителя Туда-Менгу [Тизенгаузен, 1884, с. 150, 151, 506, 508]. И это вполне соответствовало монгольским обычаям. Плано Карпини пишет, что «они (монголы. – В. Е.) могут сочетаться браком со всеми вообще родственницами, за исключением матери, дочери или сестры от той же матери. На сестрах же только по отцу, а так же на женах отца после его смерти они могут жениться. А на жене брата другой брат, младший после смерти первого или иной младший из родства даже обязан жениться» [Карпини, с. 33].

Очевидно, опасаясь Берке, Великий каан Мункэ, узнав о смерти Сартака, назначает регентшей Баракчин-хатун. Из «Истории завоевателя мира» Джувейни мы узнаем, что «Менгу-Каан отправил (в Орду) эмиров, обласкал жен, сыновей и братьев его (Бату) и приказал, чтобы Боракчин-Хатун, старшая из жен Бату, отдавала приказы и воспитывала сына Сартака Улагчи, до тех пор, пока он не вырастет и заступит место отца» [Тизенгаузен, 1941, с. 22]. Другими словами, Мункэ преемником Сартака назначает малолетнего сына Улагчи, а на период его взросления власть в Дешт-и-Кыпчак вручает Боракчин-хатун. И опять со стороны Берке не последовало никаких сепаратистских действий. Видно, власть Великого каана была чрезвычайно сильной, и открыто выступить против нее Берке не решился.

Русские князья, которых вызвал в Сарай еще Сартак, стали прибывать уже при новом правителе. Первым в начале 1257 г. прибыл ростовский князь Борис Василькович: «...бывъ у Улавчия и дары отдав, и честь многу приемъ и возвратися съ мноюю честию въ свою отчину» [ПСРЛ, т. 10, с. 141]. Александр Ярославич, занятый в это время походом на Емь, послал в Орду свое посольство. У В. Н. Татищева есть сообщение, что помимо всего прочего Александр просил помиловать своего брата Андрея, возвратившегося из ссылки «из Немец»: «Князь Борис Василькович ростовский

был у Улавчия и дары отдал и честь многу прием, и Андрею прощения испроси...» [Татищев, 1965, с. 42]. А на следующий год идет в Орду уже сам Александр Ярославич с Борисом Васильковичем и прощенным Андреем Ярославичем: «...чествовавшие у Улавчия, и возвратишася со многими честьми во своя их отчины» [ПСРЛ, т. 10, с. 141]. Дары Хану дарами, но самое главное, Александр Ярославич и его сподручные князья признавали смену правителей в Орде, подтвердили свою покорность Улагчи (Улавчию) и рьяно взялись за проведение монгольской переписи населения на Руси, на которой настаивал Мункэ. Это входило в концепцию всеобщей переписи населения Монгольской империи, принятой на курултае в 1253 г. В 1257 г. на Русь были посланы монгольские переписчики Бицик-Беркай и Китат (Касачик) с отрядами, действуя по воле Великого каана, тем самым подчеркивая, что и Русь является такой же провинцией Монгольской империи, как и все остальные. «Тое же зимы приехаша численици (переписчики. – В. Е.) исцетоша всю землю Сужальскую и Рязаньскую и Мюромьскую и ставиша десятиники и сотники и тысящники и темники и идоша в Ворду, толико не чтоша игуменовъ, черньцовъ, поповъ крилошанъ, кто зреть на святую Богородицу и на владыку» [ПСРЛ, т. 1, стб. 475].

Великий князь Владимирский Александр Ярославич достойно выполнил поручение Великого каана. В летописях нет никаких сообщений о каком-либо сопротивлении. Переписчики провели учет всего населения, разбив его на группы в десять, сто, тысячу, десять тысяч человек, установили нормы дани, собираемой с каждой группы, назначали ответственных за ее сбор.

Если перепись в Суздальской земле, благодаря участию великокняжеской администрации, прошла спокойно, то в Новгороде все происходило значительно драматичнее: «Прииде вестъ изъ Русе зла, яко хотят татары тамгы и десятины на Новгороде; и смутишася людие чресъ все лето» [НПЛ, с. 309]. Новгородцев можно было понять. Новгород и Новгородская земля не были завоеваны монголами, а установление выплаты дани (десятины) и таможенного налога (тамги) означало такое же признание власти Орды, как и в «Низовских землях».

В городе вспыхнул мятеж. Ставленника великокняжеской администрации посадника Михалку новгородцы убивают, очевидно, в отместку за смерть предшествующего посадника Анания. Город оказался расколот на две группировки: одни – «вятские» – хотели подчиниться ордынской воли, другие – «меньшие» – выступили против переписи. Очевидно, последних поддерживал и сын Александра Василий, не желавший смириться с подчинением Новгорода. «Тои же зиме приехаша послы татарьския съ Александромъ, а Василии побежи въ Плесковъ; и почаша просити послы десятины и тамгы, и не яшася на то новгородци, и даша дары цесареви, и отпустиша я с миром, а князь Александръ выгна сына своего изъ Плескова и посла в Низъ, а Александра и дружину его казни: овому же носа урезаша, а иному очи выняша, кто Василья на зло повель» [НПЛ, с. 309]. У В. Н. Татищева эти драматические события трактуются немного иначе. Ордынские численники прибыли сначала во Владимир, князь Александр послал с ними своих людей. Очевидно, он посчитал, что и эта перепись пройдет спокойно, как и предшествующая. Но он просчитался. «Князь Василий Александрович послушав злых советник Новгородцев и бесчестоваша численники. Они же с гневом великим, пришед к великому князю Александру, сказаша и хотяху ити во Орду» [Татищев, 1965, с. 42].

Александр был испуган и раздражен одновременно. Вместе с князьями, побывавшими в Орде, и ордынскими численниками он едет в Новгород. «Слышавше же новгородцы о сем и смутишася зело». Князь Василий бежит в Псков. «А татарове начаша просити дани, и не яшася (не согласились) по том новгородцы; и даша многи дары Ханови и послом его, а их отпустиша с миром» [Татищев, 1965, с. 43]. Возможности применить военную силу и тем самым укротить непокорных новгородцев на тот момент у Александра не было. Он вынужден был с монгольскими послами удалиться, а всю злость испустил на дружину Василия, «а дружину его казни, овому нос и уши обреза, другим же очи выима и руце отсече» [Татищев, 1965, с. 43].

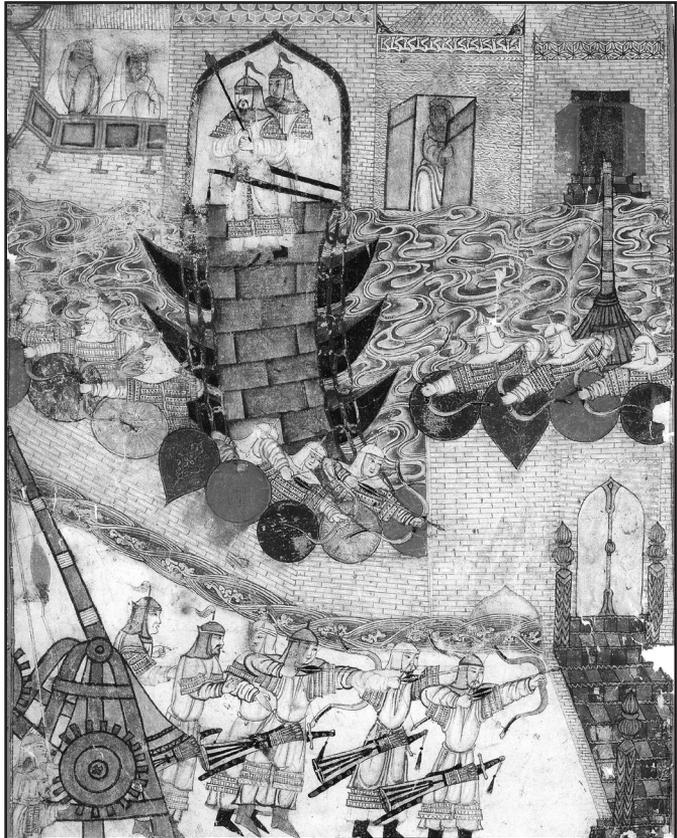
Очевидно, уже после этих событий Александр Ярославич едет в Орду, где получает жесткое предупреждение. И уже в следующем, 1259 г., князь предпринимает решительные дей-

ствия. Он собирает владимирские, ростовские, суздальские полки, «Низовские», и с этим войском идет к Новгороду. В город был послан посол с предупреждением: «...аще не имется по число, то уже полкы на Низовьской земли» [НПЛ, с. 310]. Новгородцы вынуждены были согласиться на перепись. В город въехали ханские послы Беркай и Касачик «и иных много». Теперь они уже почувствовали себя хозяевами, «много зла учиниша, беруще туску (налог) оканнымъ татаром» [там же, с. 310]. В ответ на их действия в городе вновь вспыхивает «мятежь великъ». Испуганные действием новгородцев, послы попросили у князя защиты: «...даи намъ сторожь, дажь насъ не избють». Александр приказал усилить охрану, а утром ввел свои войска в город. «И почаша ездити оканнии по улицам, пишуще дома крестияньския... и отъихаша оканнии вземше число, а князь Александръ после поиха, а сына своего Дмитриа посадив на столе» [там же, с. 311]. Не монгольское завоевание, а князь Александр Ярославич поставил Великий Новгород на колени, заставил подчиниться великоханской власти. И в Каракоруме, и в Сарае могли торжествовать: князь Александр верно отработывал ярлык на княжение владимирское. А что до страданий народа – так кто же об этом думает.

По результатам переписи русских земель хотелось бы подчеркнуть еще одну очень важную деталь. Ханская власть освобождала от переписи и обложения налогом русское духовенство, «кто зреть на Св. Богородицю и на владыку». Это был необычайно сильный шаг. И дело не только в веротерпимости монголов; этим действием они нашли еще одного, помимо великокняжеской власти, верного союзника – церковь во главе с митрополитом Кириллом. Теперь и светская, и духовная власти, каждая по-своему, поддерживали монгольское господство. Собственно, с этого времени можно говорить о «монголо-татарском иге». И установили его не столько монгольские войска, сколько собственные правители.

В то время, когда «численники» переписывали Русь, монгольские войска наконец-то начали активные действия в Передней Азии. В распоряжении Хулагу оказались не только войска Чингизидов, посланные по приказу Мункэ, но и армии вассальных государств

Армении, Грузии, других народов. Очевидно, уже по приказу Сартака, к Хулагу присоединились и войска Джучидов. Следуя монгольским правилам «облавной охоты», армия Хулагу наступала широкой дугой с севера и востока. Первыми на себя приняли удар племя ассасинов. В течение 1257 г. монголами были уничтожены сотни городов и крепостей Исмаилитского государства во главе с их столицей – городом Аламут. Духовный и светский правитель этих крайних шиитских «еретиков» Руки-ад-дин Хушшах согласился сотрудничать с монголами, выдать ключи от горных замков и своих сокровищ. Хушшах явился в ставку Хулагу, а затем был отправлен к

Взятие Багдада
армией Хулагу.
Персидская
миниатюра

Великому каану Мункэ в Монголию, где его и убили [Петрушевский, с. 232].

В январе 1258 г. объединенное монгольское войско во главе с Хулагу окружило «столицу полумира». Около месяца продолжалась осада, затем Багдад был взят штурмом и подвергнут страшному разорению. Были уничтожены тысячи людей, разорены многие мусульманские святыни. Последний халиф из династии Аббасидов Мустасим сдался монголам. Он безропотно показал Хулагу, где находится его казнохранилище с несметными богатствами. По приказу хана Мустасима трое суток держали без еды и питья, а затем подвели к груде сокровищ и приказали их есть. Халиф вынужден был это сделать, а в это время Хулагу глумился над ним, ругая за жадность, так как на эти сокровища можно было нанять такую армию, которая могла спасти Багдад. 20 февраля 1258 г. Мустасима вместе со всеми мужчинами из рода Аббасидов казнили. На обломках Багдадского халифата возникло новое государство во главе с монгольской династией – Улус Хулагу.

После завоевания Халифата основные силы монгольской армии были направлены на захват земель Сирии, Палестины. Это вызвало большую обеспокоенность со стороны Мамлюкского государства, Египта, султаном которого был Рукн-ад-Дин Бейбарс I. Это была удивительная личность мусульманского мира. По своему происхождению он был половцем и попал в плен во время завоевания монголами Кыпчакской степи. Затем он был продан в рабство в Египет. Невольник обладал отличными физическими данными, за что попал в дворцовую гвардию мамлюков (так в Египте называли воинов-рабов, прежде всего из тюрков). Бейбарс вскоре стал одним из командиров гвардии. В 1250 г. он сыграл ключевую роль в разгроме крестоносцев, вторгшихся в Египет и захвативших их главный порт Дамиетту. В этой битве Бейбарс захватил в плен французского короля Людовика Святого, организатора «крестового похода». За свое освобождение ему пришлось возратить египтянам Дамиетту и выплатить огромный по тем временам выкуп – 1 миллион золотых динаров (сумма, в два раза превышающая тогдашний годовой доход Франции).

Монгольские войска подступили к границам Египта. В это время к Хулагу подоспело сообщение о том, что в августе 1259 г. умер Великий каан Мункэ. Хулагу выехал на похороны правителя и на курултай, который должен был выбрать нового хана. Монгольскими войсками остался командовать опытный полководец нойон Кетбуга. Историческая битва между мамлюками и монголами состоялась 3 сентября 1260 г. в местечке Айн-Джалут в окрестностях палестинского города Назарет. Монгольская армия потерпела сокрушительное поражение. Кетбут отчаянно сражался, но упал с коня и был взят в плен. Нойону отрубили голову, насадили на копье и пронесли по улицам Каира, а затем вывесили на городских воротах для обозрения. В этой битве особенно отличился Бейбарс. Султан Кутуз обещал ему за подвиги отдать в удел город Алеппо, но не сделал этого. Тогда в среде мамлюков созрел заговор с целью свержения султана. Во время охоты в пустыне Бейбарс попросил Кутыза подарить ему пленную монгольскую девушку. Султан милостиво согласился. Бейбарс в знак благодарности поцеловал ему руку. Это был условный сигнал: заговорщики набросились на Кутуза и убили его. 23 октября 1260 г. Бейбарс захватил трон мамлюкского султана под именем аль Мелик аз-Захир Рукн-ад-Дин Бейбарс ал Бундукдари.

Мы уже отмечали, что в августе 1259 г. во время завоевания китайской провинции Сычуани от дизентерии умер Великий каан Мункэ. Не менее трагические события развиваются в это время и в Поволжских степях. Умирает ставленник Мункэ Улагчи. Мы не знаем его возраста, но, по всей видимости, он был еще совсем мальчиком, не достигшим зрелости. Источники не сообщают о причинах смерти Улагчи, вероятнее всего, это звенья одной цепи, связанной с борьбой за власть. Достоверно неизвестно о времени смерти Улагчи. Русские летописи отмечали, что князья являлись к нему на поклон в 1258–1259 гг. У Джувейни нет указания на год смерти Улагчи. Говоря о его назначении и регентстве Баракчин-хатун, он упоминает: «...но так как судьбе это было неугодно, Улагчи так же умер в том же самом году» [Тизенгаузен, 1941, с. 21]. «Из истории Вассафа», наполненной крайне цветастым стилем, вообще трудно понять, когда это произошло: «Когда он (Сартак. – В. Е.) отошел в подземелье пресечения (жизни),

то солнце ханствования еще не вполне взошло над братом его Улагчи, который, как и он, против (своего), желания, поспешил гонцом смерти по стопам отца» [Тизенгаузен, 1941, с. 86]. Вот и пойми, когда это случилось! По всей видимости, это произошло в 1259 г.

Боракчин-хатун во что бы то ни стало хотела сохранить за собой власть. Она провозглашает ханом внука Бату, своего малолетне-

Берке – хан Улуса
Джучи

го сына от Тукана Туда-Менгу, а сама становится при нем правительницей. По Эннувейри: «Она обладала обширным умом и умением распоряжаться. Но с нею не согласились на это (ее регентство. – В. Е.) ни ханы, сыновья Батухана, дяди сына ее, ни темники. Увидев их сопротивление, она вошла в сношения с Хулаку, сыном Тули, послала к нему стрелу без перьев и кафтан без пояса и отправила к нему (посла) сказать: "Нет более стрел в колчане, и наилучшее осталось без лука, приходи, чтобы принять царство". Потом она отправилась вслед за послом и старалась добраться до Хулаку и привести его в страны Северные. Народ, узнав, что она замышляет, послал вслед за нею, вернул ее, несмотря на сопротивление с ее стороны и убил ее» [Тизенгаузен, 1884, с. 150–151]. В первую очередь возникает вопрос, почему Баракчин-хатун обратилась за помощью не к своему покровителю Мункэ, а к его брату Хулагу. Объяснение только одно: в этот самый момент Мункэ скончался, известие о смерти дошло до Дешт-и-Кыпчак, и Баракчин поняла, что она потеряла верную опору.

Против Баракчин вновь выступил брат Бату Берке. Воспользовавшись смертью Великого каана, он предъявил свои права на престол в Сарае. Ситуация резко менялась. Баракчин могла найти покровительство лишь у Хулагу. Его самого в этот момент в Иране уже не было, он уехал на похороны Мункэ, так что все действия Баракчин оказались напрасными. Ее зверски казнили, и правителем Дешт-и-Кыпчак был провозглашен Берке. Случилось это, очевидно, в конце 1259 г. Воцарение Берке было встречено с великой радостью в мусульманском мире. По словам Джузджани, «по благодати мусульманства перешли во власть его земли кипчакские, саксинские, болгарские, саклабские и русские до Северо-восточных пределов Румы, Дженда и Хорезма» [Тизенгаузен, 1941, с. 19]. Здесь же автор сообщает, что Берке женился на одной из жен Бату-хана и тем самым как бы легализовал свое восхождение во власть.

Глава IV. Улус Берке. Дешт-и-Берке

Смерть Мункэ в августе 1259 г. вызвала новый кризис власти в Монгольской империи. Потомок Тогуя Хубилай успешно вел завоевательные войны в Китае, Хулагу развернул масштабное наступление монгольских войск в Передней Азии. В Каракоруме на правах очигина находился младший брат Ариг-Буга. В соответствии с монгольскими традициями ему переходило право регентства и созыва курултая для избрания нового правителя. Но Ариг-Буга решил сам стать Кааном и 6 мая 1260 г. созвал курултай, на котором не присутствовали его братья, а только узкий круг его приближенных, которые и избирали его Великим кааном. Конечно, следуя монгольским традициям, этот курултай нельзя было назвать законным. Но к этому времени завещание Чингис-хана уже уходит на второй план и в борьбе за власть приоритет у новой силы – силы оружия, армии.

Хубилай в окрестностях Кайпина (Пекина) созывает свой курултай, который провозглашает его Великим кааном. Сложилась ситуация, когда в Монгольской империи оказалось два правителя. Дело не могло закончиться полюбовно, и между братьями начинается гражданская война, продолжавшаяся почти четыре года. Наконец в 1264 г. войскам Хубилая удалось нанести решительное поражение Ариг-Буге, и тот вынужден был сдаться. Хубилай жесточайшим образом казнил многих сообщников Ариг-Буги. Через несколько недель было объявлено и о его смерти от болезни [Вернадский, с. 79]. Удивительным образом оказалось расколото и все монгольское войско, все Чингизиды. Берке в этой войне решительно поддержал Ариг-Бугу. Трудно определить, чем был обусловлен этот выбор. Видимо, именно в Ариг-Буге Берке видел законного правителя, способного утвердить его на престоле и закрепить за ним власть в Дешт-и-Кыпчак. Он даже посылает ему в помощь войска, которые выиграли ряд сражений, но все же не смогли существенным образом повлиять на весь ход событий. Положение Берке оказалось очень сложным. Великим кааном стал его противник, стало быть, нужно было ожидать репрессивных мер. Но вот этого как раз и не последовало. Очевидно, у Хубилая не было таких сил, чтобы организовать широкомасштабный поход в Улус Джучи. Кроме этого, для него наиболее важными на тот момент было реше-

ние китайских и ближневосточных проблем. Так или иначе, видимо, без утверждения Каракорума ханом Дешт-и-Кыпчак становится Берке.

Берке, бесспорно, можно считать одной из самых ярких политических фигур Улуса Джучи XIII в. В отличие от Бату о его жизнедеятельности, времени правления содержится достаточно много исторических источников. Это и сообщения русских летописей, и, что особенно важно, известия арабских и персидских источников. Берке был первым ханом Улуса Джучи, исповедывавшим ислам, вот почему к нему и проявляют повышенное внимание мусульманские авторы. Особенно ценную информацию находим у персидского писателя Джузджани в его «Насириных разрядах» [Тизенгаузен, 1941, с. 16]. Со слов Джузджани, Берке родился во время завоевания монголами Средней Азии, в тот момент, когда его отец, хан Джучи, взял Хорезм. «Когда мать родила Берка-хана, отец его сказал: "Этого сына я сделаю мусульманином, добудьте ему мусульманскую кормилицу, чтобы она его пуповину обрезала по-мусульмански и чтобы пил мусульманское молоко, ибо этот сын мой будет мусульманином"» [там же].

Очевидно, этому известию следует доверять. Чингис-хан и его сыновья, оставаясь язычниками и исповедуя монгольскую религию, очень терпимо и порой благосклонно относились к другим религиям. Для Джузджани очень важно, что Берке стал первым мусульманским ханом в Улусе Джучи, вот почему этому эпизоду он уделяет повышенное внимание. По достижении Берке нужного возраста, родители выбрали для него имама для обучения Корану. Помимо традиционного воспитания мальчика как воина и Чингизида, он постигал и азы исламской мудрости. Учебный процесс происходил в городе Ходженде у одного из благочестивых ученых этого города. «По наступлении срока обрезания над ним (Берка) совершили этот обряд, а по достижении им возмужалости в войско его были назначены все мусульмане, находившиеся в стане Туши-хана (Джучи)» [Тизенгаузен, 1941, с. 16]. Этот же автор отмечает, что в войске

Хубилай.
Средневековый китайский портрет

Берке никто не пьет вина, при войске постоянно находятся толкователи Корана, каждый всадник должен иметь с собой молитвенный коврик для свершения намаза.

Мы помним, что после завершения Западного похода Бату выделил Берке в качестве улуса северокавказские степи, а затем перевел его на правах улусника за Волгу. Берке активно участвовал во всех военных, политических мероприятиях, проводимых Бату. Именно благодаря помощи Бату и активным действиям Берке практически был возведен Великим кааном Монгольской империи Мункэ. К 60-м годам XIII в. это был уже опытный военачальник и расчетливый политик. Благодаря арабскому писателю ал-Муфаддалю, описавшему посольство египетского султана Бейбарса к Берке, мы имеем удивительную возможность составить словесный портрет хана. «В это время царю Берке было от роду 56 лет. Описание его: жидкая борода; большое лицо желтого цвета; волосы зачесаны за оба уха; в (одном) ухе золотое кольцо с ценным (осьмиугольным) камнем; на нем (Берке) шелковый кафтан; на голове его колпак и золотой пояс с дорогими камнями на зеленой Булгарой коже; на обоих ногах башмаки из красной шагреновой кожи. Он не был опоясан мечем, но на кушаке его черные рога витые, усыпанные золотом» [Тизенгаузен, 1884, с. 93].

Уже в начале своего правления Берке оказался в очень сложной ситуации. Важно было обрести полную власть в собственном улусе. Осуществить это было возможно, опираясь на определенные силы, которые видели в нем лидера, способного укрепить и их положение. Таковыми были прежде всего мусульманские купцы, держащие в своих руках экономику государства. Они стали основной опорой Берке. Кроме того, он получил мощную поддержку со стороны мусульманского духовенства Хорезма и Булгара, желавшего распространение ислама в Улусе Джучи и укрепление его позиций. Таким образом, мусульманский аспект стал основой политики правительства Берке.

Помимо укрепления собственной власти перед Берке встала острая проблема взаимоотношений с центральной властью в Каракоруме и определения роли и места его улуса в Монгольской

империи. Это очень туманная и малоразработанная тема. Источники практически молчат о взаимоотношениях Берке и Хубилая. Лишь только события в 1262 г. на Руси, так ярко описанные в Лаврентьевской летописи, отражают признаки еще сохранившейся зависимости Берке от власти Великого каана. «Избави Бог от лютого томления бесурменьскаго люди Ростовския земля, вложи ярость в сердца крестыаномъ, не терпящее насилыя поганых, изволиша вещь и выгнаша из городовъ из Ростова, изъ Володимеря, ис Суждаля, изъ Ярославя, откупахуть бо ти оканънии бесурмене и от того велику пагубу людем творяхуть, роботяще резы и многы души крестыаньскыя разно ведоша... том же лете оубиша Изосиму преступника, то бо мнихъ образомъ, точью сотоне съсудъ, бе бо пьяница и студословець, празнословець и кощюньникъ, конечно же отвержесе Христа и бысть бесурменинь... бе бо тогда Титямъ приехалъ от царя Татарьскаго именемъ Кутлубии золь сыи бусурменинь, того поспехомъ оканънии лишеникъ творяще хрыстыаномъ велику досаду... егда же люди на врагы своя двигшася на бесурмены изгнаша иныхъ избиша, тогда и сего беззаконнаго Зосиму оубиша в горяде Ярославли, бе тело его ядъ псомъ и ворономъ» [ПСРЛ, т. 1, с. 476].

Это сообщение летописи требует значительного комментария. После проведенной в 1257–1258 гг. каракорумской властью переписи населения на Руси сложилась административно-фискальная система подчинения русских земель Монгольской империи. Русь вошла на правах провинции не только в состав Улуса Джучи, но и всего Монгольского государства. Можно говорить об установлении монгольского ига. Исчисление всего населения Руси по десятичной системе обеспечивало регулярный сбор дани и способ рекрутирования населения для пополнения монгольской армии. В источниках нет сообщений о наличии в это время в крупных городах представителей монгольской администрации, обеспечивающей контроль над населением и сбор дани. Это право было отдано на откуп мусульманским купцам «титям» (по Лаврентьевской летописи) и даже русским людям, как например, «Изосима», который для этого даже принял мусульманство. Действия откупщиков были практически не контролируемы. Сборщики налогов выколачивали с населения

не только причитающуюся сумму, но и сверх того. Тем, кто не мог платить, давали деньги под большие проценты, а недоимщиков уводили в рабство. Приезд на Русь в 1262 г. каракорумских чиновников «от цесаря Татарьского, именем Кутлубий (Хубилай. – В. Е.)» [ПСРЛ, т. 1, с. 476] вызвало увеличение сбора дани. Это привело к всеобщему возмущению населения Северо-Восточной Руси. Стихийно вспыхнули восстания сразу в нескольких городах: «бысть вече на Бесермены по всем градом Русским и побища Татарь везде, не терпящее насилия от них» [там же]. Интересно отметить, что со стороны Берке не последовало никаких ответных карательных действий, что еще раз подтверждает тезис о том, что сбор налогов 1262 г. был инсценирован каракорумской администрацией. Берке в этой ситуации не препятствовал, но и не способствовал деятельности чиновников Хубилая.

Произошедшие события еще более отдалили Улус Берке от Монгольской империи. Хубилаю практически было не до Руси. В 1264 г. он перенес свою ставку в китайский город Ханбалык (Пекин) и стал, по существу, основателем новой китайской династии Юань. Берке перестал платить дань в столицу, фактически не признавал никаких распоряжений Хубилая. Примечательно, что еще в период гражданской войны между Ариг-Бугой и Хубилаем Берке начал чеканить монеты от имени Великого каана с надписью «Ариг-Буга Каган верховный» [Фёдоров-Давыдов, с. 63]. Монеты же с титулом Хубилая в Улусе Берке абсолютно не известны. Важно отметить, что такую же политику отделения от центра стали проводить и другие улусы: Угэдея, Чагатая, позднее Хулагу. Начался неминуемый процесс распада Монгольской империи. В этих условиях резко меняется отношение Берке к завоевательной политике, проводимой Хулагу и Хубилаем на Переднем Востоке.

С самого начала Берке был против военных действий Монгольской империи с мусульманским Востоком. Но это наступление было санкционировано Великим кааном Мункэ при активном участии Бату, а затем и Сартака, хотя, мы помним, Берке резко выступал против такого решения. Ситуация решительным образом изменилась, когда Хубилай стал Великим кааном, а Берке был провозгла-

шен ханом Дешт-и-Кыпчак. Хулагу стремился и дальше осуществлять завоевательную политику против мусульманского Востока, чем вызывал еще большее сопротивление со стороны Берке. Очаг напряженности между ними должен был разгореться. И это вскоре произошло. Известно, что в составе войска Хулагу были и отряды, посланные еще Бату. С момента воцарения Берке джучидские войска стали именоваться «подданными царя Берке», а стало быть, представляли реальную угрозу для Хулагу.

Драма Чингизидов началась в феврале 1260 г. Рашид-ад-Дин так описывает эти события: «Балакан, сын Шибана на пирушке внезапно скончался. После этого обвинили Тутара в волшебстве и заподозрили в измене. Хулагу-хан, удостоверившись в проступке отправил его (Тутара) с Сунджаком к Беркаю и изложил ему преступления его (Тутара). Беркай, на основании Ясы Чингис-хана послал его к Хулагу-хану. 17 сафара 658 г. (=3. 2. 1260) его казнили. Умертвили также Садр-ад-дина Саведжи за то что он написал для него (Тутара) амулет. Затем умер также Кули. После смерти упомянутых царевичей войска их убежали и через Дербент и море Гилянское ушли в землю Кипчакскую» [Тизенгаузен, 1941, с. 68, прим. 1]. Конечно, в этом рассказе много недосказанного и нам мало понятного. Но, тем не менее, можно констатировать тот факт, что в войске Хулагу началось массовое избиение улусников Берке – не только их военачальников, но и простых воинов. Все это заставило их бежать из Ирана. Часть беглецов пробилась в Египет, где нашли радужный прием у султана Бейбарса I [Тизенгаузен, 1884, с. 100]. Описание этих событий мы встречаем и у армянского историка Киракоса. «Гулаву (Хулагу. – В. Е.), при котором находились равного с ним происхождения великие и знатные князья, родственники Бату и Беркая – Кули, Балаха, Тутар, Меган – сын Кули, Хагатаи и многие другие, истребил их всех вместе со всеми их войсками, не щадя ни стариков, ни детей, потому что они вмешивались в его распоряжение. Только немногие из них и то лишенные жен, детей и имущества, успели бегством спастись к Беркаю и к другим своим родственникам» [Патканов, с. 105].

Нам трудно принять версию Рашид-ад-Дина о причинах конфликта между Берке и Хулагу. Ясно только, что за так называемым

«колдовством» Тутара да, очевидно, Балакана и Кули скрываются более веские причины. Конечно, религиозная неприязнь выходит здесь на первое место. Идея газавата стала определяющей. Но в первую очередь нельзя отрицать чисто экономические причины. В 1261 г. Хубилай утвердил своего младшего брата Хулагу иль-кааном – «Царем царей», поэтому это государственное объединение называют еще иногда Иль-кааном. В состав Улуса Хулагу вошла не только территория аббасидского Халифата, но и земли Закавказья. Столицей был обозначен город Тебриз. Включение Азербайджана в Улус Хулагу было, бесспорно, вызовом Берке, считавшего данную территорию своей. По сообщению Вассафа, Джучиды «делали набеги до Аррана и говорили, что Арран и Азербайджан также входят в состав владений и становищ их» [Тизенгаузен, 1941, с. 81]. Отправляя свои войска на завоевание Персии, Джучиды рассчитывали на определенную часть доходов с завоеванных земель. Хулагу обязан был делить «все добытое... на 5 частей: две части великому Каану, две части войску, а одна часть дому Батыеву» [Тизенгаузен, 1884, с. 188]. Именно вот эта, я бы сказал, политико-экономическая составляющая стала причиной конфликта между Берке и Хулагу. Берке посылает своих послов к иль-каану «требовать от него часть тех стран, которые он (Хулагу) завоевал, и тех денег да пленных, что он захватил... тот убил послов его» [Тизенгаузен, 1884, с. 275].

Конфликт перерастает в открытую войну. Конечно, Берке нужны были союзники. И таковые неожиданно оказались на далеком юге. 3 сентября 1260 г. состоялась ожесточенное сражение армии Хулагу с мамлюками Бейбарса. Египетский султан нанес сокрушительное поражение монгольским войскам. Эта победа вызвала большой резонанс во всем исламском мире. Бейбарс был объявлен главой всего исламского мира и ему был присвоен титул «защитника мусульманской веры». Но опасность со стороны монголов оставалась очень реальной. Бейбарсу нужны были союзники, способные поддержать его в борьбе с Хулагу. И его взор обращается на далекий север, в родные ему половецкие степи, где ханский престол захватил его единоведец мусульманин Берке. Его приход к власти, последовшая за этим исламизация верхушки ордынского общества, наличие общего врага в лице Хулагу положили начало контактов между

двумя этими отдаленными государствами. Начинается активная дипломатическая переписка и обмен посольствами.

В конце 1261 г. султан Бейбарс I пишет Берке пространное письмо, в котором он подстрекает хана против Хулагу, возбуждая к нему ненависть и вражду, приводит доводы в пользу необходимости священной войны. «Для него (Берке) обязательна религиозная война (с Хулагу), так как он, вступив в религию ислама, должен воевать с неверными», – такие слова приводит Ибнабдеззахыр, личный секретарь мамлюкского султана [Тизенгаузен, 1884, с. 55]. Письмо должно было доставить большое посольство, возглавляемое эмиром Кушербеком. В его состав вошли и воины Улуса Джучи, бежавшие от резни, учиненной Хулагой, во главе Сараган-нойоном. Бейбарс посылает хану Берке и щедрые подарки: «Когда письмо было закончено, то изготовили высочайшие подарки, как то: священное писание, писанное, как говорят, Османом, сыном Аффана-да ниспошлет ему Аллах свое благоволение – в обложке из красного, шитого золотом, атласа и в футляре из кожи, подбитой шелком; налой для него из слоновой кости и черного дерева, выложенный частями серебра, с серебряным замком; большое количество превосходных венецианских материй; разные цветные молитвенные подушки и ковры; несколько цветных левантских одежд; подушки из кожи и ковры с навесами; великое множество подставок для подсвечников; Калджурские мечи с серебряной насечкой; булавы с железным основанием, позолоченные и др.; франкские шлемы с серебряными закраинами; лакированные латы; фонари с венецианскими обложками (стеклами); машинки для светильников лакированные с футлярами; серебряные фонари с венецианскими обложками; шестов в виде копий для серебряных фонарей изрядное количество; множество двойных светильников на плакированных подставках; плакированные удила с головками, обтянутыми шнурком и украшенные серебром; серебряные позолоченные пластинки; пахвы, разукрашенные и войлоки; седла хорезмийские и к ним подушки; Булгарские мешечки, обшитые галунами и блестками серебра; дамаские луки с кольцами и шелковыми тетивами; луки для метания (небольших) ядер с своими тетивами; сумки из шкур пестрых обезьян; шандалы с серебряной инкрустацией;

Канайские копыя с железными арабскими наконечниками; стрелы удивительной отделки в кожаном футляре; котлы из змеевика; большие канделябры с золотыми разводами и серебряными позолоченными цепочками; слуги; прислужницы-поварихи; попугаи удивительные; (дикие ослы); несколько быстроногих коней; изрядное количество арабских плащей; редкие Нубийские верблюды; вьючные животные быстроты недостижимой, дрессированные обезьяны; довольно (много) верблюжих седел, уздечки с цепочками; шерстяные попоны для вьючного скота; хатайские накидки для обезьян; жираф, у которого вся попона шерстяные красная, узорчатая...» [Тизенгаузен, 1884, с. 55].

Все это должно было расположить Берке, внушить ему мысль о необходимости союза с Египтом, установлении крепких дипломатических, торговых и религиозных отношений. Бейбарсу нужен был мощный военный союз против хулагуидского Ирана, ему нужна была война Берке с Хулагу, которая бы отвлекла основные силы противника от Месопотамии. Война между монгольскими Чингизидами должна была стать благом для мамлюкского Египта.

Ибнабдеззахыр подробно описывает путь посольства. Для нас интересны некоторые подробности этого путешествия. Послы по морю добрались до Константинополя, а затем, переплыв Черное море, оказались в Крыму. «Из Крыма они в один день доехали до степи, где застали начальника десяти тысяч всадников, управлявшего этим краем. Затем они 20 дней ехали по равнине, на которой находились шатры и овечьи стада, до реки Итиль (Волга. – В. Е.). Это река пресноводная, шириною в реку Нил; по ней (ходят) суда Русских, а на берегу ее местопребывания царя Берке» [Тизенгаузен, 1941, с. 75]. В Улусе Берке египетских послов ожидал теплый прием. Перед встречей с ханом им объяснили основные правила, обряды, необходимые для соблюдения монгольских обычаев. Ибнабдеззахыр пишет: «Входили с левой стороны, а по отобранию от них послания, переходили на правую сторону и припадали на оба колена. Никто не входит к нему в шатер ни с мечем, ни с ножом, ни с (другим) оружием, и не топчет ногами порога шатра его; никто не слагает оружия

своего иначе, как по левую сторону, не оставляет лука ни в сайдаке, ни натянутым, не вкладывает стрел в колчан, не ест снегу и не моет одежды своей в Орде» [Тизенгаузен, 1884, с. 63–64]. Мы не случайно привели такое пространное цитирование современника событий. Оно показывает, что Берке, исповедующий мусульманство, вынужден был соблюдать и старые языческие обряды, определенные «Великой Яссой». По-видимому, процесс исламизации верхушки золотоордынского общества проходил достаточно медленно, с трудом преодолевая старую монгольскую веру. Можно сказать, что шел процесс, который на Руси получил название «двоеверие».

Послов хан Берке принял в большом шатре, покрытом белым войлоком, внутри он был отделан шелковыми тканями, драгоценными камнями и жемчужинами. Шатер был такой большой, что мог вместить 100 человек. В центре шатра, на престоле восседал сам Берке, рядом находилась его старшая жена. Вдоль стен расположились 50 или 60 эмиров. Когда послы вошли и передали послание султана, Берке приказал своему везирию прочитать его и очень обрадовался, что оно было написано по-туркски. Затем начались вопросы, касающиеся жизни в Египте. «Я слышал, что через Нил положена человеческая кость, по которой люди переходят (через реку). Они ответили: мы не видали этого», – вот один из наивных вопросов, сохранившийся в памяти посольства и отраженный в источнике [Тизенгаузен, 1884, с. 649]. Берке отпустил мамлюкских послов и вместе с ними снарядил собственное посольство, которое в конце 1263 г. прибыло в Каир. В своем послании Берке благодарил Бейбарса за спасение своих воинов, а также предлагал программу совместных действий против Хулагу во имя священной мусульманской войны. Бейбарс подготовил второе посольство к хану Берке. Свое послание он сопроводил еще более щедрыми подарками, чем при первом визите. Возглавили египетское посольство муфтий Имадуддин и эмир Фарис ад-Дин-Акуш ал-Масди [Тизенгаузен, 1884, с. 191]. Доплыв в кораблях до Константинополя, посольства были надолго задержаны при дворе византийского императора Михаила Палеолога.

Надо сказать, что сама Византия переживала очень тяжелые годы. В 1261 г. представителю династии Михаилу VIII Палеологу удалось изгнать из Константинополя Балдуина II и восстановить Византийскую империю, захваченную еще в 1204 г. крестоносцами. И экономическая, и политическая ситуация в стране была крайне шаткой. Страна находилась в разрухе, со всех сторон ее теснили враги. И конечно, самая основная опасность исходила из завоевательных планов Хулагу.

Так случилось, что в это время в своеобразном плену оказался сельджукский султан Изедин. Спасаясь от воинов Хулагу, он вместе со своими войсками бежал в Византию, но был там задержан Михаилом VII. Конечно, эта задержка произошла не без ведома, а, может быть, и по прямому приказу Иль-хана. Об этом узнал мамлюкский правитель. Бейбарс потребовал отпустить своих единоверцев, но Михаил Палеолог ответил отказом. Тогда Бейбарс обратился за помощью к Берке. Тот отправляет на Балканы большое войско во главе со своим темником Ногаем.

Мы помним, что со времен Бату монгольские владения простирались вплоть до Дуная. Поэтому Берке очень внимательно следил, что делается на Балканском полуострове, и всячески пытался распространить свое влияние на эти территории. Соединившись с болгарами, которые являлись данниками Улуса Берке, войска Ногая нанесли сокрушительное поражение византийскому императору, захватив богатую добычу и множество пленных. Михаил VII запросил мира. Посредником он умолял быть эмира Фарис ад-Дин-Акуша, находившегося вместе с посольствами в своеобразном плену. Император обещал Акушу 40 тыс. динаров, на что египетский посланник охотно согласился. В результате мир с золотоордынским темником был заключен, а послы и сельджукские пленники были освобождены. Оправдываясь, Михаил Палеолог указывал, что очень опасается нападения Хулагу и поэтому задержал посольства. Иначе Хулагу «заподозрит (в этом) нарушении мира между мною и им и поспешит ограбить соседнии ему земли мои» [Тизенгаузен, 1884, с. 190]. Михаил Палеолог сумел убедить и египетских, и послов Берке, что между их государствами существуют союзные отношения, и

посольства задержались по независящим от него обстоятельствам. Он даже обязался выплачивать ежегодную дань Орде «от себя в числе ежегодной подати вносить 300 атласных одежд, с тем чтобы он (Берке) был ему союзником и пособником и не вторгался в его земли» [Тизенгаузен, 1884, с. 191]. После этого посольства прибыли в город Сарай, где были с честью приняты ханом Берке. За время нахождения в Константинополе бóльшая часть подарков, отправленных Бейбарсом, оказалась испорченной, звери сдохли, что вызвало недовольство со стороны Берке. Султан Изедин в своем письме к Бейбарсу писал о ненадлежащем исполнении Акушем своих обязанностей. Однако Берке не стал его наказывать, а вернул в Египет. Зато здесь Бейбарс отнял у него 40 тыс. динаров, конфисковал его товары, а самого посадил в тюрьму.

Тем не менее можно констатировать, что эти посольства способствовали установлению между двумя такими далекими друг от друга государствами дружеских отношений, которые и дальше будут постоянно расширяться. Однако до совместных военных действий против Хулагу дело так и не дошло. Практически Берке пришлось одному воевать с Иль-ханом. События этой войны достаточно подробно описаны и в арабских, и в персидских источниках. Но суть их такова, как отмечал Г. В. Вернадский, что «в первых превозносятся победы Берке, во вторых – успехи иль-ханов» [Вернадский, с. 169], поэтому достаточно сложно вычлениить истинный ход событий.

В августе 1262 г. Берке отправляет в военный поход на Хулагу 30-тысячную армию и ставит во главе войска сына убитого Тутара Ногая. Возможно, Ногай был раньше в составе отрядов Тутара. Тогда можно предполагать, что ему удалось скрыться от устроенной Хулагу резни и бежать в Половецкую степь. В результате этого он должен был хорошо знать обстановку, ориентироваться на местности. И был еще главный двигатель, который заставлял Ногая неистово сражаться против врагов Берке, своих врагов: месть за убитого отца. К тому времени Ногай был, очевидно, уже достаточно опытным военачальником, если Берке доверил ему такое ответственное дело.

Войска Берке вторгаются в Азербайджан. У Дербента, «Железных ворот», им удалось одержать первую победу над передовыми

отрядами Хулагу. Но в декабре 1262 г., когда подошли основные силы Хулагу, Ногай потерпел сокрушительное поражение. Остатки туменов Ногай бежали. У Ибн-Васыля есть сообщение, что войска бежали вглубь своей земли «на 15 дней (пути)». Опомнившись, Берке провел в Кипчакской степи всеобщую мобилизацию. Он «сделал воззвание к войску своему, чтобы сядился на коня всякий, кому 10 лет (и более) от роду. Село народу столько, что не видно было ни начала, ни конца» [Тизенгаузен, 1884, с. 74]. Размер войска устрошил Хулагу, и он, бросив свои отряды, бежал. Брошенное войско подверглось страшному разгрому на реке Куре: «Из Татар не спасся ни один, который мог бы передать весть (о случившемся). Все, которые убежали вперед утонули, а те, которые отстали, были убиты» [Тизенгаузен, 1884, с. 75].

По приказу Берке, свидетельствует Ибн-Василь, из убитых воинов сложили три больших холма, которые «путешественники видели их на расстоянии 2-х дней (пути)». Увидев это зрелище, Берке воскликнул: «Да посрамит Аллах Хулавуна (Хулагу) этого, погубившего Монголов мечами Монголов. Если бы мы действовали сообща, то мы покорили бы всю землю» [Тизенгаузен, 1884, с. 75]. У Рашид-ад-Дина события и действующие люди описаны несколько по-иному. После разгрома 1262 г. Ногай бросился в бегство. Войска Хулагу преследовали его, захватив брошенный лагерь. Здесь войска расположились и в течение трех дней предавались пьянству и распутству. Неожиданно Ногай вернулся и разгромил войско противника. Это произошло 13 января 1263 г. Разбитое войско Хулагу пыталось перейти реку Терек по льду, но он ломался под их ногами, и много человек погибло [Веселовский, с. 13–14]. В этом сражении Ногай ударом копья был ранен в глаз и с тех пор стал одноглазым.

«Хулагу бежал в Тевриз и там всю свою злобу и горечь от поражения перебросил на мусульманских купцов, торговавших в его стране. Он приказал конфисковать их имущество, казнить всех мусульманских и кипчакских купцов, занимавшихся в Тебризе торговлею и коммерческими сделками и владевших бесчисленным и несметным имуществом, и отобрать (у них) в казну имущество, какое

найдется», – читаем мы в «Истории Вассафа» [Тизенгаузен, 1941, с. 81]. Этим самым он нанес непоправимый удар экономике страны, изолировав ее от всего мусульманского мира. Берке ответил тем же, практически блокировав торговлю Иль-хана. Мусульманские купцы стали объезжать страну Хулагу; пришли в запустение караванные пути между Персией и Золотой Ордой; встало ремесленное производство, так как оказались отрезанными рынки сбыта. Хулагу испытывал сильное разочарование в жизни и уединился в своем загородном дворце. Фактически правителем государства стал его старший сын Абага. Хулагу скончался 27 января 1265 г.: «...от падучей болезни, которая приключилась ему ежедневно по два раза в городе Мераге и перенесен в крепость Телу, где и был похоронен» [Тизенгаузен, 1884, с. 194].

Ситуация вроде бы начала меняться. Поначалу между Берке и Абагой-ханом установились достаточно дружеские отношения. Иль-хан пошел на значительные уступки в получении Джучидами доходов с Тебриза. Он разрешил мусульманским купцам торговать и, выражаясь сегодняшним языком, инвестировать средства в экономику своего государства. По словам арабского писателя XIV в. ал-Омари, Абага позволил построить в Тебризе соборную мечеть, на которой было увековечено имя Берке, затем дал разрешение для строительства мастерской по выделке тканей [Тизенгаузен, 1884, с. 194]. Источники молчат по поводу причин разрыва дружеских отношений между Берке и Абагой. Очевидно, здесь все в комплексе: и экономические причины, и боязнь усиливающегося авторитета Берке, и религиозные противоречия, ведь Абага оставался язычником. Все это привело к новым военным действиям.

Вновь Берке ставит во главе авангарда Ногая. Его войска через «Железные ворота» вторгаются во владения Абуги. Передовыми войсками Абаги командовал его брат-царевич Юшумут. Между ними произошло первое кровополитное сражение на левом берегу реки Куры в том месте, где в нее впадает река Аксу. Источники опять полны противоречий. Арабские авторы говорят о блестящей победе, одержанной Ногаем [Тизенгаузен, 1884, с. 152–153], у Рашидад-Дина, наоборот, Ногай терпит сокрушительное поражение:

«...войско его обратилось в бегство и ушло в Ширван» [Тизенгаузен, 1884, с. 76]. По мнению автора, именно в этом сражении был ранен Ногай «попала стрела в глаз», а не предыдущих битвах. В это время как с одной стороны, так и с другой подошли основные силы, возглавляемые Берке и Абагой. Иль-хан побоялся вступить в сражение и, переправившись через реку Куру, приказал уничтожить мосты. 14 дней войска стояли по разным берегам реки, обстреливая друг друга. Наконец Берке решил подняться по реке в сторону Тифлиса, чтобы там переправиться, но «по дороге захворал и умер» [Тизенгаузен, 1941, с. 76]. Это событие стало причиной завершения военной кампании. Тело Берке отвезли в Сарай, где и похоронили.

Глава V. Правление Менгу-Тимура

«Бысть мятежь великъ в самехъ татарех. Избишася сами промежи собою бещисленное множество, акъ песокъ морьскы», – так туманно говорит Ипатьевская летопись о событиях, разыгравшихся в 1266 г. в Золотой Орде после смерти Берке [ПСРЛ, т. 2, с. 863]. Надо отметить, что этого сообщения нет в других русских летописях. Умерший хан не оставил наследников. Об этом хотя бы свидетельствует письмо Берке к султану Бейбарсу, в котором он перечисляет всех своих родственников, но ни слова не говорит о своих сыновьях [Тизенгаузен, 1884, с. 99]. Таким образом, решение об избрании нового правителя должен был принять курултай из представителей Джучидов и высших военачальников. Отметим еще раз, что при Берке в Золотой Орде сложилась достаточно серьезная мусульманская группировка. Берке покровительствовал мусульманским купцам, отдав им на откуп сбор дани на Руси. Вот почему, когда умирает хан Берке, русский летописец восклицает: «...и умре царь Беркай, и Руси ослаба бысть отъ насилья бесерменска» [ПСРЛ, т. 15, с. 403]. При Берке значительно укрепились торговые, культурные связи с городами Средней Азии, что также способствовало укреплению ислама в стране. Определенную часть его войска составляли мусульмане, и, благодаря успехам в борьбе с Хулагу, он приобрел в мусульманском мире, и прежде всего в Египте, роль покровителя ислама. Конечно, в тех условиях исламизация затронула лишь верхушку общества и тем не менее позиции ислама были достаточно сильны и сильны прежде всего в армии, где был ярко выраженный лидер – миритарх Иса-Ногай. Он выздоровел после ранения и стал активно вмешиваться в «предвыборную кампанию».

Исламской группировке противостояла более многочисленная прослойка ордынского общества, придерживавшаяся старой монгольской религии и отстаивавшая традиционные принципы престолонаследия. Очевидно, к этому времени уже возникает особое отношение к Бату-хану как основателю Кипчакской Орды и в обществе складывается убеждение, что наследовать ханский престол могут лишь его прямые наследники. А в этом Ногай значительно проигрывал. Его отец Тутар был сыном Боала, седьмого сына Джучи.

Сыновей Бату в живых к этому времени никого не осталось. Среди наиболее реальных кандидатов на ханский престол были два внука Бату: Менгу-Тимур и Туда-Менгу, сыновья Тукана. В этих условиях победила традиция. Но и между внуками Бату-хана развернулась ожесточенная борьба, которая и привела к «мятежу велику». Царевич Туда-Менгу имел большие шансы занять ханский престол, чем его брат, так как именно его еще в 1257 г. пыталась сделать наследником старшая жена Бату Баракчин-хатун. Но, как и тогда, не удалось и на этот раз. Кандидатуру Менгу-Тимура активно поддержал Ногай. С его помощью Менгу-Тимур взошел на великоханский престол. Вероятно, между новым правителем и Ногаем было заключено некое соглашение, разделяющее сферы власти. Менгу-Тимур становился ханом Орды, а Ногай получал должность улугбека правого крыла – обширной территории от Днепра до Дуная – и право распоряжаться этой землей, вести самостоятельно дипломатические отношения с другими государствами от своего имени [Тизенгаузен, 1884, с. 434]. Если это не так, тогда трудно понять причины активизации самостоятельной деятельности Ногай именно в 70-е годы XIII в. Кандидатуру Менгу-Тимура где-то в 1267 г. одобрил также Верховный каан монголов Хубилай.

Правление Менгу-Тимура (1266–1280 гг.) как-то мало отражено в российской историографии. А между тем именно при нем произошли значительные изменения в судьбе Орды и подвластных ей народов. Впрочем, обо всем по порядку.

Я упомянул ранее о возможном договоре, заключенном между Менгу-Тимуром и Ногаем. Условия его не сохранились, да и вряд ли они были зафиксированы письменно. И все же ход последующих событий позволяет утверждать, что такое могло быть. Хан оставил за собой контроль над русскими княжествами. Среди первоочередных задач Менгу-Тимур считал укрепление экономической основы своего государства, пополнение казны новыми источниками доходов. Большая их часть поступала из русских земель. Но при хане Берке сбор дани с русских княжеств был отдан на откуп мусульманским купцам, в результате чего сама Орда терпела большие убытки. Было еще одно обстоятельство. Дорвавшись до сбора налогов с княжеств Северо-

Восточной Руси, исламские купцы творили бесчинства в покоренных землях, что послужило причиной массовых восстаний в 1262 г. Поэтому Менгу-Тимур в числе первых своих мероприятий лишил мусульманских купцов права откупа дани на Руси и усилил полномочия даруг (налоговых инспекторов) и баскаков – наместников хана, посаженных в русских княжествах для контроля за деятельностью князей. Вот почему русский летописец восклицает, что со смертью Берке «и Руси ослаба бысть отъ насилья бесерменска» [ПСРЛ, т. 15, с. 403]. В летописях нет сообщений, что с избранием нового хана из русских княжеств прибыли князья для получения ярлыка на их княжение. Очевидно, произошел обратный процесс. Менгу-Тимур направил на Русь назначенных им баскаков, которые и подтвердили права князей, определенных еще ханом Берке.

После смерти Александра Ярославича владимирский престол должен был наследовать его брат Андрей, но он умирает через несколько месяцев после кончины брата. Великим князем Владимирским становится Ярослав Ярославич. Для владимирского князя очень важным было установить контроль над богатым и вольным торговым городом Новгородом. Новгородцы изгоняют из города княжившего там сына Александра Дмитрия и заключают с Ярославом договор. Суть его сводится к тому, что Ярослав отказывается от ряда пунктов, установленных еще Александром. В них резко ограничивается влияние князя на новгородскую жизнь. Желая удержать за собой Новгород, Ярослав вынужден был согласиться на их условия. Но это была лишь временная уступка. Честолюбивый Ярослав постоянно нарушал условия соглашения, в результате чего в отношениях между ним и новгородцами вспыхнул острый кризис.

В 1270 г. жители Новгорода решили изгнать князя, собрали вече на Ярославом дворе и направили к князю грамоту: «...княже, не хочюем тебя, иди от нас добром» [НПЛ, с. 84]. Ярослав обращается за помощью к Менгу-Тимуру, «прося рати на Новгород, глаголя сице: «Новгородцы меня не слушают, выхода твоего не дают и данники твоя выгнаша, а иных смерти предаша, а меня с бесцестием выгноша, а на тебя хульно глаголют» [Татищев, 1965, с. 48]. Ордынский хан посылает войска на взбунтовавшийся город.

В эту ситуацию вмешивается костромской князь Василий Ярославич. Он лично едет в Орду и убеждает Менгу-Тимура в неправильности действий Ярослава. Тот приказывает возвратить военную рать, а Ярослава заставляет заключить с новгородцами новый договор. При посредничестве митрополита Кирилла был заключен мирный договор. На заключение договора в Новгород прибыли ордынские послы Чевгу и Баиши «сажать Ярослава с грамотою» [ГВНП, с. 11]. Менгу-Тимур заставил Ярослава подписать договор, выгодный новгородцам и резко ограничивающий

Ярослав в Новгороде

права Великого князя, особенно в части торговли. «Ав немецком дворе тобет торговати нашею братию; а двора ти не затворяти; а приставов ти не приставливати. А гости нашему гостити по Суздальской земли без рубежа по цесаревой грамоте» [ГВНП, с. 13] – другими словами, торговать с иностранцами князь мог лишь через новгородских купцов, они же, защищенные ханской грамотой, могли свободно торговать по всей Суздальской земле.

Василий Ярославич

Менгу-Тимур был очень заинтересован в расширении транзитной торговли по Великому Волжскому пути, соединяющему Западную Европу, Новгородскую землю, Владимирское княжество, Волжскую Булгарию, Орду и арабский мир. Тишина и порядок на этом пути были залогом поступления в ханскую казну больших пошлинных доходов. Вот почему он так пристально следил за взаимоотношением владимирского князя и Новгорода. Менгу-Тимур заставил Ярослава и с рижанами подписать мирный договор, обеспечивающий им беспрепятственную торговлю [ГВНП, с. 57]. Чтобы навести порядок на Руси и предотвратить смуты, Менгу-Тимур вызывает в Орду Ярослава Ярославича, его брата Василия Костромского и их племянника Дмитрия Александровича [Татищев, 1965, с. 49]. Очевидно, «наставления» Великого хана были достаточно жесткими, что и стало причиной смерти Ярослава Ярославича по возвращении из Орды.

Великим князем Владимирским становится его брат Василий Ярославич. Новгородцы вновь попытались пригласить к себе князя Дмитрия Александровича. Объяснение их действий мы встречаем лишь у В. Н. Татищева. Став Великим князем, Василий потребовал от новгородцев ликвидировать старые договоры: «...не по делу вынудили грамоты у брата моего, чего ся испокон не повелось, суд у князя и дань черную отъемлете и печерскую» [Татищев, 1965, с. 50]. Новгородцы же хотели отстоять свои права и выбрать того князя, кто согласился бы княжить у них по их же воле. Но и в этот раздор вновь вмешалась ордынская власть. «Князь великий Василий с великим баскаком володимерским Яргаманом, и со князем Айдаром,

и со многими татарами ханскими воеваша Новгородския волости» [Татищев, 1965, с. 50]. Ордынская сила заставила признать Василия Ярославича новгородским князем. Обращает на себя внимание тот факт, что Яргаман назван «великим баскаком владимирским». Это подтверждает мысль, что в каждом княжестве Менгу-Тимур поставил своих наместников (баскаков), а за действиями Великого князя Владимирского наблюдал и влиял на ход событий «великий баскак владимирский», у которого был свой вооруженный отряд во главе с «князем Айдаром». Зависимость русских земель от власти Орды была практически полной.

В 1275 г. Василий Ярославич лично повез в Орду дань татарам: «...принесе дань урочную со вся земли по полугривне с сохи, а в сохе числиша 2 мужа работнии, и дары многи и выход особ» [Татищев, 1965, с. 51]. Менгу-Тимур посчитал размер дани слишком малым: «Ясак мал есть, а люди многи в земли твоей» [Татищев, 1965, с. 51]. Князь попытался возразить, что размер дани соответствует переписи, бывшей на Руси. Тогда Менгу-Тимур приказал провести новую перепись «со всею землю русскую с великими грады, да не утаят люди» [Татищев, 1965, с. 51], которая и была проведена в этом же году. Интересно отметить, что ни в одном источнике, за исключением приведенного выше сообщения В. Н. Татищева, не упоминается размер взимаемой дани. Очевидно, он колебался в разные годы в зависимости от ситуации, от потребностей хана. Перепись населения предусматривала и количество рекрутского набора русских воинов в ордынское войско, причем интересы самой Руси, как правило, игнорировались. Показательным в этом плане является совместный татаро-русский поход на Литву в 1275 г., состоявшийся сразу же после проведения переписи. «Ходиша татарове и Русстии и князи на Литву, не успевше ничто же, взъвратишася назад. Татарове же велико зло и многу пакость и досаду сътвориша христианом, идуще на Литву, и паки назад идуще от Литвы того злее створиша, по волостем, по селам дворы грабяще, кони и скоты и имение отъемлюще, и где кого стретили, облупивше нагого пустяты», – так с горечью отмечено в Троицкой летописи [ТЛ, с. 332–333]. Действительно, какая разница, кого грабить. И если Литва дала отпор, то беззащитные

русские земли стали легкой добычей, своеобразной компенсацией за неудавшийся поход. И это несмотря на присутствие русских войск! Впрочем, и они вряд ли отказались от идеи пограбить вместе с татарами. Стоит особо отметить и участие русских войск в походе Менгу-Тимура на Северный Кавказ против аланов (ясов). 8 февраля 1277 г. объединенные войска штурмом взяли аланский город Дедяков, учинили жесточайшую расправу над жителями и захватили богатую добычу и полностью сожгли город. «Царь же Менгу Темиръ почтивъ добре князей Русскихъ, и похваливъ велми и одаривъ всехъ и отпусти ихъ на Русь, въ свои ихъ отчины съ мноюю честию и з дары», – констатирует Никоновская летопись [ПСРЛ, т. 10, с. 155].

Говоря о политике Менгу-Тимура в отношении русских княжеств, нельзя не отметить еще одной очень важной детали: отношение к Русской православной церкви. Оставаясь язычником, приверженцем старой монгольской веры, Менгу-Тимур твердо следовал положениям «Великой Яссы» о веротерпимости, вернее, принципу использования веры поверженного противника в своих интересах. Еще при мусульманине Берке в Сарае была основана православная епископия. Важнейшим шагом ордынской политики было и освобождение русской церкви от переписи и уплаты налогов. Этим самым Орда привлекала церковь в качестве своего верного союзника, проводника своих идей. Особый церковный иммунитет закреплялся в жалованных грамотах [Григорьев, с. 71–106]. Так же, как и хан Берке, Менгу-Тимур в 1267 г., в начале своего правления дает Русской церкви в лице митрополита Кирилла жалованную грамоту. В ней закрепляется право духовенства не платить налоги и освобождение от военной службы. Монгольским чиновникам под страхом смертной казни запрещалось отбирать у церкви земли, обижать церковных людей. За все это духовенство должно было молить Бога за Менгу-Тимура, его семью, особенно подчеркивалось, что молитвы должны быть ревностными и искренними [Приселков, с. 83]. Надо ли после этого говорить, как ревностно и рьяно Русская церковь отработывала пожалования, насаждая тем самым ордынские повинности народу, препятствуя хоть каким-то попыткам свергнуть ханскую власть. Положение Менгу-Тимура на Руси становится

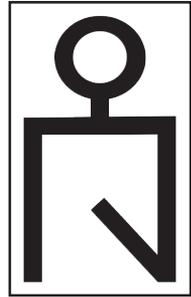
незыблемым, именно при нем в русских летописях ордынского хана впервые стали называть «царем», «цезарем».

С первых же лет своего правления Менгу-Тимур стал пристальное внимание уделять транзитной торговле. В ней он видел значимый источник доходов своей казны, укрепление экономической, а стало быть, и политической основы своего государства. Уже отмечалось, что столь пристальное внимание, какое уделял Менгу-Тимур Новгороду, было вызвано желанием не только получать дополнительную дань, «выход», как говорили тогда, но и укреплять международную торговлю. Другим эпицентром транзитной торговли при Менгу-Тимуре стал Крым. Его в качестве удела Менгу-Тимур пожаловал царевичу Уран-Тимуру, сыну Тукай-Тимура [Сафаргалиев, с. 54]. Неизвестно, чем был обусловлен этот выбор, важно, что за этим последовали договоры с генуэзскими и венецианскими купцами, дающие право свободной торговли и обеспечивающие установление выгодных торговых связей между государствами Запада и Востока. Еще Н. М. Карамзин отмечал, что «купцы ездили из Хивы в

Генуэзская крепость Кафа

Крым без малейшей опасности, и зная, что им надлежало быть в дороге около трех месяцев, не брали с собою никаких съестных припасов, ибо находили все нужное в гостиницах: доказательство, сколь монголы любили и покровительствовали торговле!» [Карамзин, кн. IV, гл. III, с. 74]. Действительно, именно при Менгу-Тимуре начался расцвет торговых колоний Крыма. Возникают города Солхат (Старый Крым), Кафа (Феодосия), Солдайя (Судак). Первые монеты, выпущенные в Крыму ханом Менгу-Тимуром, относятся к 1266 г. и содержат титулы «верховного» и «правосудного» хана [Сафаргалиев, с. 52].

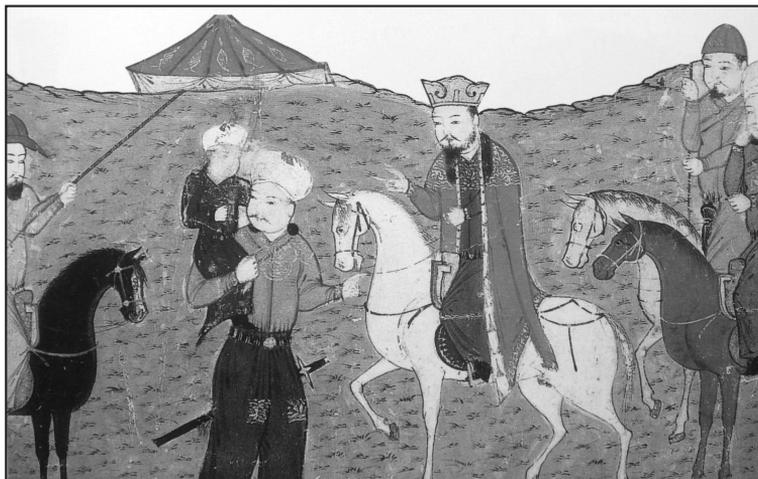

Тамга
Менгу-Тимура

Право печатать монеты принадлежало лишь Верховному каану Монгольской империи. Решившись на изготовление денег с собственным именем, Менгу-Тимур пошел на решительный разрыв с Каракорумом. Такие сепаратистские тенденции стали возникать и в других улусах. Этому во многом способствовала и политика Верховного правителя Монголии Хубилая. Все свое внимание он сконцентрировал на покорении Китая. В 1264 г. он сделал Хан-Балык-Пекин своей столицей и активизировал военные действия на завоевание южных земель Сунской империи. Все это в значительной степени отвлекало его от проблем в западных провинциях Монгольской империи. Между тем улусы Джучи, Чагатая, Угэдея все больше жили собственной самостоятельной жизнью. Менгу-Тимур решительным образом пресек действия правителя улуса Чагатая Барака, вставшего, как отмечает Рашид-ад-Дин, на путь «несправедливости и произвола». Тот разоряет крупнейший торговый и ремесленный город Средней Азии Самарканд, тем самым наносит большой вред восточной караванной торговле, за восстановление которой так ратовал Менгу-Тимур. Правитель Улуса Джучи заключает договор с внуком Угэдея Кайдун, совместными усилиями они разбивают войска Барака. В 1269 г. на реке Талас состоялся курултай, имевший необычайно важное значение. На нем фактически признавалась независимость улусов Джучи, Чагатая, Угэдея от власти Хубилая, устанавливались

границы этих улусов [Тизенгаузен, 1941, с. 76–78]. Фактически начался процесс распада Монгольской империи на самостоятельные государства.

Ситуация вражды, возникшая в 60-е годы XIII в. между Чингизидами в Закавказье и Иране, продолжалась и в первые годы правления Менгу-Тимура. Им был «разослан с Абака-ханом ковер старинной вражды» [Тизенгаузен, 1941, с. 82]. В своих действиях Менгу-Тимур «следовал пути и образу действий Берке» [Тизенгаузен, 1884, с. 276]. В 1267 г., очевидно, сразу же после получения известия о смерти Берке, в Орду прибывает посольство от египетского султана. Для Бейбарса было важным удержать в союзниках преемника Берке. В своем письме он выражает соболезнование по поводу смерти хана, поздравляет Менгу-Тимура с вступлением на престол и подстрекает его к началу новых военных действий против Абаки, сына Хулагу [Тизенгаузен, 1884, с. 359]. Менгу-Тимур, желая закрепить дружеские отношения с египетским султаном, возобновляет военные действия в Закавказье. В этом же году на реке Кура произошло ожесточенное сражение между войсками Менгу-Тимура и Абаки, закончившееся победой иль-хана [Тизенгаузен, 1884, с. 204].

Абага (на коне), перед ним Аргун с маленьким Газаном на руках.
Миниатюра из Джами ат-таварих Рашид-ад-Дина. XIV в.

Однако уже через два года состоялся реванш. Войска Менгу-Тимура разгромили Абаку, и между ними был заключен мирный договор. Я думаю, что данное соглашение надо рассматривать в одном контексте с решением курултая 1269 г. на реке Таласе о независимости улусов. Государство Иль-ханов также выходило из-под влияния Хубилая и в союзе с государством Джучи стало проводить самостоятельную политику.

Кто проиграл от союза Менгу-Тимура и Абаки? Бесспорно, мусульманский мир и в первую очередь Мелик аз-Захыр Бейбарс I – правитель Египта. Он терял союзника в борьбе с Ираном. Тем более неожиданным для него является появление в Египте посольства, направленного не Менгу-Тимуром, а Ногаем. В 1270 г. в противовес Менгу-Тимуру, оттолкнувшему от себя мусульманский Египет, Ногай самостоятельно посылает к Бейбарсу I посольство с выражением дружбы и сотрудничества. Ногай уверял правителя Египта в преданности делу ислама: «...хваляю Аллаха всевышнего за то, что он включил меня в число правоверных и сделал меня (одним) из тех, которые следуют вере очевидной» [Тизенгаузен, 1884, с. 125]. Он убеждал Бейбарса в том, что сохранит союз, заключенный между ним и Берке: «Мы идем по пути отца нашего Берке хана, следуем за истинной и уклоняемся от лжи» [Тизенгаузен, 1884, с. 125]. Под последними словами он, очевидно, имел в виду смену курса Менгу-Тимура в Передней Азии. В ответном послании Бейбарс назвал письмо Ногая как «прекрасное благовоние» [Тизенгаузен, 1884, с. 353]. С этого времени в Египте узнали о дальнем «султани» Ногае, так он будет впредь именоваться в арабских летописях [Веселовский, с. 22]. По мнению В. Л. Егорова, владения Ногая в 70-е годы XIII в. простирались вдоль левого берега Дуная от венгерской крепости Турну-Северин до Днестра. Южная граница ордынских земель проходила по Дунаю, северная была ограничена предгорьями Карпат [Егоров, с. 34]. У византийского историка Георгия Пахимера мы встречаем описание появления Ногая в южнорусских степях: «...этот Нога был могущественный муж из Тохаров (татар), искусный в предводительстве войсками и опытный в делах. Он с огромнейшими силами из соплеменных тохаров, которых они называют Мугулиями

(монголами) будучи выслан (правившими) у Каспийских (ворот) начальниками племени, которых называют канидами (ханами), нападает на северные народы по Евксинскому (Понту) (Черному морю), которые в старину были подвластны Римлянам (т. е. Византии), а (потом), когда город был взят и дела у Римлян стали в стесненном положении, сделались самостоятельными оставшись без повелителей. Явившись (туда), он без всякого труда присоединил и подчинил их. Увидев, что (эти) земли плодородны и народы сами по себе достаточны для (образования) государства, он отлагается от пославших и присоединяет народы к себе. С течением времени имевшие с ним сношения жители средиземных областей, я говорю – аланы, зикхи, готы, росы и разные соседние с ними народы, узнают их нравы, перенимают по привычке язык и одежду и делаются их союзниками. И немного спустя напавший на них народ Тохарский увеличивается до безчисленного множества, и они, куда бы ни пошли, делаются несокрушимыми по своим силам, так что некоторые из прежних господ, по закону войны пошедшие на них походом, как на отступников, не только не одолели их, но и потерпели сильное поражение, павши (в бою)» [Веселовский, с. 28]. Такая пространная цитата требует определенного комментария.

Пахимер подтверждает суждения восточных авторов о том, что Ногай первоначально кочевал в бассейне реки Яик (Урал). Основу его войска составляло племя мангкытов, из которых потом возникла так называемая «Ногайская орда», а позднее – народ ногайцы. На исторической арене Ногай впервые появляется в 1259 г. Он вместе с полководцем Бурундаем наносит удар по южнорусским землям и окончательно присоединяет их к владениям Бату-хана. Далее Пахимер отмечает, что Ногай «отлагается от пославших его и присоединяет народы к себе». Очевидно, имеется в виду как раз время Менгу-Тимура, когда Ногай стал практически полноправным властелином южнорусских степей. Историк отмечает, что покоренные народы перенимали обычаи, язык татар. Как тут не вспомнить военную реформу Даниила Галицкого, перестроившего свое войско на ордынский манер.

Следует добавить, что своим возвышением Ногай в первую очередь был обязан Берке-хану. Тот отметил военный талант Ногая во время сражений с Иль-ханами и утвердил его в должности беклярибека [Трепавлов, с. 88]. Немаловажную роль в становлении Ногая сыграла и одна из жен Берке – Джиджек. После смерти Берке, по традиции, она стала женой Менгу-Тимура. Под ее покровительством Ногай «выдвинулся и усилился благодаря... Джиджекхатуни» [Тизенгаузен, 1884, с. 109].

Трудно однозначно охарактеризовать взаимоотношения в начальный период между Менгу-Тимуром и Ногаем. Очевидно, это была политика невмешательства в дела друг друга. Ногаю была предоставлена почти безграничная возможность господствовать в придунайском регионе. В 70-е годы XIII в. происходит не только расширение владений Ногая, но и заметное усиление его военной и политической роли на Балканском полуострове. И все же говорить о проявлении сепаратистских тенденций Ногая пока не приходится.

Краткое изменение курса Менгу-Тимура по отношению к Иль-ханам не только не ослабило дипломатические контакты с Каиром, но и еще более их оживило. В этом плане обмен посланиями в 1270 г. между Бейбарсом и Ногаем надо признать не более чем геополитической игрой Менгу-Тимура. Заключить договор с врагом и успокоить союзника – вот был главный мотив его действий.

Через Ногая Менгу-Тимур активизирует свою политику на Балканском полуострове. Мы помним, что по договору 1264 г. Византия обязана была предоставлять свободное передвижение по морскому пути посольств Золотой Орды и Египта, выполняющих дипломатические, торговые, военные миссии. По словам Г. В. Вернадского, Михаил VIII произвел коммерческую революцию на Босфоре [Вернадский, с. 159], позволившую ему несколько укрепить экономическое положение империи. Вместе с тем политическая ситуация в этом регионе оставалась крайне напряженной. С востока Византию теснили турки-сельджуки, завоевавшие к этому времени большую часть имперских владений. Их противниками было государство Хулагуидов, которое также еле сдерживало наступление турок. Отсюда вполне логичным видится мирный союз между Византией и государством

Георгий
Пахимер

Иль-ханов, скрепленный еще и родственными узами. Возникший альянс между Ногаем и Бейбарсом I в значительной степени взволновал Абагу. Под его давлением Михаил VIII Палеолог закрыл проливы Босфор и Дарданеллы для египетских и джучидских послов. В ответ Ногай, «по случаю неудовольствия Менгу-Тимура византийским императором» [Тизенгаузен, 1884, с. 380], идет походом на Константинополь. До больших сражений дело не дошло, так как византийский полководец Ласкарис, посланный императором защищать сто-

лицу, практически перешел на сторону Ногая. Михаилу VIII ничего не оставалось, как запросить мир, «с покорностью и почетом».

В 1271 г. мирный договор между Ногаем и Михаилом VIII был заключен. В последующие годы византийский император активно пытается воздействовать на своего могущественного северного соседа, посылая к нему многочисленные посольства с различными дарами. Интересное сообщение, как Ногай относился к этим подаркам, мы находим у византийского писателя Георгия Пахимера: «Но в это время царь, ухаживая за начальником их Ногаем, не переставал посылать ему в огромном количестве как одежды, так и разнообразные съестные припасы, а сверх того щедро посылал целые бочки ароматных вин. Ногай с удовольствием брал съестные припасы и напитки, а так же принимал и золото и серебро в кубках, а разнообразные вещи, служившие для накрывания головы или для одеяния, трогал руками и спрашивал у доставившего, полезен ли головной убор для того, чтобы голова не испытывала ничего дурного и не болела, может ли жемчуг, которым он усыпан, защищать ее от молний, отвращает ли камень удары грома, так чтобы носящий его не был поражен громом, наконец, способствует ли драгоценные одежды здоровью членов тела. Если они отрицали, то он отбрасывал их или, поносив немного, на столько чтобы соблюсти приличия дружбы, снимал и тотчас надевал обычную собачину или овчину, ношением которой чванился больше, чем драгоценными одеяниями. Точно так же поступал он и с головными уборами, предпочитая необходимый

для употребления ненужным, хотя бы и драгоценным. Если же тот умышленно говорил, что данная одежда приносит носящему какую бы то ни было и где бы то ни было пользу, то он тотчас верил и носил ее, обращая внимание не на камни и не на жемчуг, а на пользу» [Веселовский, с. 29–30]. В глазах Пахимера Ногай – северный варвар, он еще лишен показной напыщенности, столь свойственной византийскому двору. Он, дитя степи, предпочитает более традиционные и удобные одежды и головные уборы, чем драгоценности и украшения. В другом месте Пахимер отмечает: «...дерзость тохарцев мы еще удерживали – не мужеством войск, а дружественными, или лучше сказать рабскими пожертвованиями, – вступали с ними в родственные связи и посылали им подарки, иногда превосходные и величайшие» [там же, с. 30]. Георгий Пахимер имел в виду то обстоятельство, что в 1273 г. Михаил VIII, желая укрепить союз с Ногаем, отдает за него замуж свою внебрачную дочь Ефросинью (Ирину). Этот династический брак имел далеко идущие последствия. Ногай роднился с Византийской империей, а Михаил VIII через своих побочных дочерей получал в зятя не только иль-хана Абагу, но и Ногаю, все больше набирающего политический вес на Балканах.

С установлением дипломатического союза между Византией и государством Менгу-Тимура ситуация на Балканском полуострове несколько не ослабла. Начиная с 1265 г., Ногай активно влияет на политику болгарского царя Константина Тиха. По сообщению Г. Пахимера, Ногай в 1270 г. помог болгарскому царю захватить сельджукского султана Изз-эд-Дина, пришедшего с войсками на помощь грекам. Благодаря татарам, болгарскому царю достались, помимо пленных, большие сокровища, частью которых он щедро расплатился с войсками Ногаю. Здесь Ногай выступает как союзник и покровитель Болгарии. Но ситуация резко меняется в 1273 г. Византийский император заключает еще один династический брак. Он выдает за болгарского царя Константина свою племянницу Марию и в качестве приданого обещает возвратить своему зятю захваченные болгарские города Месемврию и Анхиал. Однако, заключив мир с болгарями, Михаил не торопился с передачей городов. В ответ Константин задумал захватить их силой. Но и здесь вмешался

Ногай. Очевидно, по просьбе византийского императора он принудил своего вассала отказаться от захватнических замыслов.

На несколько лет Ногай установил стабильность в этом регионе. Ситуация вновь резко меняется в 1277 г. В этом году вспыхивает восстание под руководством Ивайлы против Константина Тиха, во время которого болгарский царь погибает. Войска Ногая подавили восставших, а сам Ивайла бежал во Фракию, где неожиданно получил покровительство и защиту от византийского императора. Ногай посылает свои войска под руководством половецкого хана Тертера в Тырнова и требует от Михаила VIII выдачи бежавшего Ивайлы. Император отвечает отказом. Причину этой размолвки, очевидно, следует искать в следующем. После смерти Константина Тиха Ногай решил сделать болгарским царем своего ставленника, уже упомянутого выше кыпчака (половца) Тертера. Таким образом Болгария оказалась бы в полной зависимости от Ногая. Такое развитие событий, конечно, не входило в планы византийского императора, потерявшего такой лакомый кусок, как Болгария. Вот почему он и поддерживает предводителя восставших Ивайлу, надеясь закрепить за собой Болгарское царство. Вновь назревал военный конфликт.

Роль посредника в разрешении этого кризиса взял на себя Менгу-Тимур. Он посылает в Константинополь посольство, возглавляемое Феогностом, епископом Сарайским. В русских летописях под 1279 г. сохранилось сообщение о возвращении русского посольства из Византии: «...посылалъ убо его пресвященный Кирилъ, митрополитъ Киевский и всеа Руси, и царь Ординский Менгу Темиръ къ патриарху и къ царю Михаилу Палеологу Греческому, отъ пресвященного Кирилла митрополита грамоты и отъ царя Менгу Темира грамоты, и поминки отъ обою» [ПСРЛ, т. 10, с. 157]. Очевидно, что сама поездка епископа в 1278 г. состоялась как результат обострившихся отношений между Ногаем и Византией. Стоит отметить, что это уже был третий визит епископа Феогноста в Константинополь. В первый раз он посещал Царьград в 1269–1272 гг., второй в – 1276 г. Менгу-Тимур активно использует свое влияние на Русскую православную церковь. В лице митрополита Кирилла он получает твердого союзника не только в решении русских дел.

Глава Русской православной церкви, хорошо знавший греческий язык, пользовавшийся авторитетом у византийского патриарха, мог влиять и влиял на ситуацию на Балканском полуострове, выступая своеобразным проводником идей Менгу-Тимура. В этом отношении очень показательным является участие епископа Феогноста по поручению митрополита Кирилла в Архиерейском соборе в Царьграде в 1276 г. [Памятники, с. 133–138].

Собор был создан по поводу предстоящего отправления греческого посольства в Рим к папе Николаю III для заключения унии между православной и католической церквями и укрепления власти папы в Византии. Феогност огласил решительный протест митрополита Кирилла II по поводу унии. Кроме этого, на Соборе сарайский епископ вынес на обсуждение вопросы об особенностях ведения православного богослужения и исполнения церковных обрядов в условиях кочевого образа жизни. Русская церковь приспособлялась к изменившейся политической обстановке и тем новым условиям, в которых она оказалась в Орде. Надо отметить, что Собор с пониманием отнесся к ситуации, возникшей в Русской церкви, и Феогност достойно выполнил свое поручение. Но не успел он вернуться на Русь, как его ждала новая поездка с дипломатической миссией. Феогност должен был выполнить тайное поручение от Менгу-Тимура к Михаилу Палеологу о признании половецкого хана Тертера правителем Болгарии. Византийский император вынужден был согласиться. Тертер принимает святое крещение и входит в историю под именем Георгия Тертерия I. Болгария становится вассалом империи Менгу-Тимура и, в частности, улуса Ногая.

Обсуждался и еще один очень важный вопрос взаимоотношений с Египтом. От купцов, торговавших в Сарае, Менгу-Тимур узнал о смерти в 1277 г. египетского султана Бейбарса I. Ему наследовали два его сына. Через Константинополь Менгу-Тимур пытался наладить новые дипломатические отношения с Египтом и в этом деле просил помощи византийского императора. В Египет было отправлено посольство, но оно прибыло, когда в мамлюкском государстве произошел переворот и к власти пришел новый правитель

Килавун (Калаун) по прозвищу Алфи, что значит «человек-тысяча». Это имя он получил в связи с тем, что в свое время его купил на рынке рабов султан ас-Салих за тысячу золотых динаров. По сведениям арабских авторов, Калаун, как и Бейбарс, был кипчаком и родился в городе Судак, в Крыму. Вот почему ему так было важно поддерживать связь со своей родиной и установить дружеские отношения с Менгу-Тимуром. Он посылает ответное посольство, которое беспрепятственно пропускают византийцы. Но оно опоздало. В 1280 г. Менгу-Тимур скончался от злокачественной опухоли в горле. Рукн-ад-Дин Бейбарс так описывает это событие: «Причиной смерти его был нарыв, образовавшийся в горле его, он проколол его и умер от него» [Тизенгаузен, 1884, с. 104].

Глава VI. Ногай

Менгу-Тимур умирает в расцвете сил. Если бы не преждевременная смерть, то расцвет Золотой Орды, благодаря мудрой и целенаправленной политике Менгу-Тимура, наступил бы именно в его время. Но этого не произошло, и государство вступило примерно на два десятка лет в обстановку нестабильности и внутренних противоречий. Во многом это связано с деятельностью такой выдающейся личности, как темник Ногай, который превратился в вершителя судеб правителей Орды, всесильного и влиятельнейшего деятеля.

По сообщению Рашид-ад-Дина, у Менгу-Тимура осталось десять сыновей: «Алкуй, Абачи, Тудакан, Бурлук, Токтай, Сарай-Бука, Мулакай, Кадан, Кудукан, Тогрылча» [Тизенгаузен, 1941, с. 50–51]. О передаче власти в руки кого-либо из них не могло быть и речи. Очевидно, существовала некая договоренность, может быть, даже в виде завещания, что власть будет передана в руки сына старшего брата Менгу-Тимура Тула-Буги. Но этому воспрепятствовал Ногай. Благодаря его усилиям ханский престол занял младший брат умершего правителя – Туда-Менгу. Мы помним, что он был внуком Бату, сыном Тукана и Боракчин-хатун. Именно его в период династического кризиса после смерти Бату еще младенцем пыталась возвести на ханский престол его мать. Теперь благодаря Ногаю настало его время. О том, что именно Ногай способствовал возведению Туда-Менгу на престол, есть очень туманное сообщение у Марко Поло: «Тотамангу (Туда-Менгу. – В. Е.) был могуществен и с помощью Ногай, другого татарского царя взял да и убил Толобогу (Тула-Буга. – В. Е.)» [Марко Поло, с. 232]. Марко Поло здесь ошибается в убийстве Тула-Буги. Все, как мы увидим далее, произошло как раз наоборот. И все же намек на определенный существовавший конфликт, думается, налицо.

Почему Ногай остановил свой выбор на Туда-Менгу? Все источники рисуют данного правителя как бесхарактерного, легкоподдающегося человека. Может быть, это стало следствием того, что с малолетства он оказался неким орудием в руках его воспитателей и покровителей. Именно такой человек и нужен был Ногаю. К этому моменту он стал самым старшим среди Джучидов, получил титул ака – старший в роду, свидетельствующий о его непреклонном авторитете

среди сородичей. Кроме этого, он фактически безраздельно владел обширнейшей территорией, проводил независимую внешнюю политику, имел собственную армию.

Возникает резонный вопрос: почему в этих условиях Ногай не узурпировал власть, не стал верховным правителем всего Улуса Джучи? Очевидно, большую роль сыграла традиция, идущая со времен Чингис-хана. Я думаю, что справедливо мнение В. В. Трепавлова о том, что Ногай к этому времени осуществлял надзор за соблюдением законов «Великой Яссы» на территории Улуса Джучи [Трепавлов, с. 90]. Став мусульманином, он не только не предал традиции монгольского языческого права, но и как ака, свято соблюдал все монгольские законы, обозначенные в «Великой Яссе». Один из них – право передачи верховной власти лишь потомкам основателя государства. В Золотой Орде это право принадлежало внукам Бату-хана. Если верить источнику, именно сам Бату, умирая, отвел Ногаю роль старшего: «...если в улусе или уруке его кто станет действовать беспутно и расстроит улус, то разузнав, в чем дело, восстановит между ними согласие» [Тизенгаузен, 1941, с. 69]. Вот такое «согласие» в 1282 г. и восстановил Ногай. Стоит заметить, что подобную роль в XIV в. в Золотой Орде будет играть Мамай, в период «великой замятни», меняя одного хана за другим.

Династический кризис в Орде удалось решить быстро, но он достаточно остро отразился в северо-восточных русских княжествах. По установившейся традиции сразу после смерти одного хана и возведении другого в ставку должны были прибыть князья Северо-Восточной Руси для получения ярлыка на княжение. Но, как и во времена восхождения Менгу-Тимура, не произошло это и на сей раз. События развивались несколько по-иному. Великий князь Владимирский Дмитрий Александрович в последние годы правления Менгу-Тимура ни разу не появился в Орде. Нет и сведений о прибытии к нему ордынских посланников. Создается впечатление, что он живет независимой от Орды жизнью, всецело предаваясь решению внутренних проблем. Внимание его приковано к событиям в Новгороде, урегулированию распрей среди ростовских князей [ПСРЛ, т. 10, с. 158–159].

В то же время его младший брат Андрей Александрович, прозванный Городецким за то, что владел городом Городец на Волге, большую часть времени проводит в Орде. Он вместе с Глебом Васильковичем Ростовским, Фёдором Ростиславовичем Ярославским, Константином Борисовичем участвует в победоносном походе на алан и взятии города Деяков и добивается особой благосклонности хана и его окружения. Эти князья становятся «своими» людьми в Орде. Очевидно, именно этот фактор сыграл ключевую роль в том, что сразу же после провозглашения Туда-Менгу ханом Андрей Александрович решительным образом выступает против своего старшего брата. Он спешно отправляется в Орду, «ища себе княжение великого подъ братомъ своимъ старейшимъ» [ПСРЛ, т. 10, с. 159]. Лестью и подкупом Андрей добивается от Туда-Менгу получения ярлыка на Великое княжение Владимирское. А для большей убедительности и воздействия на Дмитрия Александровича Туда-Менгу посылает с Андреем ордынское войско под командованием Кавгады и Алчедая. По дороге к ним присоединяются уже известные нам

Дмитрий Александрович.
В. П. Верещагин

Фёдор Ростиславич Ярославский, Константин Борисович Ростовский и еще Михаил Иванович Стародубский. Объединенное войско огнем прошло по северо-восточным русским землям, «опустошиша вся около Мурома, около Володимеря, около Юрьева, около Суздаля, около Переславля, около Ростова, около Твери, и до Тръжку и дале...» [там же]. Троицкая летопись даже дает этому карательному набегу название: «первая рать Андрея». Дмитрий Александрович не имел достаточных сил для оказания сопротивления. Он бежит в Новгородскую землю, в каменную крепость Копорье, построенную им два года назад, надеясь в ней отсидеться. Но новгородцы, испуганные ордынским нашествием, изгоняют князя со своей земли, и он ищет убежище во Пскове у Довмонта.

Князь Андрей Александрович «сяде на великомъ княжении и сотвори пиръ великъ, и одари дары многими князей Ординскихъ Кавгады и Алчедыя и татаръ и отпусти ихъ во Орду къ царю. Они же съ многимъ пленомъ отъидоша во Орду» [ПСРЛ, т. 10, с. 159]. Новгородцы первыми признали нового правителя. Они разрушили крепость Дмитрия, очевидно, выбив оттуда его сторонников, и пригласили нового владимирского князя к себе «и сяде на княжении и сотвориша ему Новгородцы честь велию» [ПСРЛ, т. 10, с. 160]. Казалось бы, Андрей Александрович должен был торжествовать: он добился всего желаемого. Но Дмитрий Александрович и не думал сдаваться. Он возвращается в разоренный Переяславль, отстраивает город и начинает собирать верных ему людей. Очевидно, ненависть к Андрею за разорение земель была столь велика, что в кратчайший момент Дмитрий Александрович собрал значительное войско, способное выгнать узурпатора. И Андрей Александрович снова бежит в Орду за помощью. Туда-Менгу дает ему новое войско на этот раз под командованием Туратемира и Алыня [ТЛ, с. 339]. Оно вновь опустошает уже ранее разоренные земли, подступает к Переяславлю и штурмом берет город [ПСРЛ, т. 15, стб. 34]. Дмитрий Александрович вместе со своим двором вновь бежит из Переяславля, но на этот раз в южнорусские степи, к Ногаю. Вот этот момент очень важен. Один из Александровичей ищет покро-

вительства в Волжской Орде, другой – у всесильного темника. Если раньше Ногай практически не интересовали дела Северо-Восточной Руси, то теперь он, воспользовавшись моментом, стал активно в них участвовать. Дает войско Дмитрию Александровичу, оставляя при этом у себя в качестве залога сына князя Александра [Насонов, с. 73]. Ногай самостоятельно подтверждает права Дмитрия на владимирский престол. Отряды Туда-Менгу в этот момент уже возвратились в Волжскую Орду, и Андрей Александрович, не имея поддержки, вынужден был уступить великокняжеский престол.

Дмитрий Александрович не стал серьезно наказывать своего брата и выделил ему в пользование город Кострому. Его же соратников, и прежде всего боярина Семёна Тониловича, которого Троицкая летопись называет «кормольником льстивым», жесточайшим образом казнил. В 1284 г. Дмитрий при помощи ногайского войска силой заставляет признать новгородцев власть над ними: «...прииде Дмитрий князь с братомъ своимъ Андреемъ ратью к Новугороду и с татари и со всею Низовьскою землею, и много зла учиниша, волости пожгоша... и сотвориша миръ и седее Дмитрии в Новегороде на столе своем...» [НПЛ, с. 326]. Очевидно, участие Андрея в этом походе на Новгород имело характер принуждения, вот почему уже в следующем году он вновь отправляется в Волжскую Орду за военной помощью и в третий раз приводит на Русь татарское войско. В 1285 г. «князь Андреи приведе царевича, и много зла сътворися крестьяномъ. Дмитрии же, сътався съ братьею, царевича прогна и боляры Андреивы изнима», – фиксирует летопись [ПСРЛ, т. 10, с. 201]. Обращаю внимание на некоторые детали этого сообщения. Ордынский отряд возглавлял «царевич», очевидно, кто-то из родственников хана. Значит, и поход был санкционирован самим Туда-Менгу. Дмитрий разбивает ордынскую рать совместно с братьями. По мнению А. Н. Насонова, это были младший брат Дмитрия Даниил и двоюродный брат Михаил Ярославович Тверской [Насонов, с. 73]. По существу, это была первая антиордынская коалиция, пусть и носящая кратковременный, локальный характер, и первый отпор, первое поражение ордынского войска со времен нашествия Батыя. Таким образом, Дмитрий Александрович при

помощи Ногая закрепляет за собой великокняжеский престол. Отмечу еще раз: если раньше интересы Ногая не распространялись на земли Северо-Восточной Руси, то теперь он оттеснил ордынского хана и значительно расширил сферу своего влияния. Туда-Менгу не рискнул воспрепятствовать этим действиям и просто смирился.

В последние годы жизни Менгу-Тимур все активнее вмешивался в балканские дела, очевидно, желая хоть как-то умерить аппетит Ногая. После его смерти ситуация резко изменилась. Ногай становится практически вершителем истории в этом регионе. Сначала он заключает мирный договор с византийским императором Михаилом VIII, по которому он обязывался оказывать военную помощь Византии против восставшей Фессалии. За это император заключил мирный договор с египетским султаном Килавуном, по которому ордынским и египетским купцам и послам было гарантировано право беспрепятственного прохождения через Босфор. Но военная помощь Ногая не успела подойти. В 1283 г. Михаил VIII умирает и наследовавший ему сын Андроник II меняет дипломатию своего отца. Он начинает создавать антиногаевский блок, ведя дипломатические отношения с Сербией и Болгарией. Царем Болгарии, как мы помним, был ставленник Ногая Георгий Тертерий I. Он пытается выйти из-под влияния Ногая и заключает с Византией договор. В ответ войска Ногая переходят Дунай и начинают опустошать северные области Болгарии. Болгарский царь вынужден запросить мир и признать свою зависимость от Ногая. В качестве заложника в его ставку был отправлен царский сын. К владениям Ногая также отошла значительная территория, примыкающая к Балканскому хребту с юго-запада, в верховьях реки Марицы между Струмой и Тунджей [Краткая история Болгарии, с. 148].

Мы видим необычайную активность Ногая. А что же Туда-Менгу? Начало его правления совпало с прибытием в Сарай очередного египетского посольства. На этот раз от султана Килавуна. Оно было тепло встречено новым ордынским правителем. Между заинтересованными сторонами состоялись переговоры о развитии египетско-ордынских отношений. Рукн-ад-Дин отмечает, что до вступления на престол Туда-Менгу был язычником. Не исключено,

что под воздействием египетского посольства он принимает ислам и становится ярым мусульманином. Египетское посольство возвращается домой, вместе с ними в Египет прибыли и послы Туда-Менгу. Они привезли послание, написанное на монгольском языке и переведенное на арабский, в котором говорится о принятии ордынским правителем ислама и излагается просьба «даровать ему в прозвище одно из имен мусульманских и прислать ему знамя халифское, да знамя султанское, с которыми он будет сражаться против врагов религии» [Тизенгаузен, 1884, с. 105].

Мы не знаем, участвовал или нет в переговорах египетского посла и Туда-Менгу Ногай. Скорее всего, нет. Только так можно объяснить тот факт, что в этом же году Ногай отправляет в Египет собственное посольство. Ему важно было закрепить за собой право ведения дипломатических отношений с Египтом, оформленное еще во времена аз-Захыр Бейбарса I, и оттеснить с этого поприща Туда-Менгу. Закрепить за собой египетскую дипломатию хотела и администрация Туда-Менгу. Египетский правитель оказался в двойственном положении. Правда, его это меньше всего смущало, его больше радовали успехи в распространении ислама в Золотой Орде. В марте 1284 г. Килавун отправляет в Орду новое посольство, поздравляя Туда-Менгу с принятием ислама и, как всегда, сопроводив это богатыми подарками» [Тизенгаузен, 1884, с. 105].

Египет действительно радовали успехи в исламизации Малой Азии и Северного Причерноморья. Более того, в стане известного врага мамлюкского Египта Улусе Хулагу происходят важные перемены. В 1282 г. после смерти иль-хана язычника Абаги его сменяет младший брат Ахмад и становится мусульманином, приверженцем ортодоксальной ветви ислама – суфизма. Это мистическое учение в исламе, проповедующее отречение от мирской жизни, ее радостей и красот. Суфисты должны жить в бедности, носить рубища и очищать свою душу длительными постами и многочасовыми молитвами.

Дирхем
Туда-Менгу.
679–686 гг.

Бурное развитие суфизма связано с именем персидского поэта Джалал-ад-Дин Руми, основателя ордена дервишей. Суфизм проник и на территорию Орды, причем ярким его приверженцем стал только что обращенный в ислам хан Тула-Менгу. По словам Рукн-ад-Дина, он стал суфийским дервишем и, потеряв всякий интерес к государственным делам, отрекся в пользу своего племянника Тула-Буга: «Ему сказали, что коли есть царство, то необходимо, чтобы им правил царь. Он указал на то, что уже отрекся от него (царства) в пользу сына своего брата Туля-Буги, да что его душа обрадовалась. И согласились с ним жены, братья, дяди, родственники и приближенные. Царствование его продолжалось около 5 лет» [Тизенгаузен, 1884, с. 105–106]. Согласно же Рашид ад-Дину, сыновья Менгу-Тимура Алгу и Тогрыл, а также сыновья Тарбу, старшего сына Тагу-хана, Тула-Буга и Кунчек свергли с престола Тула-Менгу и «сообща 5 лет управляли государством» [Тизенгаузен, 1941, с. 69].

Неизвестно, участвовал в этом мероприятии Ногай или нет. Во всяком случае, ему был выгоден безвольный ордынский хан. Именно при таком правителе Ногай чувствовал себя полноправным хозяином, способным решать как внутриордынские проблемы, так и вершить судьбы народов. С Тула-Бугой ему, по-видимому, пришлось считаться. Молодого и энергичного хана тяготило положение, что темник Ногай располагает такой неограниченной властью, и он решает восстановить «статус-кво». Прежде всего он считал необходимым возратить потерянную власть над землями западных улусов, принадлежащих Ногаю.

Сил для открытой борьбы с темником у Тула-Буги не было. И он решил постепенно вмешиваться в события, происходящие в этом регионе. Именно этим можно объяснить его поход совместно с Ногаем в 1285 г. в Венгрию. В это время в Венгрии на королевском престоле находился Ласло IV, бывший по матери наполовину половцем. В 80-е годы XIII в. при дворе Ласло резко возрос половецкий этнический элемент. В моду вошли половецкие обычаи, привычки, язык. Это находило резкое противодействие со стороны католической части жителей страны. Разногласия еще более обострились, когда Ласло заключил в тюрьму свою жену Изабеллу Анжуйскую,

вызвав тем самым негодование правителей католических стран. В ответ Ласло отрекся от христианства и женился сразу на двух ногайских княжнах. Страна раскололась на два лагеря. Ногай, естественно, устраивал весь процесс половецизации венгерского общества, и он двинул свои войска на помощь Ласло [Краткая история Венгрии, с. 78]. Трудно сказать: либо Ногай предложил Тула-Буге участвовать в этом походе, либо тот сам настоял на участии в нем. Ипатьевская летопись отмечает: «Пришедшоу оканьному и безаконьному Ногаеви и Телебузе с нимъ на Оугры в силе тяжьце во бещисленомъ множестве. Велеша же с собою пойти Роускимъ княземъ. Львови Мьстиславоу Володимероу Юрьи Львовичъ» [ПСРЛ, т. 2, стб. 888]. Как видно из этого сообщения, в походе приняли участие или их заставили князья Юго-Западной Руси. «Тогда бо бяхоуть князи Роусции в воли татарской», – с чувством глубокой грусти добавляет летописец [ПСРЛ, т. 2, стб. 888]. Размах участия, по всей видимости, был значителен. Но ханы, хоть и заключили договор о совместных действиях, не особо желали скоординированных действий, больше надеясь на себя. Вот почему и Тула-Буга, и Ногай действуют врозь. «Нога (Ногай. – В. Е.) поиде на Брашевъ (закарпатский город Прашов – В. Е.), а Телебоуга поиде поперекъ Гору (т. е. через Карпаты. – В. Е.)» [ПСРЛ, т. 2, стб. 888].

Источники умалчивают об итогах кампании Ногай. Лишь в венгерских хрониках читается, что ногайские татары «напали на страну, причинили большое опустошение, проникли до Пешта и могли беспрепятственно вернуться обратно» [Веселовский, с. 34]. Очевидно, Ногай так преследовал врагов Ласло.

Совершенно по-другому выдался данный поход для Тула-Буги. Его отряды заблудились в горах, как пишет русская летопись: «...блоудя по 30 днии въ горахъ» [ПСРЛ, т. 2, стб. 890–891]. В армии начался страшный голод, «и начаша людие ести, потом же начаша и сами измирати и оумреихъ бещисленное множество, самовидче же тако рекоша, оумреихъ бысть сто тысячь, оканьнии же и безаконьнии Телебоуга выиде пешь со своею женою, об одной кобыле» [там же]. Очевидно, масштабы потерь татарского войска были менее существенны, чем отмечает Ипатьевская летопись. Для русского

летописца было важно показать незаконность этого похода и божье наказание, последовавшее за это.

Тула-Буга не стал возвращаться в Волжскую Орду. Он рассредоточил оставшиеся войска на территории Галицкого княжества, все лето откармливая коней и набирая новое войско. За неудачный поход в Венгрию воины Тула-Буги отыгрались на жителях Галицкого княжества. Они разорили Галич и Волынь, нанеся большой урон всему княжеству. Но масштабы награбленного, очевидно, не соответствовали тем запросам и пожеланиям, что были в войске Тула-Буги в начале похода. Поэтому он уже в следующем году намечает поход в Польшу. Если вторжение в Венгрию еще можно было как-то объяснить желанием помочь Ласло в его прокыпчакской политике, то поход на Польшу более как грабительским не видится. Кстати замечу, что венгерская интервенция мало чем помогла Ласло IV. В 1290 г. он был убит самими же кипчаками и его прополовецкая политика потерпела крах.

Польский поход был более спланирован и организован. Помимо вновь набранного ордынского войска, реальную силу представляли и отряды юго-западных русских княжеств: «Телебоуга же посла ко заднепреискымъ княземъ и ко Волыньскимъ ко Львови и ко Мьстиславоу и к Володимероу веля имъ пойти с собою на воиноу» [ПСРЛ, т. 2, стб. 892]. Также в этом походе принял участие и Ногай, хотя, как отмечает Ипатьевская летопись, «баше же межи има нелюбовье велико» [ПСРЛ, т. 2, стб. 892]. Неприязнь друг к другу между Тула-Бугой и Ногаем все увеличивалась. Очевидно, ордынский хан всю вину за неудачный поход в Венгрию возложил на своего темника, вот почему и в польском походе ханы действуют самостоятельно. Войска Тула-Буги по дороге разорили все окрестности Владимира-Волынского. Затем они пошли вдоль Вислы и осадили город Сандомир. Здесь они предприняли безуспешную попытку штурмом взять город и «почаша воевати землю Лядскоую и стояша на неи 10 дней» [ПСРЛ, т. 2, стб. 894]. После этого Тула-Буга думал направить свое войско на город Краков, но, узнав, что его опередил Ногай, войска которого уже появились в окрестностях города, повернул свои отряды во Львовскую землю. Ногай же не смог взять Краков и, нанеся страшный

ущерб окрестностям города, возвратился в родные степи. Тула-Буга в течение двух недель находился под Львовом, разоряя его окрестности и нещадно грабя местное население. В польских источниках есть сообщение, что ордынцы, возвратившись в Галицкое княжество, отравили все реки трупами убитых и «отъ сего великий моръ бысть по всей Русской земле» [Веселовский, с. 31].

Вновь перегруппировав свои военные силы, в 1287 г. Тула-Буга идет походом на Польшу. На этот раз Ногай в военных действиях не участвует, нет сообщений летописей об участии русских князей. По всей видимости, Тула-Буга решил самостоятельно покорить польские земли. Но и этот поход закончился безрезультатно.

Степень неприязни Тула-Буги к Ногаю достигла высшей точки, при этом, как отмечает летопись, они боялись друг друга: «...зане боястася оба сии сего, а сеи сего» [ПСРЛ, т. 2, стб. 895]. Очевидно, поэтому до открытых военных действий дело не дошло. Венгерский и польские походы нанесли колоссальнейший урон и по русским землям юго-западных княжеств. После разорения этих территорий, увода в Орду большого количества скота и пленных этот регион был охвачен страшной эпидемией, унесшей также жизни многих людей. В результате всего этого юго-западные княжества, только начавшие приходить в себя после Батыева нашествия, вновь рухнули в состояние разрухи и опустошения. Финальным аккордом этого стала смерть Владимира Васильковича Волынского, которого Г. В. Вернадский назвал последним князем великого века [Вернадский, с. 189]. Последние четыре года он страдал тяжким недугом. Нижняя губа его начала гнить. Через некоторое время нижние зубы и челюсть прогнили, часть бороды отпала. Чувствуя неминуемую смерть, он раздал все свое богатство нищим, а в своем духовном завещании объявил своим наследником Мстислава Даниловича. Упадок Галицко-Волынского княжества был неминуем. И вскоре эти земли стали легкой добычей зарождающегося Литовского государства [Пашуто, 1959, с. 185].

Все возрастающее противостояние между Ногаем и Тула-Бугой отчетливо читается в русских летописях и в рассказе об «Ахматовых слободах». Правда, этот рассказ в летописях датируется

1283–1284 гг. Но, как убедительно доказал А. Н. Насонов, анализируя арабские и персидские источники, эти события нужно отнести ко времени правления Тула-Бути [Насонов, с. 70].

В южных районах Курского княжества, вплотную примыкающих к собственно ордынской территории, Ногай создает своеобразные буферные зоны. Они выходят из подчинения русских князей и полностью переходят под юрисдикцию ногаевской администрации. В этом районе баскаком Ногай назначает некоего Ахмата. Лаврентьевская летопись называет его «бесерменином» – мусульманином [ПСРЛ, т. 1, с. 481]. Сначала он действовал теми же методами, что и все баскаки: «откупаше у Татаръ дани всякиа въ Курскомъ княжении, и теми даньми многу тягость творяше» [ПСРЛ, т. 10, с. 162]. Но затем он стал проводить более гибкую и экономически верную политику. Он создает несколько слобод «в отчине Олга, князя Рыльского и Ворголского» [ПСРЛ, т. 18, с. 79], в которых устанавливает облегченную форму налогообложения. Этим самым он привлекает местное население, и слободы начинают быстро расти: «и тако умножишася людие въ слободах техъ, и быша тамо торгы и мастера всякиа» [ПСРЛ, т. 10, с. 162]. Княжества Олега Рыльского и Святослава Липецкого, напротив, страдают от того, что их население уходит к Ахмату. Князья обращаются с жалобой к хану Тула-Буге. Того больше всего волновало, что на подвластной ему территории распространяет свое влияние Ногай. Он посылает карательный отряд, который вместе с отрядами Олега и Святослава разоряет Ахматовы слободы: «...и повелеша князи людемъ своимъ пограбити обе ти слободы, и иныхъ избиша, а иных плениша, и поковаше ихъ у себя, а свои люди выведоша въ свои отчины» [ПСРЛ, т. 10, с. 162].

Теперь настала очередь жаловаться уже Ахмату, и он бросается в ставку Ногай. Полученное известие сильно раззадорило темника. Ногай выделяет Ахмату большое войско, с которым тот идет на Русь. Курские князья в страхе разбегаются. Олег бежит к Тула-Буге, а Святослав прячется в лесах Рязанского княжества. Войско Ахмата, «воюющее по всему княжению», жесточайшим образом разорило землю, «а слободы те наплъниша людей, и скота всякого и всего богатства» [ПСРЛ, т. 10, с. 163]. В плен попадают люди Олега, в том

числе 13 старейших бояр, над которыми Ахмат устраивает расправу: «выданных ему боаръ изби и по древию извеша» [там же, с. 164].

Дальнейшие действия этого конфликта были перенесены в Орду. Очевидно, между Тула-Бугой и Ногаем было заключено некое соглашение, в результате чего Олег получил возможность возвратиться в Рыльск. Но здесь в события вновь вмешивается Святослав. Коль он в это время не находился в Орде, а скрывался в воронежских лесах, то, естественно, и в соглашении не было упомянуто его имя и не были даны гарантии его княжения. Святослав вновь нападает на Ахмеда. От Олега требовали контроля за соблюдением достигнутых соглашений, он не мог без санкции Тула-Буги осуществить никаких действий, поэтому-то и спешит вновь в Орду с жалобой уже на Святослава. Тула-Буга приказал наказать Святослава. С ордынскими отрядами Олег нападает на князя и убивает его. Брат Святослава Александр бежит к Ногаю с жалобой на случившееся. Ногай, хоть и заключил соглашение с Тула-Бугой, чувствует себя ущемленным и посылает вместе с Александром свой отряд. В результате Олег и двое его сыновей были убиты. «Многа убо и велика сия повесть (завершает летописец рассказ об Ахматовых слободах. – В. Е.) но множества ради оставлена бысть; может бо и малая сия повесть человеку ум имущему плачь и слезы сътворити» [ПСРЛ, т. 10, с. 165]. Нас же интересует не столько нравоучительность данного рассказа, сколько его историческая информативность. Может, конечно, показаться, что Ногай вмешивается в русские дела только тогда, когда его просили сами русские князья, видя в нем новую силу и опору. На самом же деле Ногай целенаправленно подбирался к русским княжествам, стремясь закрепить и в этом регионе, отодвинув власть Орды. Летописи говорят о двух царях – Тула-Буге и Ногае. Местные князья признавали себя вассалами Волжской Орды, а хозяйничал в этих землях Ногай. Такая двойственность положения все больше приводила к раздвоению власти, фактически к двоевластию. Думается, что, если бы не более важные для него дела на Балканах, Подунавье, Ногай распространил бы полностью свою власть и на северо-восточные русские княжества.

Противостояние Ногая сильно раздражало Тула-Бугу. Возвратившись из венгерско-польского похода, он полностью отстраняет от власти Туда-Менгу и сам становится ханом Золотой Орды. Это произошло в 1287 г. Данное событие совпало со временем больших перемен, произошедших в государстве Иль-ханов. Там к власти пришел четвертый правитель Улуса Хулагу иль-хан Аргун. Начало правления было ознаменовано многочисленными казнями его противников. В поисках союзников он обращает свои взоры к правителям западных стран. Аргун отправляет посольство к королям Англии, Франции, Папе Римскому с целью организации совместного похода на мамлюкский Египет. Правители западных стран отделались лишь обещаниями. Но возможный альянс резко встревожил египетского султана Калауна. Он, по традиции, ищет поддержки в Кыпчакской Орде. В 1287 г. Калаун отправляет большое посольство в Сарай. Оно прибывает в столицу Орды уже после того, как Тула-Буга узурпировал власть в Золотой Орде. По обычаю, мамлюкский султан отправил большое количество подарков, среди которых «множество разных припасов для мечети, которая строилась в Крыму, ценою две тысячи динаров. На этой мечети были начертаны прозвища султана. Туда был послан также каменщик-каменосек для иссечения на упомянутой мечети султанских титулов. С ним же были посланы и масляные краски» [Тизенгаузен, 1884, с. 363]. Тула-Буге египетское посольство пришлось очень кстати. Для нового хана было очень важно поднять свой пошатнувшийся престиж после неудачных западных походов. Ему было важно приобрести поддержку и покровительство султана Египта для укрепления собственного авторитета и собственной власти. Вот почему, откликнувшись на призыв египетского правителя, он весной 1288 г. посылает свои войска на иль-хана Аргуна с целью захвата земель Азербайджана. Но и этот военный поход не имел успеха. Войска Тула-Буги потерпели жесточайшее поражение и вынуждены были отказаться от дальнейших планов войны с Иль-ханами.

Поражение в войне с улусом Хулагу резко пошатнуло положение Тула-Буги в Золотой Орде. Помимо того, что уже существовал открытый противник в лице Ногая, в недрах самой Золотой Орды ярко

проявилась оппозиция, состоящая из ближайших родственников Тула-Буги. У Менгу-Тимура, как уже говорилось ранее, было десять сыновей. Самым деятельным из них был Тохта, его активно поддерживали братья Бурлюк, Сарай-Буга, Тудан. Их противниками, являвшиеся сторонниками Тула-Буги, были Алгуй, Тогрулджа, Малаган, Кадан и Кутуган [Тизенгаузен, 1941, с. 69]. Ногай стал активно вмешивается в разногласия братьев, сея среди них раздор и ненависть друг к другу. Он устанавливает тайную связь с Тохтой и всячески ему содействует. Об этом становится известно Тула-Буге, и он решает захватить Тохту. Тот бежит к Ногаю, ища у него покровительства. Рашид-ад-Дин отмечает, что Тохта ищет защиты у Ногая как старшего в роду: «...дядины сыновья посягают на мою жизнь, ты старший (и потому) я ищу защиты у того, кто старший (ака), чтобы он меня поддержал и укоротил руку, которую родичи протягивают на меня. Пока я буду жив, я буду подвластен старшему (ака) и не стану выходить из пределов угодных ему» [там же, с. 69]. Решив сбросить Тула-Бугу, Ногай, по словам Рашид-ад-Дина, на правах старейшего в роду предложил созвать курултай. «Приходит пора старости; я прекратил споры, несогласия и враждебные действия, ни с одной душой не имею пререканий и помыслов о войне». Когда царевичи собрались на курултай, Ногай сказал им: «О, дети, я служил отцам вашим и, как в старину, так и недавно, оказал разные услуги; поэтому вам не мешает выслушать мои беспристрастные слова, чтобы я мог заменить вашу вражду истинным согласием» [там же, с. 69–70]. В это время подоспел Тохта с несколькими тысячами воинов, захватил царевичей и немедленно погубил их.

В арабских источниках факт захвата власти трактуется несколько по-иному. Решив содействовать Тохте, Ногай уговорил мать хана быть посредницей между ним и Тула-Бугой. «Сын твой еще царь молодой, – говорил он, – и я хочу наставить его и научить приемам, полезным для установления порядков и определения внешних и внутренних дел его, по мне нельзя взяться за это иначе, как в уединенном месте, куда не забрался бы никто кроме него; я желаю встретить его с небольшим числом людей, и чтобы около него не было никого из тех войск, которые он собрал вокруг себя». Ханша уговорила сына

отправиться на встречу с Ногаем с небольшой свитой. Прибывший на место Тула-Буга был окружен отрядом Ногая и выдан царевичу Токтаю. «Вот этот завладел царством отца твоего и твоим царством, а вот эти сыновья отца твоего согласились с ним схватить и убить тебя. Я отдаю их в твои руки; умертви их, как хочешь». Им покрыли головы и переломили спины. Это были Тула-Буга, Алгуй, Тагруджа, Малаган, Кадан и Кугу-ган, сыновья Менгу-Тимура» [Тизенгаузен, 1884, с. 107–108]. Теперь уже и не выяснить, какой из источников ближе к истине. Важны следующие факторы: 1. Разногласия возникли внутри дома Менгу-Тимура, и Тула-Буга явился одним из раздражителей накопившихся противоречий. 2. Активную роль сыграл и Ногай, умело лавируя между двумя группировками, устранил ненавистного ему Тула-Бугу. 3. Фактически именно Ногай возвел на ханский престол Тохту. И наконец, четвертый фактор: Ногай сделался полным хозяином Золотой Орды, поставив у власти послушную марионетку (помните клятву Тохты Ногаю!). Или по крайней мере, так думал сам Ногай. Но как же он ошибся!

Глава VII. Крах Ногая. Тохта

«Ногай не понимал, что совершает роковую ошибку, заводя дружбу с Тохтой. Человек, которому он помог, вскоре сверг его» [Вернадский, с. 191]. Я не мог удержаться, чтобы не процитировать это высказывание известного историка. С моей точки зрения, в нем заключен весь смысл событий последнего десятилетия XIII века.

После умертвления Тула-Буги Ногай самолично, без созыва курултая, провозгласил Тохту новым ханом Золотой Орды. Рукнеддин Бейбарс так описывает это событие: «...в 690 году (1291 г. – В. Е.) в Северных областях вступил на престол, после Тула-Буги, Токта. Когда Ногай вручил ему царство и утвердил его на нем, то он (в то же время) пристроил у него и действовавших за одно с ним братьев его: Бурлюка, Сарайбугу и Тудана и сказал: "эти братья твои будут к услугам твоим; благоволи к ним". Потом Ногай вернулся восвосяси» [Тизенгаузен, 1884, с. 108].

Это был триумф Ногая, это время его высшего взлета. Он – вершитель судеб в Золотой Орде. Возведенный им хан послушно выполняет все его поручения, слепо следует его воле. Это видно хотя бы на примере, как Ногай при помощи Тохты расправился со своими противниками, входившими в лагерь Тула-Буги. В 1293 г. Ногай посылает к Тохте визитером свою старшую жену Байлак-хатун. Тохта «встретил ее с почетом и ублажал ее пирами и подарками... несколько дней» [Тизенгаузен, 1884, с. 108]. После этого Тохта поинтересовался о цели визита высокой гостью. Байлак-хатун поведала, что Ногай очень обеспокоен тем, что осталось в живых 22 эмира, «это те, которые соединились с Тула-Бугой против Ногая» [там же]. Этим самым она дала понять, что враги Ногая, являются и врагами Тохты. В ответ правитель Орды по одному вызвал всех перечисленных Байлак-хатун эмиров и всех умертвил. «Байлак-хатун вернулась к Ногаю и сообщила ему об умертвлении их. Тогда улеглось беспокойство его и прекратилось опасение его» [там же], – это сообщение Рукнеддина Бейбарса прекрасно подчеркивает и тревогу, и обеспокоенность Ногая, и его умиротворение после совершенного. Сразу же за этим последовали казни и многих других противников Ногая.

В их числе оказалась и жена Менгу-Тимура Джиджек-хатун. Она в свое время очень покровительствовала Ногаю, была необычайно властной правительницей и при дворе Менгу-Тимура, и в правлении Туда-Менгу. Теперь она оказалась Ногаю ненужной, и он приказал задушить ее. Репрессии, осуществляемые Ногаем с молчаливого согласия Тохты, насторожили ордынское общество, но до открытого противостояния дело еще не дошло.

Наделив Тохту великоханской властью и тем самым упрочив свои позиции, Ногай вновь обращает свое внимание на Балканский полуостров. Очевидно, с его согласия болгарские войска во главе с видинским князем Шишманом напали на Сербию и опустошила ряд ее территорий. В ответ сербский король Милутин Урош II, собрав большое войско, отбил наступление противника и сам вторгся в болгарские земли. Он захватил город Видин и стал угрожать Браничевскому княжеству. И видинский, и браничевские князья были вассалами Ногая, вот почему оба они бросились к нему с просьбой защитить их. Ногай стал готовиться к походу. Отрадив наступление болгар, сербский король теперь вынужден был выступить и против Ногая. Но бороться со всеильным властителем Милутин Урош II просто не мог. И он посылает к Ногаю посольство с просьбой признать себя его вассалом. В качестве залога своей покорности сербский король оставляет у Ногая своего старшего сына Стефана. Сербия, как и Болгария, таким образом, оказалась в полной зависимости от Ногая.

Решив свои балканские проблемы, Ногай обращает внимание на Крымский полуостров. К 90-м годам XIII в. Крым стал своеобразным яблоком раздора между двумя крупнейшими итальянскими городами-государствами: Венецией и Генуей. Крым с его торговыми и транзитными портами был связующим звеном между Западом и Востоком, источником баснословных прибылей. Мы помним, что при Менгу-Тимуре генуэзцы получили широкие права и привилегии в причерноморской торговле, что в значительной степени ущемляло интересы венецианских купцов. По соглашению с Тохтой Ногай получил широчайшие права на Крымский полуостров. Он мог теперь содержать здесь свою военную администрацию, собирать налоги с портовых городов. Вот почему именно к нему в 1291 г. венецианцы на-

правляют свое посольство с целью разрушить генуэзскую монополию в Крыму. Ногай не торопился оказывать содействие венецианцам, очевидно, не желая разрушать уже сложившуюся ситуацию. Обеспокоенные генуэзцы, в свою очередь, обратились за помощью к Тохте с целью защиты их законных прав, ущемленных возможным альянсом Ногай и Венеции. Тохта благосклонно отнесся к их просьбе. Возник клубок острых противоречий в Крыму, когда впервые правитель Золотой Орды стал действовать вопреки решениям Ногай.

Отношения между Тохтой и Ногаем с самого начала были далеко не простыми. Полная подчиненность Ногаю на начальном этапе оказалась лишь ширмой. В отличие от своих предшественников Тохта обладал твердым характером, природа наделила его политической мудростью и хитростью. Он вовсе не собирался быть и дальше послушной марионеткой Ногай. Тохта копил силы и выжидал. А для этого ему нужно было много денег. Вот почему он и стал присматриваться к Крыму. Ну и, конечно, первоочередной взор был обращен на северо-восточные русские княжества, основной источник вот уже много лет поступления налогов.

Великим князем Владимирским был в это время ставленник Ногай Дмитрий Александрович Переяславский. Его младший брат Андрей Городецкий, потерпев неудачу в борьбе за владимирский престол, не успокоился и, как только изменилась политическая обстановка, начал новую борьбу за власть. В 1293 г. в Волжскую Орду к Тохте явилась большая группа русских князей во главе с Андреем Александровичем. «Жаловатися на великого князя Дмитрия Александровича Владимирского» [ПСРЛ, т. 10, с. 168]. Тохту меньше всего волновали распри между сыновьями Александра Невского. Ему нужен был на Руси верный союзник, способный обеспечить стабильное поступление налогов. Вот почему он обратил свое внимание на Андрея Городецкого, способного за великокняжеский престол удовлетворить любую прихоть хана. Выслушав жалобу, Тохта хотел сначала вызвать в Орду Дмитрия Александровича, но затем передумал и отправил на Русь большое войско под командованием своего брата Тудана (в русских источниках Дюдень (Дудень). – В. Е.). «Дюденева рать»

Андрей Александрович, князь Городецкий

стала одной из самых мрачных страниц русской истории конца XIII в.

Ордынцы в сопровождении Андрея Александровича Городецкого, его верного соратника Фёдора Ростиславича Ярославского, ростовских князей вторглись в пределы Руси. Первым городом, оказавшимся на пути захватчиков, стал Муром. Затем полному разорению подвергся город Владимир и его окрестности: «взяша Владимиръ ... и Суздаль, и Юрьевъ, и Переяславль, Дмитровъ, Москву,

Коломну, Можаяскъ, Волокъ, Углече поле, всехъ градовъ взяша, и всею землю пуну сътвориша», – отмечает Никоновская летопись [ПСРЛ, т. 10, с. 169]. Конечной целью похода была не только вотчина Дмитрия Александровича, основное – это поголовный грабеж и разорение. Сам Великий князь не имел сил сражаться с такой ордой, и бежал сначала к Волоку, а оттуда в Псков: «Людие же Переяславстии и разбежася вси» [там же]. Большинство из них бежало в Тверь. Этот город стал единственным, который оказал сопротивление ордынцам. Самого тверского князя Михаила Ярославича в этот момент в городе не было, он как раз возвращался из Ногаевой орды. О нашествии ордынцев он узнал где-то на подступах к Москве и тайком пытался проникнуть в свой город. Жители Твери настроены были настолько решительно: «вси совещашася межи собою съ татары битися» [там же], что ордынцы не решились атаковать город. Преследуя бежавшего Великого князя, Дудень замыслил идти на Псков и Новгород. Новгородцы, предчувствуя великую беду, решили откупиться. Они послали навстречу ордынцам своих послов «съ множествомъ безчисленно даровъ, дабы не ходили ратью къ Новугороду и властей ихъ не воевали» [там же]. Дудень посчитал, что этого достаточно и в феврале 1294 г., обремененный награбленным имуществом, с большим полоном, отправился обратно в Орду.

Однако Тохту не удовлетворили итоги этого зимнего нашествия. Вернее, сильно раззадорила непокорившаяся Тверь и лично ее князь, не признавший его воли и искавший покровительства у Ногая. В этот же год под Тверью появился новый ордынский

отряд под руководством Токтемира и «многу тягость учини людемъ, овехъ посече, а овехъ въ полонь поведе» [ПСРЛ, т. 18, с. 83].

Подводя итог этим мрачным действиям русских князей и Орды, мы отмечаем, что масштабы разорения Северо-Восточной Руси были поистине огромными. Обезлюдели сожженные города, уничтожены деревни, уведено в Орду большое количество скота и пленных. Оставшиеся в живых искали защиту в непроходимых лесах и болотах. Вот такой ценой оплачивал наш народ братоубийственную войну за великое княжение сыновей Александра Невского.

Сразу же после ухода войск Тудана (Дуденя) Андрей Городецкий и Фёдор Ярославский поделили между собой земли. Андрей взял Владимир и титул Великого князя, Фёдор занял Переяславль. Но изгнанный князь Дмитрий Александрович не собирался мириться со сложившейся ситуацией. Он вновь предпринимает попытку борьбы с братом. Из Пскова пробирается в Тверь, но окола города Торжка его настигает войско Андрея. Отряд Дмитрия был разбит, сам он едва спасся, бежал в Тверь, при этом потеряв всю свою казну. В этих условиях Дмитрий Александрович запросил у брата мира. Было заключено соглашение, по которому он отказывается от великого княжения, взамен ему возвращается Переяславль. Но ведь там уже находился князь Фёдор! Вынужденный подчиниться, Фёдор Ярославский, уходя из города, велел вновь поджечь многострадальный Переяславль. Вот такой он, Фёдор Ростиславович Ярославский, будущий русский святой. Однако Дмитрий Александрович не выдерживает всех бед, обрушившихся на него, и вскоре умирает. Тело его перевезли в Переяславль, где торжественно и похоронили. Переяславским князем стал сын умершего Иван Дмитриевич.

Чего добился князь Андрей Александрович? Да, он стал Великим князем Владимирским. Князем разоренной татарами да и им самим же земли, жители которой (кто остался в живых) пребывали в постоянном страхе и перед Ордой, и перед собственным князем. Нищета и разорение были его приданым. Андрей стал владимирским князем лишь благодаря поддержке Орды, всецело завися от нее, став рабом Тохты. Понимал ли это сам князь? Конечно, понимал и не только не противился, но и способствовал этому положению. Были ли у него

на Руси союзники? Если назвать шайку мародеров, которые вместе с ним приводили на Русь ордынцев и вместе разоряли русские земли и грабили народ, то да, были. Но как только менялась ситуация, и они готовы были бросить своего правителя (как мы видим на примере Фёдора Ярославского). А самое главное, у князя не было денег, средств к существованию. Его собственная вотчина – Городец – давала мало доходов. Ждать большой помощи от новгородцев – не дождешься. Оставалось искать источники внутри Владимирского княжества. И здесь взоры Андрея обратились на Переяславль. Неоднократно разоряемый, но в силу наличия вокруг плодородных земель «ополья» быстро возрождаемый, этот край привлек внимание Андрея Александровича. Ведь нельзя забывать, что Переяславль – это родовое гнездо Ярослава Всеволодовича, его сына Александра Невского. Но Переяславль достался сыну умершего Великого князя Владимирского Ивану Дмитриевичу. И потуги Андрея захватить это княжество встретили протест со стороны Михаила Ярославича Тверского и Даниила Александровича Московского.

Андрей Александрович прибегает к уже испытанной «модели». В 1295 г. он вновь едет в Орду к Тохте в надежде получить ярлык и на Переяславское княжество. По мнению А. А. Горского, князь Иван Дмитриевич в это время поехал за ярлыком в другую Орду – к Ногаю [Горский, 1996, с. 86]. Тохта направляет на Русь своего полномочного посла Олексу Неврюя и сарайского епископа Измаила. Цель предельно проста: навести наконец-то порядок на Руси. Сколько можно разорений! Пора превратить этот регион в спокойный и стабильный источник дани: «Бысть рать татарская, прииде Олекса Неврюи, и бысть съездъ всемъ княземъ русскимъ въ Володимери, и сташа супротив себе, со единой стороны князь велики Андреи, князь Федоръ Черный Ярославский Ростиславичъ, князь Костянтинъ Ростовский со единого, а съ другую сторону противу сташа князь Данило Александровичъ Московский, брат его князь Михайло Ярославичъ Тферский, да съ ними переяславци съ единого. И за малымъ упасль Богъ кровопролитья, мало бою не было; и поделившеся княжениемъ и разъехашася въ свояси» [ПСРЛ, т. 18, с. 83]. Однако вместо мирного обсуждения съезд едва не превратился в побоище. Лишь вмешательство ханского посла – владимирского

епископа Симеона и сарайского епископа Измаила предотвратило кровавую бойню. Переяславль остался за Иваном Дмитриевичем. Решение съезда не удовлетворило Андрея Городецкого. Он попытался силой захватить Переяславль. Но путь к городу преградили отряды Михаила Тверского и Даниила Московского. Впрочем, до военного сражения дело не дошло. Сражаться без воли Орды русские дружины уже не смели, и был заключен новый мир, подтвердивший решения Владимирского съезда. Миссия Неврюя была выполнена, и он возвратился в Орду. Русь для Тохты являлась лишь частью проблемы, главный было начало борьбы против Ногай.

Судя по источникам, Тохта оставался приверженцем монгольской веры и всячески старался укреплять ее устои. Арабские авторы особо подчеркивают, что Тохта сблизился с ламами и волшебниками. Старшим эмиром он сделал Салджидай-Гургена, приверженца шаманизма, чей юрт находился около Хорезма. Из «Сборника летописей» Рашид-ад-Дина мы узнаем, что, подчеркивая дружеские отношения между Ногаем и Тохтой, Салджидай-Гурген женил своего сына Яйлага на дочери Ногай Кабак. Дочь Ногай исповедовала мусульманство, а Яйлаг был приверженцем старой монгольской веры. Вот на этой почве и стали возникать противоречия. «Они (Яйлаг и родители его. – В. Е.) стали презирать Кабак» [Тизенгаузен, 1941, с. 70]. Ногай вступился за свою дочь, считая главным виновным Салджидай-Гургена. Он требовал его выдачи. Тохта ответил отказом: «Он мне как отец и воспитатель и (он) старый эмир, как же я отдам его в руки врага?» [Тизенгаузен, 1941, с. 70]. По мнению Рашид-ад-Дина, это и стало причиной начала военных действий. Конечно же, реальную основу разрыва между Тохтой и Ногаем надо рассматривать шире. Здесь и крымский конфликт, и борьба за влияние в русских княжествах, наконец, переход на сторону Ногай ряда военачальников Тохты: «они соблазнили несколько тысяч, принадлежащих Токтаю» [Тизенгаузен, 1941, с. 70–71]. Истинные же причины, как мне кажется, изложены у Рукнеддин Бейбарса: «Ногай долгое время был правителем царства, неограниченно распоряжавшимися Берковичами, смещая тех из царей их, кто ему не нравился и ставил (тех) кого сам

выбирал... Но Токте не понравилось быть подвластным ему: он старался сразиться с ним и хлопотал о войне с ним» [Тизенгаузен, 1884, с. 110–111].

Тохта исподволь копил силы, чтобы, когда наступит время, сразиться со своим бывшим покровителем. «Вследствии этого запылал с обеих сторон огонь вражды и неприязни. Токтай собрал войско и в 698 г. (=9.X.1298 – 27.IX.1299) на берегу реки Узи произвел осмотр приблизительно 30 туманам войска» [Тизенгаузен, 1941, с. 71]. Рашид-ад-Дин, таким образом, приводит приблизительную цифру войска Тохты – 300 тысяч воинов. Рукнеддин Бейбарс определяет численность войска Ногая в пределах 200 тысяч человек [Тизенгаузен, 1884, с. 111]. Сражение произошло «при реке Яса (Аксай?), лежащей между владениями Токты и владениями Ногая» [Тизенгаузен, 1884, с. 111]. Е. П. Мыськов определяет это место в междуречье Дона и Аксая, скорее всего, в районе современного города Новочеркаска [Мыськов, с. 134]. Дон служил границей улусов Тохты и Ногая, этим, очевидно, и определялся выбор места сражения. Противники не желали на данном этапе нарушать установившееся территориальное деление. Сражение было необычайно упорным и завершилось разгромом войск Тохты. По словам Бейбарса, Ногай преследовал бежащих с поля боя воинов Тохты до самого Дона, а затем «приказал своим войскам не преследовать бегущих и не бросаться на раненых, захватил добычу, пленных и багаж (неприятельский) и вернулся во свояси» [Тизенгаузен, 1884, с. 111].

Можно говорить о стратегической ошибке Ногая. Не прекратив преследования противника, он бы полностью уничтожил войско Тохты и, очевидно, его самого. Он этого не сделал. Сейчас уже трудно ответить на вопрос «почему?». Посчитал ли, что враг и так уже сломлен, либо, изгнав противника за пределы своего улуса, решил, что дело сделано. Мне кажется, все же, что, преступив границу, Ногай тем самым нарушал принцип легитимности власти, гарантом которой он был сам. Он этого не сделал.

Возможно, подействовал и фактор, изложенный у Бейбарса. Сразу же после разгрома войск Тохты до Ногая дошло известие об

убийстве в городе Кафе в Крыму Актаджи, его внука. Актаджи был отправлен дедом собирать причитавшиеся с города налоги. «Они угостили его, поднесли ему кое-что для еды и вино для питья. Он поел, да выпил вино и одолело его опьянение. Тогда они (жители) напали на него и убили. Известие об умертвлении его дошло до Ногая, деда его, который отправил в Крым огромное войско. Оно ограбило его (город Кафу), сожгло его, убило множество крымцев, взяло в плен находившихся в нем купцов мусульманских, аланских и франкских, захватило имущество, ограбило Сарукерман, Кырк-Иери, Керчь и др.» [Тизенгаузен, 1884, с. 111–112].

Но эта месть оказалось Ногаю неполной. Теперь уже сам во главе всего войска он подошел к городу Солдайю (Судак). По словам ал-Муфаддаля, Ногай приказал всем жителям, кто поддерживает его, выйти из города со всем своим имуществом. «Вышли все приверженцы его, а их было более 1/3 (населения). Потом он приказал войскам окружить его (город) и стал требовать к себе одного за другим, истязал его и отбирал все его имущество, а затем убивал его, так что умертвил всех, кто (оставался) в городе. После этого он поджег его (город) и уничтожил его дотла» [Тизенгаузен, 1884, с. 195]. Одной из причин такой жестокости, объясняет автор, было то, что прибыль, поступающая от города, делилась на части, одна из которых шла Тохте. Этими походами на Крым Ногай попытался полностью вытеснить с этой территории Тохту, лишить его стабильного источника доходов. И это ему на время удалось.

Одержав решительную победу, завоевав большое количество пленных и имущества, Ногай занялся перераспределением награбленного, раздачей армейским военачальникам почестей и наделов. Тем более, что на стороне Ногая воевали знатные ордынцы, бежавшие в свое время от Тохты. Это были сыновья Курмыши, «принадлежавшие к числу старейших военачальников и командовавшие тьмами в Северных областях. *Они были равны Ногаю по могуществу, значению и численности войска* (курсив мой. – В. Е.)» [Тизенгаузен, 1884, с. 112]. Они надеялись, что им достанется причитающаяся доля и власти, и добычи. Но Ногай не собирався ни с кем делиться

властью. Старейший и дрехлеющий правитель все сосредоточил в руках своих сыновей Джеки, Теки и Турая, тем самым вызвав волну возмущения ордынской знати. Сыновья Курмыши Абаджи, Караджин, Янджи со своими людьми решили перейти на сторону Тохты. Узнав об этом, Ногай отправил за ними в погоню отряды своих сыновей. В открытом сражении ногайцам не удалось разгромить противника. Ценой хитрости и предательства им удалось убить двух братьев, спасся лишь младший из них, Янджи. Большая часть войска Курмыши была перебита, часть бежала в распоряжение Тохты.

Подобные действия Ногай вызвали бурю недовольства среди его соратников. Часть из них перешли на сторону Тохты. «Это были Маджи, Судун, Утрадж, Акбуга и Тайта и с ними 30 000 всадников» [Тизенгаузен, 1884, с. 113]. Это значительно укрепило войско Тохты и повысило его решимость продолжать борьбу. В то время, когда Тохта собирал силы, между сыновьями Ногай начались распри. Воспользовавшись ситуацией, Тохта собрал 60-тысячное войско и, перейдя реку Узу (Днепр) и Тарку (Днестр), на реке Куканлык разбил своего противника [Тизенгаузен, 1941, с. 71–72]. Г. В. Вернадский ассоциирует это место с рекой Кагамлык в Полтавской области [Вернадский, с. 194]. У Эннувейри есть красочное описание смерти Ногай: «Ногай был разбит на закате солнца; сыновья и войско его обратилось в бегство. Сам же он остановился на коне своем, а был он уже в преклонных летах и глаза его прикрывались волосами бровей его. Настиг его Русский из войска Токты и хотел убить его. Он сообщил ему о личности своей и сказал: "Я Ногай, отведи меня к Токте; мне нужно поговорить с ним". Но Русский не внял его словам, убил его, а голову его отнес к Токте и сказал: "вот голова Ногай". Тот спросил его: "да кто тебе сказал, что это Ногай?" Тогда он (русский) рассказал ему рассказ (т. е. все как было. – В. Е.). Это огорчило его (Токту); он велел убить убийцу (Ногай) и сказал: "по закону ему (следует) смерть; дабы подобные ему не осмеливались убивать таких людей, как этот великий человек"» [Тизенгаузен, 1884, с. 159–160]. Тохта приказал казнить убийцу Ногай: «...у простолюдина нет права убивать хана» [там же]. Вот так – вместо ожидаемой награды русский воин обрел наказание.

Разгром войск Ногая был полным, но до окончательного уничтожения вотчины Ногая было еще далеко. Старший сын бывшего правителя Джеке, убив своего брата Теку, захватил улус отца, «стал самовластно править государством своего отца» [Тизенгаузен, 1884, с. 160–161]. Вскоре против него был организован заговор, и он с остатком войска бежал в Болгарию, где ему на короткое время удалось захватить болгарский престол и стать царем. Продержался он очень недолго. По приказу Тохты его заточили в замок Тырнова, где Джеке и был умерщвлен. Младший сын Ногая Турай вскоре был разбит войсками Тохты.

Война между Тохтой и Ногаем привела к страшному разорению южнорусских степей. Естественно, это была война не только между ордынскими улусами, но в нее оказались втянутыми и русские княжества. Одни воевали на стороне Ногая, другие на стороне Тохты (достаточно вновь вспомнить эпизод убийства Ногая русским воином). В результате южнорусские княжества (Киевское, Черниговское, Переяславское и др.) обезлюдели. Часть населения, поддерживающая Ногая, покинула родные места и ушла в северо-восточные княжества к тем князьям, что были его вассалами. В 1299 г. «Митрополитъ Максимъ не терпя Татарьского насилыя оставя Митрополью и збежа ис Киева и весь Киев розбежалъся», – отмечает Лаврентьевская летопись [ПСРЛ, т. 1, стб. 485]. Центр русской митрополии перемещается таким образом, во Владимир. Тяжелое наследие досталось Тохте. Завершилось время Ногая. Наступает эра Тохты, приведшая к необычному подъему Золотой Орды, превращению ее в крупнейшее и процветающее государство Евразии в 20–40 годы XIV в. Но эта тема уже другого повествования.

Словарь терминов

Багатур – почетный титул у монгольских и тюркских народов, означающий «богатырь», «доблестный воин».

Баскак – представитель ханской власти в завоеванных землях, в его функции входил надзор за выполнением ханских приказов.

Беклярибек – управляющий внутренним улусом; командующий ордынской армией.

Борджигин – монгольский род, основателем которого источники называют Бодончара. К этому роду принадлежал Чингис-хан.

Везир – титул высших сановников в мусульманском мире, глава гражданской администрации.

«*Великая Ясса*» – свод общемонгольских правовых норм, установленных Чингис-ханом.

Даруга – монгольское должностное лицо, в чьи функции входил сбор дани (выхода), различных повинностей в пользу казны.

Дешт-и-Кыпчак («Кыпчакская степь») – исторический район Евразии, Великая Степь, простиравшаяся от устья Дуная до верховьев Иртыша.

Иль-каан (иль-хан) – титул владетеля Улуса Хулагу.

Каан (Великий каан) – верховный правитель Монгольской империи.

Каракорум – столица Монгольской империи в 1220–1260 гг. Расположена в Центральной Монголии на берегах Орхона.

Курултай – всенародный съезд монгольской знати, собирающийся для решения важнейших государственных вопросов.

Кипчаки – древний тюркский народ, заселявший степные просторы Причерноморья. В европейских и византийских источниках называются куманами, в русских источниках – половцами.

Мавераннахр – земли между Амударьей и Сырдарьей.

Мамлюки – военная каста в средневековом Египте, рекрутировавшаяся из юношей – рабов тюркского (кипчаки) и кавказского (черкесы) происхождения. Известная династия правителей в Египте (1252–1517 гг.).

Нойон – монгольский титул (= господин, князь); светский феодал в Монголии.

Очигин – хранитель очага. У монголов и по сей день существует обычай, что младший сын остается жить с родителями, заботится о них и наследует основную часть их имущества.

Пайцза – верительная бирка из золота, серебра, бронзы, дерева; дощечка, выдаваемая от имени хана как пропуск или мандат, по которой ее обладателю предоставляли все необходимое в пути.

«Сокровенное сказание» («Тайная история монголов») – памятник древнемонгольской литературы, источник по истории монгол, их государства и основателя империи Чингис-хана. Составлено около 1240 г.

Темник – командир монгольского войска, численностью 10 тыс. человек; *тумен* – тьма (рус.).

Улус (= племя, войско, территория, государство) – область империи Чингис-хана; выделенная сыновьям Чингис-хана территория; территория, выделенная правителем своему подданному во временное владение.

Хатун – женский титул, аналогичный мужскому хан.

Чингизиды – прямые потомки Чингис-хана от его старшей жены Бортэ.

Эмир – в мусульманском мире титул представителя кочевой знати.

Юрт – у тюрских народов участок земли вместе с проживающими на ней людьми, находящийся в наследственной собственности.

Ярлык – ханский указ, грамота.

Библиографический список

Абуль-Гази: *Абуль-Гази-Бахадур-хан*. Родословное древо тюрков / пер. и предисл. Г. С. Саблукова. М., 1996.

Али-Заде: *Али-Заде А. А.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана в XIII–XIV вв. Баку, 1956.

Аннинский: *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII и XIV в. в. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. III.

Арабески истории: *Арабески истории*. Мир Льва Гумилёва. М., 1997.

Архимандрит Леонид: *Архимандрит Леонид*. Хан Ногай и его влияние на Россию и южных славян. Чтения в ИОНДР. 1863. Кн. 3.

БЛДР: *Библиотека литературы Древней Руси*: в 16 т. СПб., 2000. Т. 5.

Бушков: *Бушков А. Н.* Чингисхан. Неизвестная Азия. М., 2007.

Вернадский: *Вернадский Г. В.* История России. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997.

Веселовский: *Веселовский Н. Н.* Хан из темников Золотой Орды и его время. Пг., 1922.

Викторова: *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.

Владимирцов: *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Воинские повести: *Воинские повести Древней Руси*. Л., 1985.

Воронин: *Воронин Н. Н.* Переяславль-Залесский. М., 1948.

Газиз: *Газиз (Губайдуллин) Г.* История татар. М., 1994.

Галстян: *Галстян А. И.* Завоевание Армении монгольскими войсками // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.

ГВНП: *Грамоты Великого Новгорода и Пскова* / под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

Голубинский, 1997: *Голубинский Е.* История Русской церкви. Первая половина тома. М., 1997.

Голубинский, 1998: *Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1998.

Горский, 1996: *Горский А. А.* Политическая борьба на Руси в конце XIII века и отношения с Ордой // ОИ. 1996. № 1.

- Горский, 2004: *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2004.
- Греков, Якубовский: *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.
- Григорьев: *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. Чингизские жалованные грамоты. Л., 1978.
- Гумилёв: *Гумилёв Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992.
- Далай: *Далай Ч.* Монголия в XIII–XIV вв. М., 1983.
- Даркевич: *Даркевич В. П.* Путешествие в Древнюю Рязань. Рязань, 1993.
- Даркевич, Борисевич: *Даркевич В. П., Борисевич Г. В.* Древняя столица Рязанской земли. XI–XIII вв. М., 1995.
- Древнерусское градостроительство: *Древнерусское градостроительство.* М., 1993.
- Егоров: *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
- Елагин: *Елагин В. С.* «Житие Александра Невского» как исторический источник. Новосибирск, 2008.
- Закиров: *Закиров С. В.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). Баку, 1966.
- Золотая Орда: *Золотая Орда и ее наследие.* М., 2002.
- ИА: *Исторический архив.* М.; Л., 1940. Т. III.
- Ибрагимов: *Ибрагимов Н.* Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988.
- Источниковедение: *Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотая Орда). От Калки до Астрахани.* Казань, 2001.
- Карамзин: *Карамзин Н. М.* История государства Российского: в 4 кн. М., 1988. Кн. I–IV.
- Каргалов, 1966: *Каргалов В. В.* Монголо-татарское нашествие на Русь XIII в. М., 1966.
- Каргалов, 1967: *Каргалов В. В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967.
- Карпини: *Карпини Дж. дель Плано.* История монголов // Дж. дель Плано Карпини. История монголов. Г. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло / вступ. ст., коммент. М. Б. Горнунга. М., 1997.

Кляшторный, Султанов: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и Средневековье. СПб., 2004.

Князький: *Князький И. О.* Русь и Степь. М., 1996.

Козин: *Козин С. А.* Сокровенное сказание. М.; Л. 1941.

Кощев: *Кощев В. Б.* Еще раз о численности монгольского войска в 1237 году // ВИ. 1993. № 10.

Краткая история Болгарии: *Краткая история Болгарии.* М., 1987.

Краткая история Венгрии: *Краткая история Венгрии.* М., 1986.

Кривошеев: *Кривошеев Ю. В.* Русь и монголы. СПб., 2003.

Кульпин: *Кульпин Э. С.* Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. М., 2007.

Кучкин, 1984: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Кучкин, 1991: *Кучкин В. А.* Русь под игом: как это было? М., 1991.

Кычанов: *Кычанов Е. И.* Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся // Монголо-татары в Азии и Европе. М., 1977.

Лин: *Лин Паль фон.* Русь и Орда. СПб., 2008.

Лихачёв: *Лихачёв Д. С.* Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем в первой четверти XV в.» // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961.

Мавродин: *Мавродин В. В.* Очерки по истории Левобережной Украины. СПб., 2002.

Марко Поло: *Книга Марко Поло.* М., 1956.

Мартынов: *Мартынов А. И.* Археология СССР. М., 1973.

Монгайт, 1958: *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. М., 1958.

Монгайт, 1961: *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961.

Мухаметов: *Мухаметов Ф. Ф.* Социально-политическая борьба в монгольском обществе и на Руси (конец XII–XIV вв.). Челябинск, 2000.

Мыськов: *Мыськов Е. П.* Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград, 2003.

Мэн: *Мэн Дж.* Чингисхан. М., 2007.

- Мэн-да Бей Лу: *Мэн-да Бей Лу*. Полное описание монголо-татар. М., 1975.
- Насонов: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. М.; Л., 1940.
- НПЛ: *Новгородская* первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Орлов: *Орлов А. С.* Древняя русская литература XI–XVI вв. М.; Л., 1937.
- Памятники: *Памятники* древнерусского канонического права. СПб., 1908. Ч. 1: Памятники XI–XV вв.
- Памятники литературы: *Памятники* литературы Древней Руси. XIV – сер. XV вв. М., 1981.
- Патканов: *Патканов К.* История монголов по армянским источникам. 1873. Ч. 1.
- Пашуто, 1950: *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
- Пашуто, 1959: *Пашуто В. Т.* Образование Литовского государства. М., 1959.
- Пашуто, 1957: *Пашуто В. Т.* Монгольский поход в глубь Европы // Монголо-татары в Азии и Европе. М., 1977.
- Петрушевский: *Петрушевский И. П.* Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов (1256–1353 гг.) // Монголо-татары в Азии и Европе. М., 1977.
- Плетнёва: *Плетнёва С. А.* Половцы. М., 1980.
- Повесть: *Повесть* о разорении Рязани Батыем // БЛДР. СПб., 2000. Т. 5.
- Полубояринова, 1978: *Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
- Полубояринова, 1993: *Полубояринова М. Д.* Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М., 1993.
- Похлёбкин: *Похлёбкин В. В.* Татары и Русь. М., 2000.
- Почекаев: *Почекаев Р. Ю.* Хан, который никогда не был ханом. М., 2006.
- Приселков: *Приселков М. Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. М., 1916.

ПСРЛ, т. 1: *Полное собрание русских летописей*. М., 1962. Т. 1: Лаврентьевская летопись.

ПСРЛ, т. 2: *Полное собрание русских летописей*. М., 1962. Т. 2: Ипатьевская летопись.

ПСРЛ, т. 6: *Полное собрание русских летописей*. М., 2000. Т. 6: Софийская 1-я летопись старшего извода.

ПСРЛ, т. 10: *Полное собрание русских летописей*. М., 2000. Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью.

ПСРЛ, т. 15: *Полное собрание русских летописей*. М., 1965. Т. 15: Рогожский летописец.

ПСРЛ, т. 16: *Полное собрание русских летописей*. СПб., 1889. Т. 16: Летопись Авраамки.

ПСРЛ, т. 18: *Полное собрание русских летописей*. СПб., 1913. Т. 18: Симеоновская летопись.

Рашид-ад-Дин, 1952: *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1., кн. 2.

Рашид-ад-Дин, 1960: *Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. 2.

Сафаргалиев: *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Соловьёв: *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времен: в 15 кн. М., 1960. Кн. II, т. 3–4.

Татищев, 1964: *Татищев В. Н.* История Российская: в 7 т. М.; Л., 1964. Т. 3.

Татищев, 1965: *Татищев В. Н.* История Российская: в 7 т. М.; Л., 1965. Т. 5.

Тизенгаузен, 1884: *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1.

Тизенгаузен, 1941: *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2.

Тихомиров: *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956.

ТЛ: *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

Трепавлов: *Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. (проблемы исторической преемственности). М., 1993.

Фахретдин: *Фахретдин Р.* Ханы Золотой Орды. Казань, 1996.

Фёдоров-Давыдов: *Фёдоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Феннел: *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989.

Хара-Даван: *Хара-Даван Э.* Чингисхан как полководец и его наследие. Элиста, 1991.

Хафизов: *Хафизов Г. Г.* Распад Монгольской империи и образование Улуса Джучи. Казань, 2000.

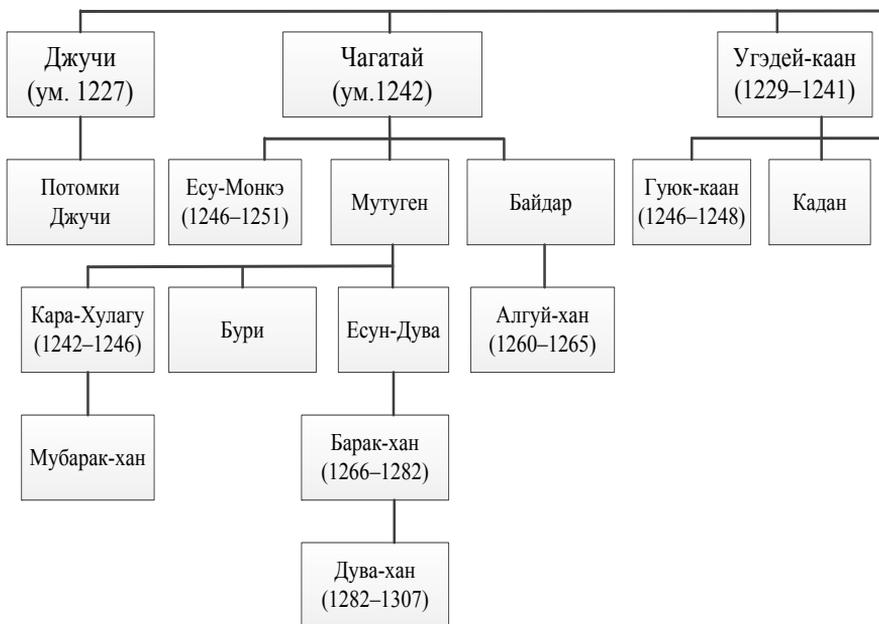
Хрусталёв: *Хрусталёв Д. Г.* Русь: от нашествия до «ига». СПб., 2008.

Художественная проза: *Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков.* М., 1957.

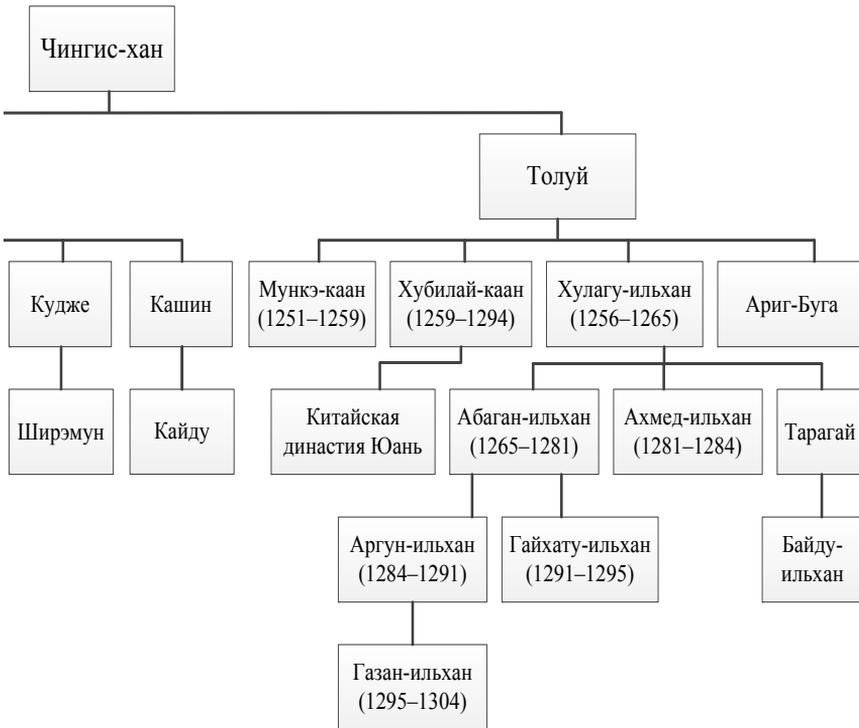
Черепнин: *Черепнин Л. В.* Монголо-татары на Руси (XIII век) // Монголы-татары в Азии и Европе. М., 1977.

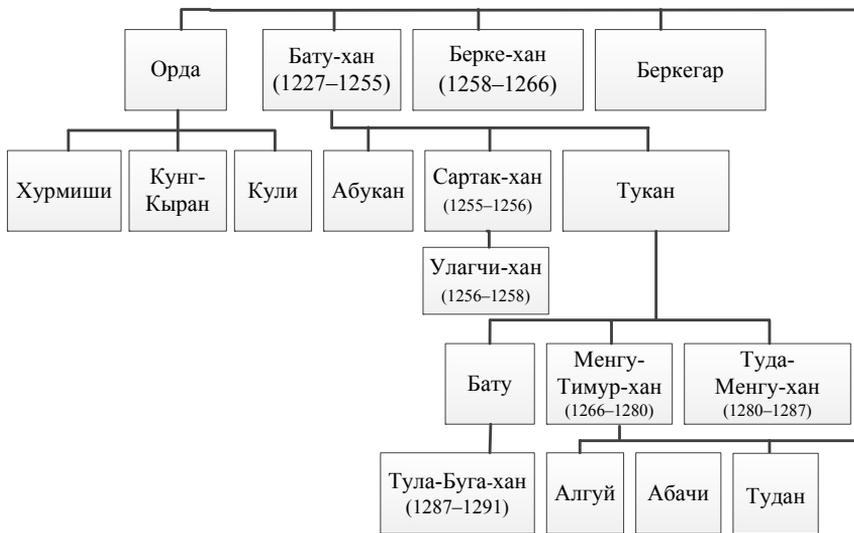
Чивилихин: *Чивилихин В. А.* Память. Фрунзе, 1986.

Широкоград: *Широкоград А. Б.* Русь и Орда. М., 2004.

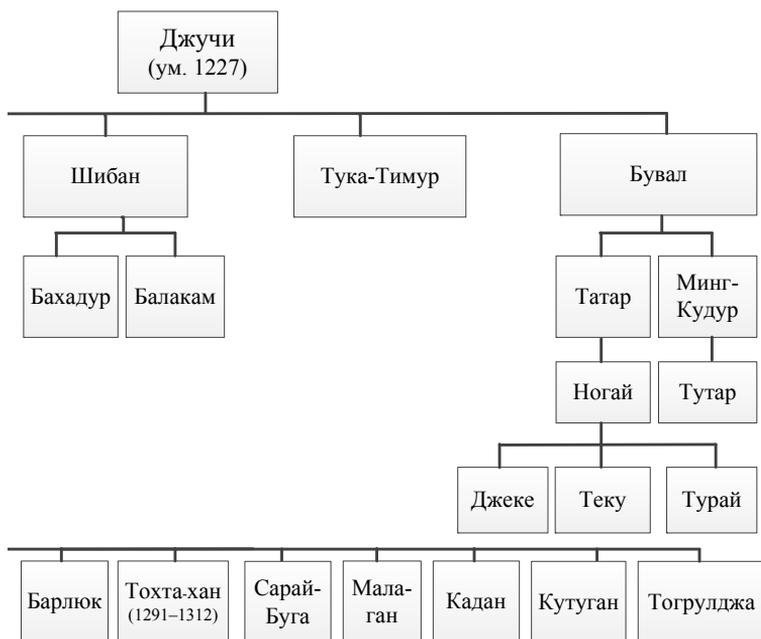

Генеалогическая таблица правителей
Монгольской империи. XIII в.

**Генеалогическая таблица
правителей Золотой Орды. XIII в.
(потомки Джучи)**

Оглавление

От автора.....	4
Глава I. Образование Улуса Джучи.....	8
Глава II. Путь на Запад. Рождение Золотой Орды.....	26
Глава III. Правление Сартака и Улагчи.....	113
Глава IV. Улус Берке. Дешт-и-Берке.....	126
Глава V. Правление Менгу-Тимура.....	141
Глава VI. Ногай.....	159
Глава VII. Крах Ногая. Тохта.....	175
Словарь терминов.....	186
Библиографический список.....	188
Приложения.....	194

Научно - популярное издание

Елагин Виталий Сергеевич

Золотая Орда. XIII век

Редактор – *Н. А. Егина*

Компьютерная верстка – *И. Г. Шерко*

Подписано в печать 17.02.2013. Формат бумаги 60×84/16.

Печать офсетная. Дополнительный тираж 500 экз.

Усл. п. л. 11,6. Уч.-изд. л. 12,5.

Заказ № 12

ФГБОУ ВПО «НГПУ», 630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28

Отпечатано:

ООО «Пиктограмма», 630091, Новосибирск, ул. Писарева, 1а